

ПСИХОПЕДАГОГИКА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

№ 1(64) 2016

Издается с мая 1995 г. Выходит четыре раза в год

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

Морально-психологическая профессиональная подготовка и надежность

- Федотов С. Н., Еременко Т. Е.** Влияние психологических факторов на успешность служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России 3
- Шпагина Е. М.** Вопросы защиты информации в работе психолога органов внутренних дел 8
- Созонник А. В.** Формирование профессиональной идентичности личности курсанта на разных этапах профессиональной социализации 12

Психолого-педагогические аспекты становления и развития личности

- Склярченко И. С.** Экспериментальное исследование по формированию ценностных установок профессионального общения у курсантов образовательных организаций МВД России 18
- Литвин Д. В., Лупырь В. Г.** Особенности профессиональной компетентности сотрудников полиции в области применения мер непосредственного принуждения (на примере Краснодарского края) 23
- Забегалина С. В., Чигарькова А. В.** Адаптивные и прогностические способности в структуре поведенческих и когнитивных особенностей личности военнослужащего. 29
- Шилова И. М.** Психологическое сопровождение студента в процессе профессионального обучения и воспитания 33
- Баранова О. В.** О развитии профессионального мышления психологов. 35

Психология правонарушающего поведения

- Кулешов Р. В.** Психолого-криминалистические особенности субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности как объект научного изучения 38
- Бойко О. А., Панов С. Л.** Социально-психологические аспекты потребления «спайсов». 41

Психологические аспекты воспитательной, правовой и профилактической работы

- Амельчаков И. Ф., Чесовская М. Г., Долин В. А.** Толерантность как личностное качество сотрудника органов внутренних дел (теоретико-методологические основания) 44

Тимко С. А., Жайворонок А. В.

Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения групповой преступности несовершеннолетних 47

Старостин А. А. Учет характеристики личности подозреваемых и обвиняемых в деятельности подразделений охраны и конвоирования ОВД 50

Психокоррекция и регуляция состояний

Човдырова Г. С., Антонова Э. А. Неблагоприятные психические состояния сотрудников ОВД и уровни развития психологических профессионально важных качеств. 53

Гранкина И. В., Иванова Т. И. Направления психолого-педагогической коррекции детей с девиантными формами поведения и с психическими расстройствами. 57

Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д.

Моббинг — психологический террор обучающихся 61

Педагогика высшей профессиональной школы

Клевцов В. В., Булысова Т. В. Особенности формирования у обучающихся практических навыков и умений применения технико-криминалистических средств на практических занятиях по криминалистике 65

Сидорова И. В., Желонкина Е. А. Разработка оценочных средств, определяющих уровень сформированности компетенций у обучающихся в ходе текущей и промежуточной аттестации 67

Терещенко В. В. Возможности применения инновационных технологий обучения юридической психологии бакалавров юриспруденции 71

Приглашаем к дискуссии

Шаранов Ю. А. Основные противоречия развития ведомственного образования 76

Сведения об авторах 83

Аннотации статей и ключевые слова на английском языке 84

Информация для авторов и подписчиков 87

Учредитель издания:
Омская академия МВД России

Редакционный совет:

В. Г. Асеев, доктор психологических наук,
профессор (Иркутск, Россия)

Б. Б. Булатов, доктор юридических наук,
профессор (Омск, Россия)

Б. А. Вяткин, доктор психологических наук,
профессор (Пермь, Россия)

В. А. Губин, доктор психологических наук,
профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Б. Ю. Дерешко, кандидат юридических наук
(Москва, Россия)

А. А. Ендржеевский, (Москва, Россия)

А. Т. Иваницкий, доктор психологических наук,
профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Крук, доктор психологических наук,
профессор, *председатель* (Москва, Россия)

В. Л. Кубышко, кандидат педагогических наук
(Москва, Россия)

И. Б. Лебедев, доктор психологических наук,
профессор (Москва, Россия)

А. Г. Маклаков, доктор психологических наук,
профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. Ф. Поддипняк, доктор педагогических наук,
профессор (Москва, Россия)

В. М. Поздняков, доктор психологических наук,
профессор (Москва, Россия)

А. А. Реан, доктор педагогических наук,
профессор (Москва, Россия)

В. Ю. Рыбников, доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)

А. Н. Сухов, доктор психологических наук,
профессор (Рязань, Россия)

С. Н. Федоров, доктор психологических наук,
профессор (Москва, Россия)

Ю. А. Шаранов, доктор психологических наук,
профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия:

Л. Н. Антилогова, доктор психологических наук,
кандидат философских наук, профессор (Омск, Россия)

Н. В. Астафьев, доктор педагогических наук,
профессор (Тюмень, Россия)

Г. Д. Бабушкин, доктор педагогических наук,
профессор, *зам. главного редактора* (Омск, Россия)

В. В. Векленко, доктор юридических наук,
профессор (Омск, Россия)

И. А. Вишняков, доктор психологических наук,
профессор (Омск, Россия)

А. Ф. Караваяев, кандидат педагогических наук,
доцент, *главный редактор* (Омск, Россия)

А. Г. Караяни, доктор психологических наук,
профессор (Москва, Россия)

М. П. Клейменов, доктор юридических наук,
профессор (Омск, Россия)

Т. Н. Кильмашкина, доктор юридических наук,
профессор (Москва, Россия)

И. О. Котенев, кандидат психологических наук,
профессор, (Москва, Россия)

В. Б. Куликов, доктор философских наук,
профессор (Екатеринбург, Россия)

М. И. Марьин, доктор психологических наук,
профессор, *зам. главного редактора* (Москва, Россия)

Н. И. Мягких, кандидат психологических наук
(Москва, Россия)

А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук,
профессор (Омск, Россия)

В. Е. Петров, кандидат психологических наук,
доцент (Москва, Россия)

Г. Ч. Синченко, доктор философских наук,
профессор (Омск, Россия)

И. Н. Сорокотягин, доктор юридических наук,
профессор (Екатеринбург, Россия)

П. Т. Тюрин, доктор психологических наук,
профессор (Рига, Латвийская Республика)

В. И. Филиппенко, кандидат психологических
наук, доцент (Омск, Россия)

В. Л. Цветков, доктор психологических наук,
профессор, *зам. главного редактора* (Москва, Россия)

Д. В. Четверяков, доктор психологических наук,
кандидат медицинских наук, профессор (Омск, Россия)

Г. С. Човдырова, доктор психологических наук,
доктор медицинских наук, профессор (Москва, Россия)

А. С. Шаров, доктор психологических наук,
профессор (Омск, Россия)

Е. П. Щербаков, доктор психологических наук,
профессор, *ответственный секретарь* (Омск, Россия)

Редактор Ю. А. Прудникова

Корректор Л. И. Замулло

Компьютерная верстка А. В. Евдокимов

Адрес издателя, редакции и группы полиграфической и оперативной печати:

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Тел.: (3812) 75-13-04, 75-04-96, факс: 750-560. E-mail: karavaevmvd@mail.ru

Цена свободная.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС77-36632. Выдано Роскомнадзором 18 июня 2009 г.

Выход в свет: 31.03.2016. Тираж 300 экз. Уч.-изд. л. 10,8. Усл. печ. л. 10,2 Заказ № 189.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© Омская академия МВД России, 2016

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И НАДЕЖНОСТЬ

УДК 159.9

ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА УСПЕШНОСТЬ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

С. Н. Федотов, Т. Е. Еременко

В статье рассматривается проблема исследования психологических факторов успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций правоохранительных органов. Приведены результаты факторного анализа данных психодиагностического обследования успешных в служебной деятельности курсантов. Представлено описание психологического портрета успешного курсанта. Результаты исследования могут быть использованы в оценке личных и деловых качеств курсантов, плановой (внеплановой) аттестации, выдвижении кадрового резерва, формировании психологического портрета курсантов, включенных в группу повышенного психолого-педагогического внимания, и т. д.

Ключевые слова: служебная деятельность, личностная надежность, психологические факторы успешности деятельности, психодиагностическое обследование, уравнение регрессии.

Актуальность нашего исследования обусловлена высокой социальной значимостью деятельности органов внутренних дел. На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел РФ 21 марта 2014 г. глава МВД России В. А. Колокольцев обратил внимание на то обстоятельство, что ситуация, которая сложилась после сокращения численности органов внутренних дел, сложная. Он сказал: «Мы должны учиться работать в новых условиях. С максимальной эффективностью использовать имеющиеся ресурсы. Рационально распределять их по приоритетным направлениям. Акцент важно делать не на количество, а на качество личного состава. Целенаправленно заниматься вопросами повышения профессионального уровня сотрудников, внедрять передовые методы и современные информационные технологии»¹.

Особое место в рядах сотрудников правоохранительных органов занимают курсанты образовательных организаций, которые, с одной стороны, осуществляют учебную деятельность, а с другой — выполняют большой объем служебной деятельности, связаны с несением внутренних нарядов, привлечением к охране общественного порядка на массовых мероприятиях и т. д.

Эта задача может быть успешно решена при комплексной психологической оценке успешности служебной деятельности и профессиональной компетентности курсанта не только на этапе профессионального психологического отбора, но и в процессе реализации программы обеспечения надежности сотрудника на протяжении всего периода его обучения в образовательной организации правоохранительных органов.

По мнению В. М. Крука, базовым психологическим механизмом реализации системы надежности сотрудника правоохранительных органов является непрерывность оценки факторов риска². Соответственно, оценку личных и деловых качеств курсанта необходимо осуществлять как на этапе поступления в образовательную организацию, так и во время всего периода обучения.

Анализ специальной литературы показывает, что практически отсутствуют публикации, связанные с оценкой личных и деловых качеств сотрудников (курсантов) в интересах плановой или внеплановой аттестации, выдвижения кадрового резерва, диагностики индивидуально-психологических свойств сотрудников, включенных в группу повышенного психолого-педагогического внимания, и т. д.

В интересах обеспечения личностной надежности курсантов целесообразно использовать все имеющиеся средства проверки, усовершенствовать их, вести поиск новых видов исследований для повышения эффективности психологической работы.

Нами была сформулирована и обоснована научно-методическая программа исследований по выявлению психологических факторов, детерминирующих успешность служебной деятельности курсантов (в контексте обеспечения личностной надежности).

Кандидаты на службу и учебу (различий не делается) должны обладать такими профессионально важными качествами, как достаточный уровень общего интеллектуального развития, способности к логическим суждениям и умозаключениям, высокая эмоциональная устойчивость, уравновешенность, умение контролировать внешнее проявление эмоций и поведение. К числу немаловажных характеристик, изучаемых в процессе профессионального психологического отбора, относят степень смелости, решительности, настойчивости, выдержки, работоспособности кандидата, а также высокий уровень нравственных убежде-

ний и правосознания, порядок соблюдения норм общественной морали, принципиальность, честность³.

Перечисленными профессионально важными качествами должны обладать все кандидаты на службу и учебу в правоохранительные органы (вне зависимости от особенностей психологической структуры конкретной профессиональной деятельности: правоохранительной, оперативно-розыскной, следственной и т. д.).

В рамках нашего исследования было проведено психологическое обследование курсантов с использованием следующего комплекта тестов на базе аппаратно-программного комплекса «Мультипсихометр»⁴: многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», разработанный А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным⁵, модифицированный (расширенный) вариант опросника ИТО⁶, методика определения доминирующего психического состояния⁷, методика оценки склонности к суицидным реакциям⁸, методика оценки баланса нервных процессов, методика оценки полезависимости, корректурная проба (на модели частичного адаптивного выбора), тест «Память»⁹.

Для выявления психологических факторов, оказывающих влияние на уровень успешности служебной деятельности курсантов, был проведен факторный анализ полученных эмпирических данных¹⁰.

Выбор в качестве способа обработки именно метода факторного анализа позволяет (после вычисления матрицы корреляций) методом главных компонент рассчитать самые мощные главные компоненты и построить матрицу факторных нагрузок каждой строки матрицы корреляций на каждую главную компоненту.

Главные компоненты — это независимые ортогональные измерения (оси), в пространстве которых можно упаковать все коррелируемые параметры. Результатом факторного анализа является сжатие размерности данных. При этом часть информации, имеющейся в исходной матрице корреляций, отбрасывается вместе с мелкими компонентами. Эта информация приравнивается к так называемому шуму. В этом случае мы получаем очищенные эмпирические данные, в которых рельефно выступают наиболее характерные и ярко выраженные взаимосвязи, а все малозначимые исключаются из рассмотрения.

Ниже приводятся результаты факторного анализа (после вращения осей). Таблица 1 наглядно иллюстрирует информацию, задающую пространство главных компонент, поскольку содержит проекции всех переменных на каждую главную компоненту. Факторный анализ группы успешных в служебной деятельности курсантов выявил 5 факторов, которые объясняют более 73% дисперсии.

В ходе проведения психодиагностического исследования нам пришлось столкнуться с задачей интерпретации отрицательной корреляции элементов (показателей) в рамках одного обобщенного фактора (см. табл. 1 и табл. 2). На основании подхода, изложенного в работах М. Н. Арцева¹¹ и А. П. Ситникова¹², многофакторное пространство, формируемое в результате математических расчетов, приводится к ортогональному виду

в интересах обеспечения возможностей по представлению различных комплексов показателей в качестве независимых характеристик личностной надежности.

В рамках некоторых факторов выявилась отчетливая дифференциация элементов на положительные и отрицательные значения коэффициентов корреляции (другими словами, отрицательные и положительные величины проекций векторов действия на ось того или иного фактора).

По мнению А. П. Ситникова, отрицательное значение факторной нагрузки является доказательством наличия индивидуальных предпочтений и особенностей сотрудников (в нашем случае — в плане их личностной надежности).

Ниже в кратком изложении представлены результаты факторного анализа эмпирических данных.

Успешным курсантам с преобладанием первого фактора, получившего название «Конвенциальность» (17,6% дисперсии), свойственны:

- выраженная изменчивость настроения;
- мотивационная неустойчивость;
- сентиментальность;
- стремление к эмоциональной вовлеченности;
- эмотивность;
- склонность к соглашению с чужими позициями путем уступок;
- стремление и умение достигать согласия, мира, взаимного понимания, консенсуса путем переговоров, дискуссий, обсуждений;
- отсутствие агрессивности в поведении.

Успешным курсантам с преобладанием второго фактора, получившего название «Адаптивность» (14,3% дисперсии), свойственны:

- высокий уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции;
- высокая адекватная самооценка;
- стремление испытуемых выглядеть «социально положительными»;
- доминирующая мотивация одобрения окружающими;
- низкий уровень тревожности;
- высокий уровень адаптационных возможностей личности.

Успешным курсантам с преобладанием третьего фактора (14,3% дисперсии), получившего название «Субъективный контроль», свойственны:

- ориентация на внутренние эталоны упорядочивания внешних впечатлений;
- устойчивость и адекватность восприятия предметного мира в обстоятельствах, затрудняющих такое восприятие;
- проявление автономии личности в ситуации группового давления;
- развитые аналитические способности при восприятии объектов;
- высокая концентрация внимания;
- развитая чувствительность к деталям изображения за счет опоры на внутренний опыт;
- высокая эффективность переработки семантической информации.

Таблица 1. Результаты факторного анализа эмпирических данных группы успешных курсантов

№ п/п	Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
1	Ст БНП «Стабильность нервных процессов» (тест «Баланс нервных процессов»)	0,488	0,449	0,093	-0,099	-0,70
2	ПНЗ «Полезависимость» (тест «Полезависимость»)	0,182	0,160	0,889	0,022	-0,073
3	ЛПД «Левополушарное доминирование» (тест «Полезависимость»)	-0,446	-0,169	-0,712	-0,165	0,271
4	ФА «Функциональная асимметрия» (тест «Полезависимость»)	-0,309	0,017	-0,704	0,269	-0,129
5	Ст «Стабильность памяти» (тест «Память на лица»)	-0,384	0,134	0,173	0,292	0,70
6	Пр «Переключаемость внимания» (тест «Перепутанные линии»)	0,075	0,316	0,133	-0,082	0,763
7	НПУ «Нервно-психическая устойчивость» опросник «Адаптивность»	-0,281	0,896	0,206	-0,216	0,063
8	КП «Коммуникативный потенциал» (опросник «Адаптивность»)	0,042	0,461	-0,241	0,78	0,066
9	Аг «Агрессивность» опросник «Адаптивность»	0,011	-0,855	0,072	0,036	-0,019
10	Ип «Ипохондрия» опросник «Адаптивность»	0,78	-0,180	-0,267	0,055	-0,451
11	НИ (опросник «Адаптивность»)	0,334	0,736	0,129	0,042	-0,392
12	Ак «Активность» (опросник ДПС)	-0,273	-0,10652	0,807	0,288	0,251
13	Рб «Работоспособность» (опросник ДПС)	0,107	-0,278	0,835	-0,163	0,002
14	ЭУ «Эмоциональная устойчивость» (опросник ДПС)	-0,359	0,480	0,748	-0,034	0,140
15	УЖ «Удовлетворенность жизнью» (опросник ДПС)	-0,057	0,022	0,866	0,126	0,022
16	СЖ «Социальная желательность» (опросник ИТО2)	-0,009	0,809	0,219	0,354	0,066
17	Эв «Экстраверсия» (опросник ИТО 2)	-0,169	0,009	0,240	0,896	0,024
18	Ст «Стеничность» (опросник ИТО 2)	-0,867	0,003	-0,172	-0,011	0,203
19	Ин «Интроверсия» (опросник ИТО 2)	0,116	0,201	-0,051	-0,891	0,007
20	Тр «Тревожность» (опросник ИТО 2)	-0,009	-0,748	0,332	-0,317	-0,117
21	Лб «Лабильность» (опросник ИТО 2)	0,70	0,208	0,125	0,485	0,378
22	ДА «Деадаптация» (опросник ИТО 2)	-0,063	-0,426	0,091	-0,819	-0,082
23	ЛД «Лидерство» (опросник ИТО 2)	-0,561	-0,098	0,213	0,727	0,030
24	СЦ «Социальность» (опросник ИТО 2)	0,094	0,048	0,078	0,829	0,218
25	Км «Компромисность» опросник ИТО 2	0,908	-0,135	0,173	-0,167	0,134
26	КФ «Конформизм» (опросник ИТО 2)	0,931	-0,186	0,036	-0,177	-0,149
27	ДБ «Дисбаланс разнонаправленных тенденций» (опросник ИТО 2)	-0,831	0,078	0,169	0,461	-0,068
28	ЛАП «Личностный адаптационный потенциал» (опросник «Адаптивность»)	-0,210	0,896	0,094	0,075	0,071

Примечание. Здесь и далее жирным шрифтом выделены наиболее значимые весовые коэффициенты.

Успешным курсантам с преобладанием четвертого фактора (16,3% дисперсии), получившего название «Коммуникабельность», свойственны:

- высокий уровень коммуникативных способностей;
- быстрое установление контактов с окружающими;
- неконфликтность;
- взаимодействие с другими, новый опыт, стимулы большой сложности, разнообразие и интенсивность стимулов;
- соответствие установок, ценностных ориентаций личности требованиям и нормам поведения общества, в котором человек живет.

Успешным курсантам с преобладанием пятого фактора (10,6% дисперсии), получившего название «Когнитивно-перцептивные особенности восприятия», свойственны:

— беспокойность и проявление эмоций в процессе служебной деятельности;

— способность сохранять текущий уровень запоминания, сохранения и воспроизведения информации при влиянии внешних воздействий;

— высокая переключаемость внимания.

При этом факторный анализ эмпирических данных, полученных на выборке неуспешных в служебной деятельности курсантов (см. табл.2), выявил пять факторов, которые объясняют более 92,2% дисперсии.

Неуспешным курсантам с преобладанием первого фактора, получившего название «Внутренний конфликт-сензитивность» (20,6% дисперсии), свойственны:

— беспокойность и проявление эмоций в процессе служебной деятельности;

— неуравновешенность процессов возбуждения и торможения;

— непроизвольное переключение внимания;

Таблица 2. Результаты факторного анализа эмпирических данных, полученных на выборке неуспешных в служебной деятельности курсантов

№ п/п	Показатель	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5
1	Тч БНП «Точность нервных процессов» (тест «Баланс нервных процессов»)	-0,121	0,199	-0,871	-0,035	0,344
2	Ст БНП «Стабильность нервных процессов» (тест «Баланс нервных процессов»)	-0,751	0,264	-0,003	0,152	-0,084
3	ТВз БНП «Тренд (по возбуждению)» (тест «Баланс нервных процессов»)	0,172	0,087	-0,139	0,835	-0,141
4	ПНЗ «Полезависимость» (тест «Полезависимость»)	0,182	-0,734	0,142	0,601	0,088
5	ЛПД «Левополушарное доминирование» (тест «Полезависимость»)	0,227	-0,529	-0,815	-0,002	0,051
6	ЭФ «Эффективность» (тест «Полезависимость»)	0,032	0,408	-0,013	-0,887	0,158
7	Эф «Эффективность памяти» (тест «Память на лица»)	0,102	-0,416	0,154	0,104	-0,870
8	Лр «Легентность решения» (тест «Память на лица»)	0,560	0,136	0,150	0,196	-0,772
9	Ст «Стабильность памяти» (тест «Память на лица»)	0,141	0,92	0,069	0,070	-0,359
10	Пр «Переключаемость внимания» (тест «Перепутанные линии»)	0,853	-0,128	-0,093	-0,446	0,102
11	Тч «Точность внимания» (тест «Перепутанные линии»)	0,641	-0,464	0,198	-0,272	-0,394
12	СР «Склонность к суицидальным реакциям» (Анкета ССР)	0,221	0,178	0,929	-0,090	-0,013
13	НПУ «Нервно-психическая устойчивость» (опросник «Адаптивность»)	-0,717	0,136	0,205	-0,195	-0,589
14	КП «Коммуникативный потенциал» (опросник «Адаптивность»)	-0,70	-0,058	0,608	-0,196	-0,262
15	Зп «Законопослушность» (опросник «Адаптивность»)	-0,128	-0,217	-0,008	0,090	-0,958
16	Ак «Активность» (опросник ДПС)	-0,801	-0,245	-0,443	0,015	0,210
17	Рб «Работоспособность» (опросник ДПС)	-0,727	-0,189	-0,486	-0,236	-0,198
18	Сп «Спокойствие» (опросник ДПС)	0,309	0,152	0,027	0,270	0,713
19	ЭУ «Эмоциональная устойчивость» (опросник ДПС)	-0,723	0,001	0,140	0,049	-0,527
20	УЖ «Удовлетворенность жизнью» (опросник ДПС)	-0,103	0,557	-0,748	0,347	-0,009
21	СЖ «Социальная желательность» (опросник ДПС)	0,216	0,751	0,568	-0,073	-0,244
22	СЖ «Социальная желательность» (опросник ИТО 2)	0,855	0,244	0,228	-0,195	-0,339
23	Эв «Экстраверсия» (опросник ИТО 2)	0,165	0,824	-0,272	-0,040	0,436
24	Сп «Спонтанность» (опросник ИТО 2)	-0,184	0,952	0,097	0,058	-0,032
25	Ст «Стеничность» (опросник ИТО 2)	-0,417	0,362	0,120	0,803	-0,055
26	Рг «Ригидность» (опросник ИТО 2)	-0,523	0,70	-0,484	-0,028	0,039
27	Ин «Интроверсия» (опросник ИТО 2)	0,213	-0,902	-0,235	-0,089	-0,251
28	Сз «Сензитивность» (опросник ИТО 2)	0,881	-0,338	0,278	0,004	0,044
29	Лб «Лабильность» (опросник ИТО 2)	0,257	-0,037	0,340	-0,896	-0,116
30	ЛД «Лидерство» (опросник ИТО 2)	-0,246	0,943	-0,061	0,029	0,213
31	СЦ «Социальность» (опросник ИТО 2)	0,143	0,892	0,080	-0,088	0,410
32	КФ «Конформизм» (опросник ИТО 2)	0,609	-0,701	0,182	-0,252	0,202
33	ВК «Внутренний конфликт» (опросник ИТО 2)	0,919	0,115	-0,327	0,017	0,102
34	ДБ «Дисбаланс разнонаправленных тенденций» (опросник ИТО 2)	-0,75	0,492	-0,013	0,399	-0,147
35	ЛАП «Личностный адаптационный потенциал» (опросник «Адаптивность»)	-0,465	0,174	0,435	-0,131	-0,725

— низкая активность;
 — пессимистическое отношение к жизненной ситуации;
 — неготовность к преодолению препятствий;
 — неуверенность в своих силах по преодолению препятствий и достижению своих целей;
 — астеническая реакция на возникающие трудности;
 — слабая готовность к служебной деятельности, в том числе длительной;
 — низкая эмоциональная устойчивость;

— в состоянии эмоционального возбуждения нарушение адекватности и снижение эффективности психической саморегуляции, поведения и деятельности;

— высокая мотивация одобрения и сензитивность, ориентация на авторитет, конформность;

— высокий уровень внутреннего конфликта, общей выраженности и конфликтной разнонаправленности личностных тенденций.

Неуспешным курсантам с преобладанием второго фактора, получившего название «Лидерство-спонтанность» (13,5% дисперсии), свойственны:

- низкий уровень способности к выделению полезной информации из интерпретирующего перцептивного фона;
- низкий уровень аналитического мышления и помехоустойчивости;
- недостаточно развитое понимание себя;
- низкая критичность в самооценивании;
- недостаточная адекватность самооценки, неискренность;
- сильная заинтересованность курсанта в «положительных, хороших» результатах деятельности;
- опора на впечатления от реальных действительности;
- склонность к широким контактам с людьми, двигательная раскрепощенность;
- ослабленная склонность к самосовершенствованию и тенденция к самонаблюдению;
- чрезмерный педантизм и настороженная подозрительность;
- раскованное самоутверждение, стремление к лидированию, сочетающее экстравертность и агрессивность;
- гипертимный тип поведения с наиболее четко выраженными типологическими свойствами;
- стремление к установлению позитивных социальных связей с окружающими;
- тенденция к отвержению общепринятых канон и нормативного поведения;
- самоуверенность и неумение соблюдать субординацию по отношению к старшим по должности или по возрасту;
- самовлюбленность и мания величия.

Неуспешным курсантам с преобладанием третьего фактора, получившего название «Склонность к суициду» (28,5% дисперсии), свойственны:

- низкая степень соответствия результатов оценки событий некоторому действительному их значению;
- преобладание правополушарных характеристик (освоение новой информации дается легче через разговорное общение);
- высокий уровень проявления склонности к суицидным реакциям;
- острое переживание ситуации внутреннего и внешнего конфликта;
- неудовлетворенность жизнью в целом, ее ходом, процессом самореализации и тем, как именно в настоящее время разворачиваются основные жизненные события;
- низкая оценка личностной успешности.

Неуспешным курсантам с преобладанием четвертого фактора, получившего название «Конкретно-прагматические особенности восприятия» (14,0% дисперсии), свойственны:

- низкий уровень концентрации, устойчивости внимания и общей эффективности выполнения сложного перцептивно-когнитивного задания;

— повышенная напористость, упрямство в отстаивании своих интересов;

- преобладание конкретно-прагматического стиля восприятия;
- агрессивная наступательность при самореализации;
- при противодействии среды — склонность к активному самоутверждению при игнорировании интересов окружающих;
- пониженная эмотивность;
- низкая изменчивость настроения, мотивационная устойчивость;
- отсутствие сентиментальности и склонности к эмоциональной вовлеченности.

Неуспешным курсантам с преобладанием пятого фактора, получившего название «Девиянтность поведения» (15,6% дисперсии), свойственны:

- низкая эффективность памяти;
- низкий уровень законопослушности;
- сниженный уровень социализации;
- отвержение общепринятых норм и правил поведения в социуме;
- нарушения служебной дисциплины и асоциальные поступки;
- большая самоуверенность, переоценка своих сил и возможностей;
- низкий уровень личностного адаптационного потенциала;
- некоторые признаки психопатии;
- нервно-психические срывы;
- длительные нарушения функционального состояния, конфликты, делинквентные поступки.

С точки зрения оценки и прогнозирования успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций правоохранительных органов необходимо разработать математическую модель, включающую наиболее значимые характеристики и учитывающую их вес (вклад) в рассчитываемый интегральный показатель. В рамках решения этой частной научной задачи целесообразно использовать регрессионный анализ.

Но прежде чем приступить к расчету модели оценки и прогнозированию успешности служебной деятельности в контексте обеспечения личностной надежности курсантов, необходимо сократить количество первичных показателей (характеристик) с 35 до 15–18, т. е. примерно в два раза.

Дальнейшие наши исследования будут направлены на разработку математической модели прогнозирования успешности служебной деятельности курсантов образовательных организаций правоохранительных органов на основе метода регрессионного анализа.

Результаты нашего исследования могут быть использованы в интересах совершенствования системы морально-психологического обеспечения в правоохранительных органах.

¹ Выступление главы МВД России на расширенном заседании коллегии министерства 21 марта 2014 г. URL: http://mvd.ru/kollegiya_03_2014 (дата обращения: 20.08.2014).

² Крук В. М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С.104–105.

³ Дашко М. Н., Виноградов М. В. Профессиональный психологический отбор на службу в органы внутренних дел: новый подход к изучению личных и деловых качеств граждан, поступающих на службу в подразделения МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С.101–106.

⁴ Аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр». М., 2008. 186 с.; Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб., 2001. 448 с.

⁵ Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учебное пособие / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2006. С. 549–672 ; Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. С. 127–129, 138–141.

⁶ Собчик Л. Н. Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики. СПб., 2003. 622 с.

⁷ Практикум по психологии состояний: учебное пособие / под ред. А. О. Прохорова. СПб., 2004. 480 с. ; Куликов Л. В.

Руководство к методикам диагностики психических состояний, настроений и сферы чувств. Описание методик, инструкции по применению. СПб., 2003. 80с.

⁸ Горьковская И. А., Баканова А. А., Маликова Т. В., Тимошенко Р. А., Краснов А. Е. Учебно-методический комплекс. СПб., 2008. 249 с.

⁹ Аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр». 186 с. ; Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. С. 127–129, 138–141.

¹⁰ Боровиков А. А. Математическая статистика: учебник. 4-е изд. СПб., 2010. 704 с. ; Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб., 2010. 350 с.

¹¹ Арцев М. Н. Психодиагностическая модель профессиональной компетентности менеджера инновационного образовательного учреждения: дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2002. С. 124–129.

¹² Ситников А. П. Акмеологический тренинг: теория, методология, психотехнология. М., 1996. 428 с. ; Его же. Категориальная структура управленческой деятельности. М., 1997. 167 с.

УДК 34.08. 159.99

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В РАБОТЕ ПСИХОЛОГА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Е. М. Шпагина

В статье разъяснены правовые и организационные основы защиты информации в работе психолога, приводятся примеры элементарных способов защиты информации.

Ключевые слова: информация, полученная в результате проведения мероприятий психологической работы в органах внутренних дел; служебная информация, меры по защите информации в работе психолога органов внутренних дел.

Служебная деятельность психолога органов внутренних дел связана с информацией, получаемой в процессе общения с сотрудниками и членами их семей. Неосторожное обращение с ней может не только нанести непоправимый вред информационно-психологической безопасности человека, в нашем случае — сотрудника полиции, его родных и близких, но и затронуть взаимоотношения внутри служебного коллектива подразделений органов внутренних дел, негативно повлиять на морально-психологический климат.

В нормативных правовых актах, регламентирующих организацию психологического обеспечения в органах внутренних дел, особо отмечена работа с информацией, получаемой в процессе психологической работы¹.

Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 39 раскрыто понятие персональных данных сотрудников органов внутренних дел, а также порядок обращения со сведениями, содержащимися в личном деле и документах учета сотрудника органов внутренних дел². Данная информа-

ция является конфиденциальной (служебной тайной) и (или) эти сведения отнесены к категории, составляющей государственную и иную охраняемую законом тайну. Также в п.6 настоящего Закона говорится, что сотрудник органов внутренних дел, виновный в нарушении норм, регулирующих получение, хранение, обработку, использование и передачу персональных данных другого сотрудника, либо виновный в утрате таких данных, несет ответственность в соответствии с настоящим Законом и другими федеральными законами³.

В постановлении Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» в п.24 отмечено, что сведения, содержащиеся в психологическом заключении при прохождении процедур профессионального психологического отбора, конфиденциальны (служебная тайна). Ознакомление кандидата с психологическим заключением организует соответствующее кадровое подразделение (с соблюдением законодательства об охране государственной или иной тайны — п. 28). Получение, обработка, хранение, передача и любое другое использование сведений о профессиональной пригодности кандидатов осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации (п. 36)⁴.

Приказом МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660 «Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации» определен особый статус психологической информации: в п. 15 раздела V Приложения 1 говорится, что «информация, полученная в результате проведения обследований (исследований) и иных мероприятий психологической работы, является конфиденциальной (служебной тайной)»⁵.

В Положении об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации выделен отдельный раздел V «Оформление, использование и хранение информации, полученной в результате проведения мероприятий психологической работы», чего ранее не было, а Приложение 2 определяет порядок ведения служебной документации психолога.

Наличие таких норм в отношении информации, получаемой в процессе психологической работы, определяет более детальное изучение вопросов организации защиты информации в повседневной работе сотрудников психологической службы подразделений ОВД.

Чтобы разобраться в этой тематике, нам необходимо ответить на три традиционных вопроса относительно информации:

- что защищать?
- от чего и от кого защищать?
- как защищать?

Для ответа на первый вопрос следует понять, какая информация интегрируется в ходе работы психологической службы, важно установить её правовой статус.

На основании Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» всю информацию можно разделить на общедоступную и ограниченного доступа.

К общедоступной относят общеизвестные данные и иные сведения, доступ к которым не закрыт.

К ограниченному доступу относят государственную тайну и конфиденциальную информацию. Конфиденциальность информации — требование, обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, не передавать такие данные третьим лицам без согласия обладателя⁶.

Во время любой психологической работы собираются персональные данные человека (сотрудника, членов его семьи), за исключением случаев, когда информация обезличивается и установить её принадлежность конкретному лицу невозможно (например, при анонимном анкетировании, без указания фамилий и имен). Согласно п.1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные это — «любая информация, относящаяся к определенному или определяемому на основании такой информации физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация».

По законодательству РФ персональные данные:

— собирают и включают в соответствующие базы на основании свободного согласия субъекта, выраженного в письменной форме, за исключением случаев, прямо установленных в законе;

— охраняют в режиме конфиденциальной информации, т. е. исключены их случайное или несанкционированное разглашение или случайная утрата, а равно несанкционированный доступ к данным, их изменение, блокировка или передача.

Следующий вид конфиденциальной информации, который может быть доступен в процессе работы специалиста-психолога — это профессиональная тайна, которая подразделяется на врачебную⁷, тайну усыновления⁸ и другие сведения о частной жизни.

Все перечисленные формы конфиденциальной информации, ставшей известной государственным органам или должностным лицам при осуществлении ими государственных полномочий (персональные данные, профессиональная тайна и др.), трансформируются в служебную тайну, когда речь идет о психологе органов внутренних дел, работа которого относится к государственной службе.

Служебная тайна — защищаемая по закону конфиденциальная информация, ставшая известной в государственных органах и органах государственного самоуправления только на законных основаниях и в силу исполнения их представителями служебных обязанностей, а также служебная информация о деятельности государственных органов, доступ к которой ограничен федеральным законом или в силу служебной необходимости⁹.

Обращение с информацией, составляющей служебную тайну, регулируется Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188. В Перечне сведений конфиденциального характера служебной тайной называют сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с федеральным законодательством. К служебной тайне относятся и сведения, конфиденциальность которых диктуется служебной необходимостью¹⁰.

Психолог органов внутренних дел при выполнении определенных видов деятельности сталкивается с информацией, относящейся к государственной тайне¹¹. В органах внутренних дел это чаще всего информация, получаемая в процессе оперативно-розыскной деятельности. В ходе консультирования сотрудников по вопросам учета психологических аспектов при выполнении оперативно-служебных задач, составлении психологических портретов лиц, подозреваемых в совершении преступлений, а также при изучении (прогнозировании) социально-психологических процессов в период подготовки и проведения крупных публичных и массовых мероприятий, при определении по внешним признакам граждан, имеющих противоправные намерения, в процессе консультирования по вопросам выработки стратегии и тактики ведения переговоров (в том числе при освобождении заложников)¹², психолог невольно получает информацию такого рода, что требует от него знаний по обращению с информацией, относимой к государственной тайне.

При рассмотрении первого вопроса о том, что должен защищать психолог в процессе работы с информацией, нельзя обойти формы предоставления информации (при её получении, обработке, хранении, использовании и передаче). Это важное знание для определения угроз информационной безопасности, обеспечения конфиденциальности, целостности и доступности информации, а также для понимания образования каналов утечки информации.

Первая форма — устная речь (монолог и диалог, групповая дискуссия, телефонный разговор), может передаваться по телефону, записываться на магнитофонные и цифровые носители, распространяться с помощью электронных средств связи и современного программного обеспечения по сети (например, skype).

Вторая форма — это бумажные носители информации — записи, документы, создаваемые от руки или на компьютере, выведенные на печать. В приказе МВД России от 2 августа 2013 г. № 660 в Приложении 2 к Положению об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации обозначен порядок ведения служебной документации:

- 1) журнал учета работы психолога;
- 2) накопительная папка;
- 3) психологический паспорт (база данных) на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Третья форма — электронные формы записи информации (текстовой, акустической, фото- и видео) — компьютерные системы. При работе с компьютерными системами необходимо представлять всю совокупность технических средств системы, в том числе и периферийных устройств, подключенных к компьютеру (монитор, клавиатура, принтер и сканер, факс, микрофон и колонки, модем и подключение к сети). Не следует забывать о различных видах аудио- и видеозаписей, которые создаются в процессе работы психолога на консультациях, во время проведения тренингов, психологических обследований, специальных психофизиологических исследований.

Утечки информации могут произойти по акустическим, визуальным, материальным и техническим каналам.

Следует упомянуть и о понятии объекта информатизации. В соответствии с ГОСТом Р 51275-2006 (п. 3.1) объект информатизации — это «совокупность информационных ресурсов, средств и систем обработки информации, используемых в соответствии с заданной информационной технологией, а также средств их обеспечения, помещений или объектов (зданий, сооружений, технических средств), в которых эти средства и системы установлены, или помещений и объектов, предназначенных для ведения конфиденциальных переговоров»¹³.

Учитывая, что в кабинетах психологов обрабатывается конфиденциальная информация и используются информационные технологии (например, компьютерная система), кабинет следует принять за объект информатизации.

Второй вопрос (от чего и от кого защищать?) требует детального рассмотрения определения угроз информации и модели нарушителя.

Безопасность информации (данных) — состояние защищенности информации (данных), при котором обеспечиваются ее (их) конфиденциальность, доступность и целостность¹⁴.

Нарушителей условно подразделяют на внешних и внутренних. К первым относят лиц и организации, которые находятся вне периметра охраняемого объекта и заинтересованы получить определенную информацию. Внешний нарушитель должен иметь специальные сред-

ства и возможности. В случае органов внутренних дел, где здание, как правило, имеет специальное ограждение, реализуется контрольно-пропускная система входа-выхода, осуществляются специальные технические, организационные и физические мероприятия по защите информации, возможности для получения любой информации ограничены. Однако наличие различных линий связи (проводной и беспроводной интернет, телефония) способствует образованию канала информации. Информация к внешнему нарушителю может поступить через акустический канал или визуальный.

Нарушитель может вступить в контакт с сотрудниками вне территории органов внутренних дел, различными методами воздействия и манипулирования выведывать информацию.

К внутреннему нарушителю относится человек, работающий на объекте защиты, который по роду службы имеет доступ к информации. Чем ближе к месту работы психолога такой сотрудник, тем больше шансов у него получить желаемое и остаться незамеченным. Таким нарушителем может быть работник клининговой компании, сотрудник, обслуживающий технику в кабинете психолога, системный администратор, соседи по кабинету и др. Кроме того, к внутренним нарушителям можно отнести и самого психолога, который может подорвать безопасность информации (нарушить ее конфиденциальность, целостность и доступность) как преднамеренно, так и случайно.

В целях предотвращения нарушений конфиденциальности информации необходимо понимать механизмы образования каналов утечки. Этот вопрос рассмотрим на примере кабинета психолога в ОВД.

Первый канал утечки информации — визуально-оптический. Сведения воспринимаются через органы зрения, в некоторых случаях — с помощью специальных приборов. Наиболее распространенные и всем известные примеры: информация считана и даже сфотографирована с экрана монитора компьютера, прочитана на бумаге, оставленной на столе или в других местах, в том числе и через окно (с помощью бинокля). Для предотвращения утечки по этому каналу используются простейшие меры безопасности: окна необходимо закрыть от посторонних глаз с помощью жалюзи. Экран монитора компьютера необходимо размещать и разворачивать на рабочем месте таким образом, чтобы заинтересованный нарушитель конфиденциальности информации не смог прочитать её или сфотографировать. Документы психолога с информацией ограниченного доступа следует убирать в сейф с ограничением доступа.

Второй канал утечки информации — вибро-акустический, информация может быть подслушана. Элементарное правило для психолога — не вести консультирование или диагностику при открытых окнах и дверях, для особо приватных разговоров выбирать помещения с двойной дверью. Самый простой способ подслушивания информации — через открытое окно (форточку), дверь (стоя у двери), вентиляцию. Все твердые предметы (стекла на окнах и стены, батареи отопления) вибрируют при воздействии на них звуковой волны и прослу-

шивание может осуществляться через стены, пол и потолок, а также стекла окон с помощью специальных приборов (например, стетоскопов). В случае освещения вопросов, которые могут относиться к государственной тайне (в полиции это чаще всего вопросы, связанные с оперативно-розыскной деятельностью), необходимо знать, что существует специально оборудованное помещение — объект информатизации, которое проходит специальные проверки, направленные на обнаружение и ликвидацию различных закладочных устройств утечки информации.

Третий способ — утечки по электромагнитным и электрическим каналам. Необходимо помнить, что все предметы излучают электромагнитные волны, в особенности электрические приборы и различные сети. На них нарушители устанавливают закамуфлированные специальные средства, которые усиливают это излучение для передачи, а затем и считывания на специальных приборах для последующего преобразования в понятный восприятию вид. Именно поэтому комплекты компьютерной техники, поставляемые в органы внутренних дел для обработки информации ограниченного доступа, проходят специальную проверку на наличие таких устройств. Психологу необходимо понимать, что комната, оборудованная обычной непроверенной техникой, — не место для проведения особо конфиденциальных переговоров. Помещение должно проверяться на наличие закладочных устройств, с помощью которых может передаваться информация за периметр здания, где расположено подразделение органов внутренних дел.

Четвертый способ — материально-вещественный. Информация чаще всего представлена в виде документов на бумажных и электронных носителях. Для нарушителя источником получения такой информации может стать обычный мусор: черновики, копии документов. В случае обращения с информацией ограниченного доступа мусор уничтожается определенным способом — через специальные машины или сжигается (в зависимости от степени секретности). Следует упомянуть и флешносители, диски: их теряют, передают третьим лицам. Порядок обращения с такими носителями также определяется степенью секретности информации, представленной на них. Необходимо воздерживаться от хранения служебных сведений на дисках и флешносителях вместе с личной информацией.

Особое внимание важно уделять вопросам защиты информации в компьютерных системах. В условиях бурного роста информационных технологий в кабинете психолога есть информация, создаваемая и хранимая на компьютере, которую легко скопировать на различные носители, вывести на печать или передать по компьютерной сети. Современные технологии позволяют вести компьютерную базу данных на сотрудников подразделения, использовать комплексные автоматизированные методики психологической диагностики сотрудников. С одной стороны, компьютер облегчает работу с информацией, с другой — создает определенные проблемы для ее безопасности (обеспечение целостности, доступности и конфиденциальности). Защита информации

в компьютерных системах требует от пользователя специальных знаний. Психолог должен знать элементарные правила безопасности. Доступ к информации на рабочем компьютере сотрудник должен защитить надежным паролем, известным только ему (и, возможно, системному администратору). Хранить пароли необходимо в отдельном месте (лучше в сейфе с ограниченным доступом). Нельзя создавать, хранить информацию ограниченного доступа на компьютере, подключенном к сети Интернет из-за опасности вторжения нарушителей (так называемых хакеров), нельзя передавать информацию ограниченного доступа через Интернет.

На вопрос «как защищать?» мы частично ответили при перечислении каналов утечки. Однако подойдем к этой проблеме с точки зрения принятых терминов и определений. Защита информации — это деятельность, направленная на предотвращение утечки защищаемой информации, несанкционированных и непреднамеренных воздействий на защищаемую информацию. Защита информации — принятие правовых, организационных и технических мер, направленных на:

1) обеспечение защиты информации от неправомерного доступа, уничтожения, модифицирования, блокирования, копирования, предоставления, распространения, а также от иных неправомерных действий в отношении такой информации;

2) соблюдение конфиденциальности информации ограниченного доступа;

3) реализацию права на доступ к информации.

Вопросами технической защиты информации в органах внутренних дел занимаются специальные подразделения связи, информационных технологий и защиты информации. Получить квалифицированную помощь по технической защите информации можно у них. Организационной защитой информации занимаются подразделения делопроизводства и режима секретности. Именно они оформляют и отслеживают допуск к информации ограниченного доступа. Большая доля ответственности по защите информации лежит на создателе и пользователе информации, который должен принимать меры по обеспечению безопасности информации (данных), сохраняя ее (их) конфиденциальность, доступность и целостность.

Даже информацию общего доступа следует защитить от модификации и уничтожения, сохранив возможность пользоваться ею, т. е. обеспечить доступность (например, открыть файл в компьютере). Для этого каждый сотрудник органов внутренних дел, в том числе и психолог, должен обладать элементарными знаниями и навыками защиты информации, осуществлять активные действия по её защите в своей повседневной работе.

Приведем некоторые рекомендации по защите информации, которые необходимо выполнять каждому психологу органов внутренних дел:

1) повышать правовую и техническую компетентность психологов в вопросах информационной безопасности и защиты информации;

2) оборудовать кабинет психолога двойной дверью, обить стены шумоизолирующими материалами,

периодически обследовать кабинет на предмет закладных устройств (защита от утечки по техническим каналам). Защитить окна жалюзи (от утечки информации по оптическим каналам);

3) хранить документацию психолога на бумажных и электронных носителях, содержащих конфиденциальную информацию, в сейфах с ограничением доступа;

4) соблюдать запрет на создание, обработку конфиденциальной информации на компьютере с выходом в компьютерную сеть;

5) соблюдать запрет на хранение конфиденциальной информации на незащищенном компьютере без разграничения и персонализации доступа к конфиденциальной информации и базам данных, хранящимся на компьютере;

6) регулярно осуществлять резервное копирование баз данных, которые ведутся в электронном виде, и хранить копии в специальных местах (защита от уничтожения и модификации).

Данный перечень не является исчерпывающим, тема защиты информации в работе психолога требует дополнительного развития и продолжения.

¹ Виноградов М. В. О нормативном правовом обеспечении психологической работы в органах внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 105–107.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. №49 (ч. 1), ст. 7020.

³ О персональных данных : федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

⁴ Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Россий-

ской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 50 (ч. VI), ст. 7075.

⁵ Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660.

⁶ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

⁷ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, ст. 6724.

⁸ Семейный кодекс РФ (СК РФ) от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (гл. 19, ст. 139) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

⁹ Пономарева Ю. В. Актуальные вопросы служебной тайны // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2013. № 4 (10). С. 17–30.

¹⁰ Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера : Указ Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 23 сентября 2005 г. № 1111) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. №10, ст.1127.

¹¹ О государственной тайне : федеральный закон от 21 июля 1993 г. (в ред. федеральных законов от 6 октября 1997 г. № 131-ФЗ, от 01 декабря 2007 г. № 318-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹² Об утверждении Положения об основах организации психологической работы в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 сентября 2013 г. № 660.

¹³ ГОСТ Р 51275-2006. Защита информации. Объект информатизации. Факторы, воздействующие на информацию. Общие положения: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2006 г. № 374-ст.

¹⁴ ГОСТ Р 50922-2006. Национальный стандарт Российской Федерации. Защита информации. Основные термины и определения: приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2006 г. № 373-ст.

УДК 316.6

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

А. В. Созонник

В статье изложены дескрипторы профессиональной идентичности личности курсанта. Представленный факторный анализ типов идентичности курсантов на разных этапах военно-профессиональной социализации свидетельствует об идентификационных сдвигах от начальной военно-ролевой позиции к учебной, военно-профессиональной и военно-специальной идентичности.

Ключевые слова: личность, идентичность, социализация, профессиональная социализация, «образ-Я».

В отечественной социальной психологии социализация предстает как процесс, посредством которого индивид становится членом общества, усваивая его нормы и ценности, овладевая теми или иными социальными ролями¹. Она выступает в контексте таких социально-психологических проблем, как социальная установка, идентичность и социальное поведение. Становление идентичности, принятие социальной роли являются важнейшими механизмом социализации², изучение этих процессов остается актуальной и значимой задачей, стоящей перед социальной психологией личности.

Социализация в системе образования обладает выраженным целенаправленным характером, имеет свои конкретные цели, которые заключаются в воспроизводстве и усовершенствовании существующей социальной системы³.

В процессе военно-профессиональной социализации серьезные сдвиги происходят в социально-психологической структуре личности, меняется относительная доля различных социальных установок, ценностей, появляются новые потребности и устремления. Потенциальный уровень социализации включает волевые усилия, позволяющие преодолеть трудности военно-профессиональной деятельности, противоречия личного и общественного характера; активность в овладении видами и формами военно-профессиональной деятельности, обеспечивающую социализацию в меняющихся социальных условиях. Содержание военно-профессиональной социализации — усвоение роли офицера: профессионала, командира, воспитателя — предполагает формирование таких ценностей, установок, свойств и такой активности, которые позволили бы непрерывно и твердо руководить подчиненными и подразделениями в любой обстановке, поддерживать высокий боевой дух, быть примером мужества и бесстрашия.

Исследуя формирование психологических особенностей обучающихся, А. Ф. Караваев отмечает, что в практике психологического исследования курсантов не уделяется достаточного внимания выделению ведущих профессионально важных качеств⁴. Под влиянием социализирующих факторов военного вуза происходят значимые изменения в сфере самосознания, свидетельствующие о выработке у курсантов собственной независимой системы самооценивания и самоотношения, формирования нового «образа-Я», что, несомненно, имеет кардинальное значение для последующего становления личности и социализации в целом.

Цель данного исследования — выявление особенностей формирования у курсантов системы представлений о себе и ее обусловленность факторами военно-профессиональной социализации, определение свойств структуры социальной идентичности курсантов на разных этапах военно-профессиональной социализации курсантов.

Выборка составила 265 курсантов мужского пола военного вуза 1, 3 и 5 курсов. Изучение содержательных характеристик идентичности, собственного восприятия курсантом себя и отождествления с той или иной группой осуществлялось с использованием теста М. Куна и Т. Мак-Партленда в модификации Т. В. Румянцевой «Кто Я»⁵, в котором респондент указывает социальные роли и характеристики-определения, с которыми он себя соотносит, идентифицирует (т. е. он описывает значимые для него социальные статусы и черты, которые наиболее ему соответствуют). Отслеживаемые в динамике характеристики самооценки (социальное, коммуникативное, материальное, физическое, деятельное, перспективное, рефлексивное Я) позволяют выделить изменения, происходящие не только в «Я-концепции» курсанта, но и проследить формирование военно-профессиональной идентичности (либо ее отсутствие). В качестве статистических методов обработки полученных данных использовался факторный анализ.

Обратимся к результатам исследования дескрипторов идентичности личности курсанта военного вуза

в процессе его военно-профессиональной социализации. Исходя из результатов исследования всей выборки, 38% курсантов в самоописаниях указывают параметры, относимые к учебно-профессиональной идентичности (курсант, военнослужащий, защитник Родины, офицер и т. д.), что свидетельствует об отождествлении себя с той или иной военной либо учебно-военной группой; 23% высказываний характеризуют рефлексивную (по Куну) идентичность курсантов (добрый, смелый, веселый, терпеливый, справедливый), что говорит о явной склонности давать положительные характеристики своей личности при отсутствии отрицательных моментов. Так, 15% идентификационных категорий связаны с перспективной идентичностью (будущий генерал, будущий офицер, будущий муж, будущий отец), что является показателем планов на будущее, дальнейшую жизненную перспективу, связанных с военно-профессиональной деятельностью. К категориям «деятельной» и «физической» идентичности можно отнести 9% респондентов, что позволяет судить о степени включенности человека в деятельность, о самооценке способностей, умений, навыков, а также об описании внешности. К коммуникативной идентичности относятся 6% идентификаций курсантов, что свидетельствует о значимости взаимодействия с сослуживцами, а также о том, насколько важными для курсанта являются дружеские взаимоотношения. Менее 1% самоидентификаций связаны с материальной идентичностью, эта группа курсантов характеризует описание своей собственности и обеспеченности, что свидетельствует об отношении к материальным благам. При этом курсантам присуще прямое эмоционально-положительное отображение собственного образа «Я», а возрастающее количество самоидентификаций, произведенных курсантами на разных этапах социализации в военном вузе, свидетельствует о возрастающем уровне рефлексии.

Преобладание в идентификационных категориях социальной, рефлексивной и перспективной идентичности, конечно, не позволяет судить в полной мере о протекании процесса самокатегоризации личности, т. е. о полном и активном усвоении индивидом роли курсанта и будущего офицера, но способствует определению общих тенденций.

В таблице 1 представлена общая матрица социальной идентичности на разных этапах военно-профессиональной социализации.

Выражен стабильный рост количества идентификационных категорий «курсант», «офицер», «защитник Родины и Отечества», «военнослужащий», «спецназовец» и т. п., что говорит о возрастающей степени отождествления испытуемых с ролью военного и профессиональной составляющей, приобретаемой в военном вузе. Исключением является лишь кризисный этап (3 курс), когда происходит смещение идентичности от учебно-профессиональной к военной с умеренным утверждением социальной роли военного («военнослужащий», «защитник Родины») и с появлением категорий, относящихся к военно-профессиональным ролям («специалист», «профессионал», «воспитатель»). В это же время

Таблица 1. Показатели социальной идентичности курсантов

Идентификационная категория	Доля от общего количества выделенных категорий идентичности, курс				
	1	2	3	4	5
Мужчина, парень	7	8,7	9,4	13,2	12,3
Любовник	0,7	0,6	2,6	3,7	4,2
Бывший школьник	0,5	0	0	0	0
Учащийся	1,6	0,9	0,6	0	0
Рядовой, военнослужащий	4,1	15,5	17,3	9,1	6
Курсант	10,6	12,4	10,2	4,9	3,9
Первокурсник	4,6	0	0	0	0
Защитник Родины	5	5,2	3,5	4,7	4,9
Подчиненный	1,6	2,1	0,6	0	0
Пулеметчик, снайпер, спецназовец	1,2	1,9	1,5	1,3	0
Специалист, профессионал	0	0	0,9	2,9	4
Боец, воин, боевая единица	0	0	0	2,6	3
Воспитатель, учитель, помощник	0	0	0,3	1,7	2,2
Командир	0	0	0	5,3	6,5
Офицер	0	0	0,3	4,7	6,9
Педагог, психолог	0	0	0,61	1,5	1,5
Лидер, чемпион, герой	0	0,8	0,55	1,7	2,4
Патриот	1,4	1,6	1,44	1,8	2,5
Отец, сын, брат	9,4	10,5	18,24	12,4	9,7
Друг	2,9	5,7	6,1	5,7	6
Будущий офицер, генерал	21,7	18,4	12,9	5,8	6,6
Будущий отец, семьянин	12,8	5,3	1,03	2,7	2,1
Человек	8,9	4,6	6,1	8,4	10
Личность	4,3	4,1	3,8	3,9	4,1
Не знаю, затрудняюсь ответить	1,7	1,7	2,03	2	1,2

усиливается семейная идентификация («отец», «сын», «внук», «муж»), а также полоролевая («парень», «мужчина»), что свидетельствует о переосмыслении категорий самоотношения и самоотождествления, о переоценке ценностей. На третьем курсе обучения повышаются и показатели идентичности, отражающие владение сексуальной ролью («любовник»), этнической, гражданской и групповой идентичности, что можно интерпретировать как период гетерогенности и неустойчивости идентичности. В работах Дж. Марсиа этот период был определен как «мораторий» — наиболее критический период в формировании идентичности взрослеющей личности. Основным его содержанием является активная конфронтация человека с предлагаемым обществом спектром возможностей. Требования к жизни у такой личности смутны и противоречивы, ее ценностные, мотивационные составляющие бросаются в крайности. Это характерно не только для Я-представлений, но и для социального поведения личности⁶.

Наши данные согласуются с исследованием представлений о мире в процессе профессиональной социализации П. Д. Никитенко⁷: трансформация структуры представлений о мире и самоактуализации личности приходится именно на третий курс обучения в условиях военного вуза.

К пятому курсу идентификационная матрица приобретает отчетливую военно-профессиональную форму.

Своей максимальной выраженности достигают категории «офицер», «командир», «воспитатель», «боец», «специалист». Снижается значение категории «курсант». Категории персональной, поло-ролевой и семейной идентичности устанавливаются на уровне, близком к первоначальному. Из этого следует, что к моменту завершения социализации в военном вузе курсанты приобретают устойчивую военно-профессиональную идентичность.

В. Л. Цветков и Ю. В. Слободчикова, исследуя профессиональную идентичность как фактор развития коммуникативной компетентности, пришли к выводу, что курсанты последних лет обучения значительно лучше представляют требования профессии по сравнению с первокурсниками⁸.

Для выделения типов профессиональной идентичности на разных этапах военно-профессиональной социализации нами был проведен факторный анализ (см. табл. 2, 3, 4).

На начальных этапах профессиональной социализации получено факторное решение с общей дисперсией 67,9%. Первый фактор (15,7% дисперсии) — «начальная военно-профессиональная ролевая позиция», в котором представлены такие идентификационные группы, как «солдат», «военнослужащий», «учащийся», а также категория с отрицательной нагрузкой — «курсант». Второй фактор (12,7% дисперсии) — «патриотическая идентичность» — включает такие идентификационные

Таблица 2. Типы идентичности курсантов 1 курса

Показатель	1	2	3	4	5	6
Бывший школьник			0,88			
Учащийся	0,51		0,57		0,34	
Рядовой				0,65		
Курсант				-0,74		
Первокурсник	-0,51				-0,34	-0,48
Военнослужащий	0,65			0,35		
Защитник Родины		0,45		0,38		0,34
Подчиненный		0,74				
Солдат	0,69					
Пулеметчик, снайпер, краснознаменщик, спецназовец					0,88	
Ветеран войны						0,82
Патриот		0,85				
Дисперсия, %	15,7	12,7	11,8	10,3	8,9	8,5

категории, как «патриот», «подчиненный», «защитник Родины». Третий фактор (11,8% дисперсии) — «учебно-ретроспективная идентичность» — объединяет характеристики «Я» — «бывший школьник», «учащийся». Четвертый фактор (10,3% дисперсии) — «военная идентичность» — включает самоидентификации: «рядовой», «защитник Родины», «военнослужащий» и отрицательную идентификацию — «курсант». Пятый фактор (8,87% дисперсии) — «военно-специальная идентичность» — соотносится с высказываниями: «пулеметчик», «снайпер», «краснознаменщик». Шестой фактор (8,5% дисперсии) включает самоидентификации: «ветеран войны», «защитник Родины» и отрицательную идентификацию «первокурсник».

На этапе перехода от учебной к военно-профессиональной подготовке факторная структура, полученная нами, имеет наполнение, отличное от начального

Таблица 3. Типы идентичности курсантов 3 курса

Показатель	1	2	3	4	5	6
Учащийся, ученик		0,63				
Рядовой	0,69		-0,30			
Курсант						0,91
Троечник					0,74	
Военнослужащий	0,75					
Защитник Родины				0,73		
Пулеметчик, снайпер, часовой			-0,85			
Подчиненный				-0,64		
Уборщик, официант, повар	-0,42				-0,59	
Профессионал, учитель		-0,39	0,46			-0,31
Дисперсия, %	14,3	12,9	11,1	10	9,5	9,3

Таблица 4. Типы идентичности курсантов 5 курса

Показатель	1	2	3	4	5	6
Выпускник	0,85					
Курсант		0,75				
Отличник службы	0,88					
Военнослужащий				0,53	0,33	0,57
Защитник Родины				0,78		
Специалист, профессионал	0,41		0,68		0,34	
Боец, воин, боевая единица		0,54		0,305		
Воспитатель, учитель, помощник			0,85			
Командир			0,58			
Офицер					0,83	
Педагог, психолог						0,83
Лидер, чемпион, герой				0,559		
Патриот		0,76				
Дисперсия, %	16,7	13,6	12,8	9,7	9	8,3

периода профессиональной социализации (общая дисперсия 67,3%). Это проявляется в структуре самих факторов. Так, первый (14,3% дисперсии) — «учебно-военно-профессиональный» — включает идентификационные категории: «военнослужащий», «рядовой», а также показатели с отрицательными значениями «уборщик», «официант», «повар». Второй фактор (12,9% дисперсии) — «патриотическая идентичность» — состоит из идентификационных категорий: «патриот», «учащийся», «ученик», а также включает незначительный отрицательный индекс профессиональной идентичности «профессионал, учитель». Третий фактор (11,1% дисперсии), охарактеризованный как «специально-профессиональная идентичность», вбирает категории «профессионал», «учитель» со знаком плюс, а с отрицательным значением — «пулеметчик», «снайпер», «часовой» (учебно-специальная идентичность), «рядовой» (начально-профессиональная идентичность). Четвертый фактор (10% дисперсии) — «начально-военная идентичность» — состоит из самоидентификации «защитник Родины», «подчиненный». Пятый фактор (9,5% дисперсии) — «ситуативно-учебное Я» — содержит категорию «троечник», а с отрицательной нагрузкой — «уборщик», «официант», «повар». Именно в этот период обучения в военном вузе зарегистрировано наибольшее количество отчислений по неуспеваемости, за совершение дисциплинарных проступков и преступлений. Шестой фактор (9,3% дисперсии) — «военно-профессиональная идентичность» — включает идентификации «курсант» и «профессионал».

На завершающем этапе социализации в военном вузе получено шестифакторное решение с общей дисперсией 70,1%. Первый фактор (16,6% дисперсии) — «учебно-профессиональное Я» — состоит из категорий «отличник службы», «выпускник», «специалист», «профессионал».

Таблица 5. Типы идентичности на разных этапах военно-профессиональной социализации

Фактор	Тип идентичности		
	1 курс	3 курс	5 курс
1	Военнослужащий, солдат	Рядовой, военнослужащий	Выпускник, отличник службы
2	Подчиненный, патриот	Учащийся, патриот	Курсант, патриот
3	Бывший школьник	Пулеметчик, снайпер, часовой	Специалист, профессионал, воспитатель, учитель
4	Рядовой, (-) курсант	Защитник Родины, подчиненный	Защитник Родины
5	Пулеметчик, спецназовец	Троечник	Офицер
6	Ветеран войны	Курсант	Педагог, психолог
Тип идентичности	Начальная военно-ролевая	Учебная военно-профессиональная	Военно-специальная

Второй фактор (13,6% дисперсии) включает категорию патриотической идентичности: «патриот». Третий фактор (12,8%) — «военно-педагогическая идентичность» — связан с такими самоидентификациями, как «воспитатель», «учитель», «помощник», «специалист», «профессионал» и «командир». Четвертый фактор (9,7% дисперсии) — «военная идентичность», составляющими которого являются «защитник Родины», «лидер», «чемпион», «герой», «военнослужащий» и «военно-боевая идентичность» — «боец, воин, боевая единица». Пятый фактор (9% дисперсии) — «профессиональное Я» — включает категории «офицер», «специалист», «профессионал» и «военнослужащий». Шестой фактор (8,3% дисперсии) — «социально-профессиональная идентичность» — содержит идентификации «педагог, психолог», «военнослужащий».

Факторный анализ типов идентичности курсантов на разных этапах военно-профессиональной социализации свидетельствует об идентификационных сдвигах от начальной военно-ролевой позиции к учебной, военно-профессиональной и военно-специальной идентичности. Изменения в идентичности (см. табл. 5) свидетельствуют о постепенном вхождении курсантов в социальную роль военного под влиянием института социализации: сначала «курсант, ученик», а далее «офицер, воспитатель».

На этапе перехода к активной учебно-профессиональной социализации (3 курс, 3 фактор) и заключительном этапе (5 курс, 1 фактор) личность не только самоопределяется как член учебно-профессиональной социальной группы (курсант, военнослужащий), но и усваивает нормы и стереотипы поведения, характерные для военно-профессиональной специализации.

Обнаружена выраженность на всех этапах военно-профессиональной социализации коммуникативной идентичности. Такие идентификационные категории, как «друг», «товарищ» свидетельствуют о формировании и развитии (специфичного для условий военного вуза) чувства единства, взаимовыручки, сплоченности и войскового товарищества в целом. Если на начальном этапе курсант в большей степени отождествляет себя просто как «Я» — «друг», то к пятому курсу образ субъекта дружеской коммуникации насыщен терминами «взаимовыручка», «взаимопомощь» и наделен оценкой собственных способностей на самопожертвование ради товарища и друга. Важность коммуникативной идентичности пока-

зана и в исследовании А. А. Шадрина, отмечающего межличностные отношения как один из доминирующих факторов субъективного благополучия курсантов⁹.

Прямое обозначение пола имеет максимальную значимость лишь на третьем курсе обучения (такие самоидентификации, как «парень», «мужчина») и теряет актуальность для развивающейся личности на завершающем этапе обучения. Видимо, это связано с тем, что происходит смена приоритетов самооценки в сторону собственной социальной значимости именно в роли военного.

Существенным показателем становления личности курсанта, на наш взгляд, является представление собственной перспективы профессиональной деятельности и семейной жизни. На первом курсе курсанты видят не только профессиональную деятельность, представляя себя будущими офицерами, генералами, главнокомандующими, но и связывают ее с образованием семьи: «будущий муж», «будущий отец», «будущий семьянин» и т. п. На третьем курсе курсанты не рассматривают перспективные ролевые позиции, можно предположить, что значимая часть «Я» исследуемых направлена на определение собственного места в социальном мире, так как два фактора (поло-ролевой и глобальной идентичности) имеют максимальное свое выражение. К пятому курсу профессиональные перспективы еще теснее связаны с семейной составляющей, но уже в менее романтическом свете, нежели это было представлено на первом курсе, когда самоидентификации курсантов имеют определенный характер: «будущий офицер», «будущий командир», «будущий воспитатель».

Исследование ситуативных состояний показало, что курсанты чувствуют себя менее комфортно на третьем и пятом курсах. Если дискомфорт на третьем курсе характеризуется сложными семейными перспективами и внутриколлективными противоречиями, то на завершающем этапе профессиональной социализации это связано с повышенной рефлексией собственного «Я».

Полученные нами результаты позволили прийти к выводу о том, что в процессе военно-профессиональной социализации у курсантов не только возникает новая система представлений о себе, которая влияет на общение, поведение и деятельность, но и в процессе трансформации предшествующих самоидентификаций происходит постепенное осознание своей социальной идентичности, заключающейся в принадлежности к военно-профессиональной общности. В связи с этим

формируется система социальных черт, связанных с индивидуальными, имеющими специфичность, которая определяет его позицию в обществе, отношение к ценностям, нормам, правилам офицерского сообщества, его социальную перспективу и деятельность, формируемую под влиянием института социализации. При этом особенности структуры социальной идентичности личности на разных этапах военно-профессиональной социализации курсантов выражаются в содержательных изменениях и в динамике отдельных идентификационных категорий. В начале военной социализации доминируют категории первичной учебно-профессиональной идентичности («ученик», «солдат», «курсант», «подчиненный», «первокурсник») и семейной идентичности («сын», «муж», «отец» и т. п.). Устойчивая военная и военно-профессиональная идентичность начинает проявляться на третьем курсе и окончательно устанавливается на пятом («защитник Отечества», «военный», «командир», «офицер», «специалист», «профессионал»). Коммуникативная идентичность в условиях военно-профессиональной социализации специфична и проявляется в установлении принципов дружбы, войскового товарищества, взаимовыручки и самопожертвования.

---

¹ Андреева Г. М. Методологические проблемы и практика социально-психологических исследований // Теоретические

методологические проблемы социальной психологии / под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой. М., 1977. С. 5.

² Шамянов Р. М. Личность как субъект отношений и взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2011. № 1(11). С. 94–99.

³ Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека: монография. Ярославль, 2002. С. 145.

⁴ Караваев А. Ф. Исследование и формирование индивидуально-психологических особенностей обучающихся курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 1(25). С. 53–54.

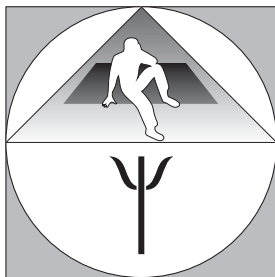
⁵ Румянцова Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре: учебное пособие. СПб., 2006. С. 82–103.

⁶ Marcia J. E. Identity in adolescence. In J. Andelson (Ed.): handbook of adolescent psychology. N.-Y., 1980. P. 54.

⁷ Никитенко П. Д. Динамика представлений о военной службе и самоактуализация курсантов военного вуза // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова: Акмеология образования. 2007. №3 (13). С. 85–88.

⁸ Цветков В. Л., Слободчикова Ю. В. Профессиональная идентичность как фактор развития коммуникативной компетентности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 1(52). С. 30–32.

⁹ Шадрин А. А. Межличностные отношения как фактор субъективного благополучия курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 41–44.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕННОСТНЫХ УСТАНОВОК ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

И. С. Складенко

В статье представлены результаты экспериментального исследования по формированию ценностных установок профессионального общения у курсантов образовательных организаций МВД России. Рассматривается уровень сформированности ценностных установок профессионального общения курсантов по следующим критериям: когнитивному, сенситивному, мотивационному и деятельностно-практическому. Отмечена положительная динамика выделенных критериев и обоснована эффективность используемой педагогической системы.

Ключевые слова: курсанты, ценностные установки профессионального общения, экспериментальное исследование.

В настоящее время, в период развития и становления деятельности российских правоохранительных органов, основанной на нравственных принципах (гуманизм, законность, объективность, справедливость, толерантность) важно обеспечить формирование у сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) ценностных установок профессионального общения.

Под ценностными установками профессионального общения сотрудника ОВД понимается состояние готовности к осуществлению профессионального общения с ориентацией на ее значимые характеристики, определяющие эффективность, идеал, нормы и эталоны должного поведения в профессиональном общении, регламентированном документами.

Такая направленность подготовки утверждается нормативными актами МВД России, где в числе первостепенных целей совершенствования деятельности ОВД называется формирование профессионально подготовленной, ценностно-ориентированной, авторитетной, морально и психологически устойчивой личности сотрудника правоохранительных органов¹.

Имеющиеся факты непрофессионализма полицейских существенно препятствуют их работе, лишают морального права на уважение и доверие со стороны граж-

дан, дискредитируют подразделение, подрывают репутацию всей правоохранительной системы.

Одну из основных причин непрофессионального поведения некоторые авторы² видят в слабом развитии у сотрудников ОВД ценностной сферы, полагая, что формирование профессионально-нравственных основ личности сотрудников происходит уже в стенах образовательных организаций.

Нами была разработана педагогическая система формирования профессиональных ценностных установок у курсантов образовательных организаций МВД России³, проведена ее экспериментальная апробация на базе Уссурийского филиала Дальневосточного юридического института МВД России и Московского университета МВД России при подготовке курсантов по специальностям «Правоохранительная деятельность», «Юриспруденция», «Педагогика и психология девиантного поведения».

Эксперимент осуществлялся на занятиях по дисциплинам «Юридическая психология», «Профессиональная этика сотрудников ОВД», «Теория и методика воспитания», «Социальная педагогика», «Коррекционная педагогика» и др.

Для проведения эксперимента по формированию у курсантов ценностных установок профессионального общения сотрудника ОВД были выделены по 8 контрольных и экспериментальных групп (КГ и ЭГ, 192 и 202 человека соответственно). Традиционно обучение проходило в КГ, а в ЭГ весь учебный процесс и профессиональное общение были построены в соответствии с разработанной педагогической системой формирования профессиональных ценностных установок у курсантов образовательных организаций МВД России. При этом содержание деятельности педагогов в ЭГ основывалось на выявленных ранее принципах организации группового обучения⁴, так как именно эта форма стала ведущим педагогическим инструментарием.

В целом эффективность разработанной педагогической системы оценивалась нами по степени сформированности у курсантов ценностных установок профессионального общения. За основу брались следующие методы: беседы, опросы, анкетирование, сочинение (оценка по когнитивному критерию); специально разработанный тест (оценка по сенситивному критерию); анкетирование и ранжирование (оценка по мотивацион-

ному критерию); метод экспертной оценки проявления компетенций профессионального общения в ситуациях профессионального обучения и моделируемой профессиональной деятельности (оценка по деятельностно-практическому критерию).

При этом *когнитивный критерий* показывает полноту представлений о специфике профессиональной деятельности и роли в ней профессиональных ценностных установок. *Сенситивный* оценивает отношение курсанта к профессиональным ценностям установкам, *мотивационный* характеризует устойчивость сформированной у него системы мотивов к реализации профессиональной деятельности с ориентацией на профессиональные ценностные установки, а *деятельностно-практический* оценивает уровень освоения им профессиональных компетенций, соответствующих профессиональным ценностям установкам, при их проявлениях в процессе обучения и моделируемой деятельности.

По каждому из критериев установлены показатели для различных уровней их реализации: низкий (пассивный), средний (фрагментарный) и высокий (устойчивый).

Для оценки уровня овладения курсантами профессиональными компетенциями мы определили содержание последних:

— для умения быстро адаптироваться при работе в разных коллективах важна терпеливость, способность быстро адаптироваться в новой группе и находить общий язык с людьми в разных обстоятельствах;

— для умения ролевого перевоплощения и изменения образов нужны коммуникативность, контактность, развитая речь, доброжелательность; способность к быстрому переключению в общении; готовность к выполнению разных ролей;

— для умения понимать людей, быть проницательным — способность выразить сочувствие; умение выслушать и понять; умение в общении оценить эмоциональное состояние другого человека; способность мириться с мелкими слабостями людей;

— для умения решать проблемы в процессе коллективной мыследеятельности — способность в общении к аналитическому совместному мышлению, аргументированной критике;

— для умения выполнять и отдавать приказы необходимо подчиняться и подчинять себе других; должно быть развито чувство долга перед людьми; важна безусловность в исполнении поручений;

— для умения принимать ответственность и разделять ее с коллективом человек должен интересоваться делами выше личных, отвечать за свои слова, оказывать содействие;

— для умения осуществлять в команде разные виды профессиональной деятельности необходимо руководить группой, постигать и выполнять разные виды деятельности, быть взаимозаменяемым, честным с группой;

— для умения адекватно оценивать себя, своих коллег и других людей важна способность объективно оценивать успехи и неудачи группы, видеть в ошибках

группы свои недочеты, признавать достоинства товарищей; курсант должен адекватно оценивать себя, делать справедливые и аргументированные замечания.

Результаты диагностики уровня сформированности ценностных установок профессионального общения курсантов по каждому критерию показали положительную динамику.

Для оценки *когнитивного критерия* использовались специально разработанная *анкета*⁵ и сочинения курсантов на тему «Роль профессиональных ценностных установок в моей будущей профессии». Все это проводилось после первого этапа подготовки курсантов к обучению в малых группах и по окончании экспериментальной работы⁶.

Результаты контрольных срезов (в начале и в конце эксперимента) показали, что уровень представлений о специфике профессиональной деятельности и роли в ней профессиональных ценностных установок в ЭГ существенно выше, чем в КГ. Число высоких уровней в ЭГ увеличилось на 8,16; количество средних уровней — на 23,91; число низких уровней, напротив, снизилось на 32,06, т. е. более чем в два раза. Позитивные изменения в КГ произошли на уровнях представлений курсантов о профессиональной деятельности и роли в ней профессиональных ценностных установок. Количество высоких уровней возросло на 3,21, а низких упало на 7,05.

Опрос курсантов позволил изучить их мнение относительно эффективности использования обучения в малых группах в процессе профессиональной подготовки. Были получены следующие результаты:

— формирование профессиональных ценностных установок возможно посредством обучения в малых группах за счет большого психолого-педагогического потенциала (96%);

— систематическое использование в учебном процессе группового обучения способствует формированию установки на дискурсивное мышление в общении (63%);

— формирование установки на адаптивность в общении. Работа в малых группах влияет на развитие логического, творческого мышления, воображения, памяти и речи (37%);

— комфортность в условиях малой группы. В поддержку своего выбора курсанты приводили следующие доводы: «в малой группе легче прийти к общему мнению, а чем больше взвод, тем больше непонимания»; «можно проанализировать мнение товарищей, поспорить и выбрать правильный ответ»; «в малой группе существует мгновенная поддержка»; «в малой группе товарищи делятся своими знаниями и можно посоветоваться» (93%);

— в процессе выполнения групповой работы происходит обмен знаниями: «группа вместе знает значительно больше, чем один человек»; «знания в группе закрепляются через примеры, которых в группе столько, сколько ее членов»; «когда материал разбирается группой, его усвоение происходит лучше» (96%). В число несогласных с этим попали успешные курсанты — 4%, яркие индивидуалисты по своей сути. У них были свои объяснения: «Не все члены группы могут быть готовы к за-

Таблица 1. Динамика положительного отношения курсантов к ценностным установкам профессионального общения сотрудника ОВД, %

Уровень	Экспериментальные группы		Контрольные группы	
	исходные	конечные	исходные	конечные
Высокий (устойчивый)	7,78	54,47	8,67	7,63
Средний (фрагментарный)	31,78	39,03	35,67	40,08
Низкий (пассивный)	60,44	6,5	55,66	52,29

натию»; «Не все члены группы дают правильные ответ, это затрудняет запоминание»; «Не все стараются».

Отметим, что среди курсантов не было опровергающих древнее изречение: «Обучая, учишься сам». Большинство из них (98%) полагают, что использование малых групп заставляет всех принимать активное участие в работе, даже если курсант не приготовился к занятию, не ознакомился с изученным материалом.

Упомянутая проблема важна именно для курсантов, так как им (в силу специфики обучения) часто приходится пропускать лекции, семинары, практические занятия, самостоятельную подготовку по долгу несения службы (наряды, караул, различные дежурства). Если многие из них утверждают, что при групповой работе они заняты делом, то можно быть уверенным: базовый минимум знаний от такого занятия курсантами получен.

Для изучения отношения курсантов к ценностным установкам профессионального общения сотрудников ОВД (*сенситивный критерий*) был разработан тест «Ценностные установки профессионального общения сотрудников правоохранительных органов».

Результаты контрольных срезов в начале и в конце эксперимента показали, что уровень отношения курсантов к ценностным установкам профессионального общения в ЭГ существенно выше, чем в КГ (табл. 1).

Тест «Ценностные установки профессионального общения сотрудников правоохранительных органов» состоит из 8 пар полярных суждений и соответствующих им градуированных шкал. Испытуемые отмечали степень выраженности своей позиции. Шкалы этого теста образуют два субтеста.

Первый субтест (А) отражает отношение курсантов к выявленным ценностным установкам профессионального общения сотрудников ОВД как готовности к профессиональному общению (адаптивность в общении, ролевая мобильность в общении, эмпатийность в общении, дискурсивное мышление в общении, субординация в общении, распределение ответственности в общении, функциональная вариативность в общении, само- и взаимооценивание в общении).

Второй субтест (Б), составленный из суждений, выражающих общее самоощущение респондентов по отношению к ценностным установкам профессионального общения сотрудника ОВД, диагностирует меру удовлетворенности и обладания указанными ценностными установками⁷.

Результаты заключительного среза выявили существенные различия между КГ и ЭК по обоим шкалам теста. По приоритетному отношению ко всем ценностным установкам профессионального общения и по их оцен-

ке курсанты ЭГ приблизительно в два раза превосходят курсантов КГ. Курсанты ЭГ в качестве приоритетных выделили такие ценностные установки профессионального общения, как установка на мобильность в общении, адаптивность в общении, дискурсивное мышление в общении, распределение ответственности в общении, функциональная вариативность в общении. Курсанты КГ в целом оказались равнодушны к ценностным установкам профессионального общения. У них снижена потребность в общении, они менее коммуникабельны, мобильны и адаптивны, крайне низко оценивают помощь товарищей, совместную работу и состоятельность.

Полученные результаты (высокая оценка ценностных установок профессионального общения сотрудника ОВД экспериментальными группами и их низкая оценка контрольными) объясняются, на наш взгляд, различием в методике проведения занятий. Благодаря систематическому и целенаправленному использованию малых групп курсантам ЭГ удастся привить позитивное отношение к выявленным ценностным установкам профессионального общения сотрудника правоохранительных органов.

В оценке *мотивационного критерия* мы опирались на теоретические исследования в области мотивации учебной деятельности (В. А. Серебрякова и др.): среди мотивов учебной деятельности выделяются внутренние и внешние⁸. К внутренним мотивам относят: научно-познавательные, самоусовершенствование, профессиональные. К внешним мотивам — широкие социальные, социального престижа, социальной идентификации, личного благополучия и т. д.

Внутренние мотивы:

— *профессиональные*, связанные с подготовкой к будущей профессии, выработкой качеств, необходимых для будущих специалистов в области права и порядка;

— *самоусовершенствование*, т. е. желание совершенствоваться во всем, в том числе и в общении, получать знания для повышения своего уровня общения, общения с людьми в разных ситуациях;

— *научно-познавательные*, включающие интерес к общению в целом и к профессиональному в частности, к ценностным установкам профессионального общения сотрудника ОВД, к содержанию, процессу и результатам общения.

Внешние мотивы:

— *социальные* (хочу быть полезным обществу, помогать людям, поэтому буду действовать в соответствии с ценностными установками профессионального общения сотрудника ОВД);

— *утилитарные* (хочу получить диплом юриста, сделать карьеру, иметь материальное вознаграждение за

Таблица 2. Развитие структуры ведущих мотивов курсантов образовательных организаций МВД России

Мотивы	Ранг (значимость) мотива	
	исходные	конечные
Внутренние мотивы		
Научно-познавательные	2	5
Самосовершенствования	1	4
Профессиональные	7	9
Внешние мотивы		
Утилитарные	8	8
Социальные	6	10
Достижения успеха в общении	3	7
Боязни неуспеха в общении	5	3

Примечание. Наиболее значимый мотив получает максимальный балл — 10.

профессиональную практику, поэтому буду действовать в соответствии с ценностными установками профессионального общения сотрудника ОВД);

- *достижения успеха в профессиональном общении;*
- *боязни неуспеха в профессиональном общении.*

Особой действенностью эти мотивы обладают, если они объединены. Комплекс мотивов позволяет активно воздействовать на человека для стимулирования к деятельности, постоянно удерживая его в зоне действия данных мотивов. Взаимосвязи мотивов повышают результативность их влияния, закрепляясь в сознании индивида. В процессе профессионального обучения будущего сотрудника ОВД в образовательных организациях МВД России задействованы не все мотивы выполнения профессиональной деятельности (в соответствии с профессиональными ценностными установками общения).

Проведенное анкетирование курсантов позволило выявить ведущие мотивы выполнения профессиональной деятельности в соответствии с ценностными установками профессионального общения сотрудника ОВД, в качестве которых выступали: утилитарные мотивы, социальные и профессиональные.

Отметим, что слабо задействованы остальные группы мотивов: *научно-познавательные, самосовершенствования, достижения успеха в профессиональном общении и мотив боязни неуспеха в профессиональном общении.*

Формирование мотива предполагает его соотносение с определенным стимулом. Различают три основных категории стимулов учебной деятельности: внешние, внутренние и личные.

Процесс формирования мотивов происходит следующим образом: стимулирование → возникновение потребности → ее осознание → соединение потребности и стимула → осознание стимула → преобразование потребности в мотив → осознание мотива⁹. Системы мотивов, формирующихся под воздействием стимулов, детерминируют учебную деятельность обучающихся, способствуя повышению ее эффективности.

В результате апробации педагогической системы у курсантов наблюдалось повышение значимости ведущих мотивов выполнения профессиональной деятель-

ности (табл. 2) и уровня их мотивации в отношении ценностных установок профессионального общения (табл. 3). Для оценки применялись методы ранжирования и анкетирования¹⁰.

Результаты контрольных срезов в начале и в конце эксперимента показали, что уровень мотивации курсантов вузов МВД России в отношении ценностных установок профессионального общения в ЭГ существенно выше, чем в КГ (табл. 3).

Изучение *деятельностно-практического критерия* производилось методом экспертной оценки. Уровень усвоения курсантами профессиональных компетенций (как основных компонентов профессиональных ценностных установок) оценивала группа экспертов в ситуациях профессионального обучения и в условиях моделируемой профессиональной деятельности. В *экспертную группу* были включены лица, хорошо знающие курсантов: преподаватели, курсовые командиры, сотрудники отдела кадров, психолог и курсанты учебного взвода, в котором обучался курсант.

Эксперты получали «бланк экспертной оценки»¹¹, где представлено *восемь* характеристик *профессиональных компетенций*, выявленных нами, которые диагностируются по проявлению *пяти* признаков. Каждую характеристику необходимо оценить применительно к конкретному курсанту по 5-балльной шкале. Общий средний балл оценки проявления характеристик профессиональных компетенций (в ситуациях профессионального общения) позволил сделать заключение об уровне их развития у курсанта по следующей системе:

Таблица 3. Динамика уровня мотивации курсантов в отношении ценностных установок профессионального общения, %

Уровень	ЭГ		КГ	
	исходные	конечные	исходные	конечные
Высокий (устойчивый)	22,2	39,0	23,3	27,1
Средний (фрагментарный)	47,3	51,4	48,4	49,2
Низкий (пассивный)	30,5	9,6	28,3	23,7

Таблица 4. Динамика уровня сформированности профессиональных компетенций, отвечающих ценностным установкам профессионального общения, %

Уровень	ЭГ		КГ	
	исходные	конечные	исходные	конечные
Высокий (устойчивый)	14,13	20,65	16,67	17,95
Средний (фрагментарный)	35,87	54,35	39,10	45,51
Низкий (пассивный)	50	25	44,23	36,54

низкий уровень — менее 8–19 баллов; средний — 20–32 балла; высокий — 33–40 баллов.

Результаты контрольных срезов в начале и в конце эксперимента показали, что уровень сформированности этих компетенций в ЭГ выше, чем в КГ (табл. 4).

Количество высоких уровней в ЭГ увеличилось на 6,52; средних — на 18,48; а низких уровней уменьшилось на 25, т. е. в два раза. В КГ произошли положительные изменения в уровнях сформированности профессиональных компетенций. Число высоких уровней возросло на 1,28; средних уровней — на 6,41; процент низких уровней снизился на 7,69.

Полученные результаты были проверены по динамике уровня сформированности профессиональных компетенций, отвечающих ценностным установкам профессионального общения у курсантов, с помощью математической статистики¹².

Проведенный математический анализ показал, что применяемая нами педагогическая система в целях формирования профессиональных ценностных установок у курсантов составила с доверительной вероятностью $\alpha = 0,9$.

Методика экспертной оценки, кроме выявления общих уровней, позволяет проследить динамику изменений каждой профессиональной компетенции — как составляющих профессиональных ценностных установок общения у курсантов образовательных организаций МВД России.

До применения разработанной педагогической системы в процессе профессионального обучения курсантов в ЭГ низкий уровень «умения быстро адаптироваться при работе в разных коллективах» имели 10% курсантов. Вторая экспертная оценка показала, что низкий уровень «умения быстро адаптироваться при работе в разных коллективах» встречается теперь у 5% курсантов, т. е. положительное изменение составляет 5%. В КГ по указанной характеристике изменение составило 2%.

Наиболее интересные сдвиги произошли в «умении личностного ролевого перевоплощения и изменения образов» и «умении понимать людей, быть проникательным». В первом случае низкий уровень (по данным первой экспертной оценки) наблюдался у 13% курсантов, по данным второй экспертной оценки низкий

уровень «умения личностного ролевого перевоплощения и изменения образов» показали всего 4% обследуемых. Число средних уровней возросло в два раза, а высоких — в три и более раза. В то же время результаты КГ практически не изменились. Процент низких уровней «умения понимать людей, быть проникательным» в ЭГ (по результатам второй экспертной оценки) уменьшился в три раза, а процент высоких и средних уровней возрос в три раза и более. Результаты же контрольных групп улучшились незначительно.

В процессе проведения эксперимента была подтверждена эффективность педагогической системы формирования ценностных установок профессионального общения у курсантов образовательных организаций МВД России. Были выявлены условия эффективности указанной педагогической системы: подготовленность педагога к ее проектированию и реализации; анализ профессиональных проблем и формирование мотивации курсантов к овладению ценностными установками профессионального общения; включение курсантов в учебную деятельность (соответствующую видам профессиональной деятельности для «проживания» профессиональных ситуаций), нацеленную на формирование профессиональных ценностных установок.

В качестве перспективного направления исследования нами рассматривается теоретическое обоснование и разработка педагогической системы для развития профессиональных ценностных установок у действующих сотрудников правоохранительных органов при повышении их квалификации с учетом новых требований, предъявляемых к ним.

¹ О комплексном реформировании системы воспитательной работы в органах внутренних дел : приказ МВД России № 120 от 1 февраля 2007 г. ; *Об организации* научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках МВД России : приказ МВД России № 150 от 18 марта 2013 г.

² Буданов А. В. Работа с сотрудниками ОВД по профилактике профессиональной деформации. М., 1994. 98 с. ; Столяренко А. М. Юридическая педагогика: курс лекций. М., 2000. 496 с.

³ Скляренко И. С. Педагогическая система формирования профессиональных ценностных установок у курсантов вузов МВД России: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2014. С. 192–333.

⁴ Там же. С. 405–432.

⁵ Там же. С. 524–525.

⁶ Там же. С. 412–416.

⁷ Там же. С. 527–529.

⁸ Серебрякова В. А. Организационно-педагогические условия развития мотивации учащихся к профессиональному обучению: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. С. 11.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Скляренко И. С. Указ. соч. С. 526.

¹¹ Там же. С. 530–531.

¹² Жучок П. М. Оценка эффективности обучения методами математической статистики // Советская педагогика. 1965. № 6. С. 83–96.

УДК 378

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР НЕПОСРЕДСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Д. В. Литвин, В. Г. Лупырь

В статье проводится анализ эмпирических данных практики применения мер непосредственного принуждения, выявляются характерные особенности и недостатки профессиональной подготовки сотрудников полиции в области применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, формулируются предложения по совершенствованию соответствующих профессиональных компетенций.

Ключевые слова: профессиональная подготовка; профессиональные компетенции; применение полицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия; практика применения мер непосредственного принуждения.

Криминогенной обстановкой в Российской Федерации обусловлены многие случаи гибели и ранений сотрудников органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей. Причем эти цифры (рис. 1) часто превышают число применения огнестрельного оружия сотрудниками. Статистические данные, обнаруженные в открытых источниках, свидетельствуют, что в количественном отношении факты гибели сотрудников полиции находятся в близких границах с применением ими огнестрельного оружия или даже превосходят их. Диапазон рассматриваемых данных существенно не меняется на протяжении последних пятнадцати лет.

Выполняя оперативно-служебные задачи по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, сотрудники органов внутренних дел постоянно взаимодействуют с гражданами в условиях латентной агрес-

сии, неочевидности угрозы и высокой ответственности за применение мер принуждения. Эти обстоятельства должны определять особенности профессиональной компетентности сотрудника полиции, содержание его профессионального образования¹. Однако в действительности условия, в которых происходит применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, часто являются для сотрудника экстремальными, поскольку связаны с возникновением реальной угрозы его здоровью или жизни. Оттенок беспомощности и неизбежности катастрофических последствий, которыми пронизаны характеристики термина «экстремальная ситуация», не соответствует социальному назначению и обязанностям полиции. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»², право сотрудника на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия связано с необходимостью проходить специальную подготовку, а также периодическую проверку на профессиональную пригодность к действиям в определенных условиях.

Готовность сотрудника полиции к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия — значительный компонент его профессиональной компетентности. Несоответствие уровня подготовки требованиям практической деятельности порождает не только психологические барьеры при применении мер непосредственного принуждения, но и боязнь правовых последствий, приводит к тактическим просчетам, к гибели и ранениям сотрудников.

Проблема профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел к применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия широко представлена в научной литературе. Большая часть исследований выполнена в рамках юридической науки, в них анализируются вопросы совершенствова-

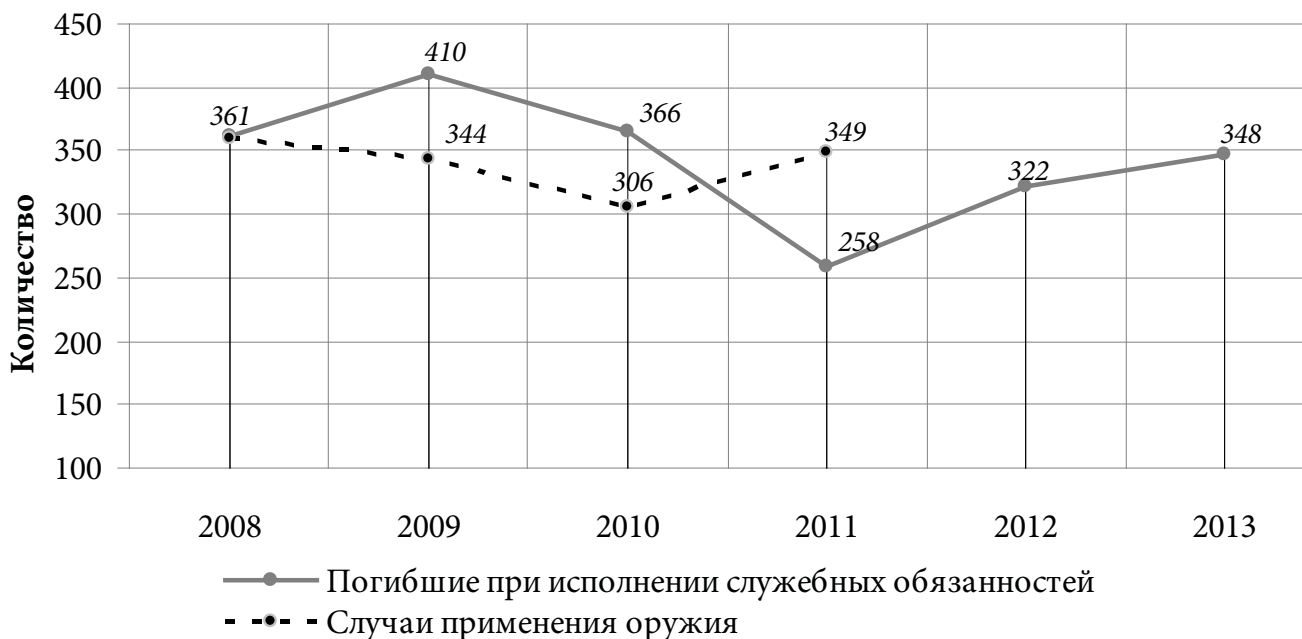

Рис. 1. Применение огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел и количество погибших сотрудников при исполнении служебных обязанностей в Российской Федерации в 2008–2013 гг.³

ния законодательных механизмов, сопровождающих применение огнестрельного оружия и физической силы (А. И. Каплунов, С. Ф. Милуков, Н. И. Уткин, Б. П. Кондрашов, Ю. П. Соловей и др.). Успешно разрабатываются вопросы психологической готовности и психологического обеспечения деятельности сотрудников ОВД в экстремальных условиях (В. А. Иванов, В. С. Новиков, А. И. Папкин, В. Н. Смирнов, И. И. Пацакула, Г. С. Човдырова и др.). Работы, выполненные в рамках педагогической науки, освещают преимущественно методические аспекты отдельных составляющих подготовки к мерам непосредственного принуждения — огневой, физической, тактико-специальной подготовки (В. А. Торопов, А. А. Хвастунов, С. Г. Горбенков и т. д.). Педагогические проблемы совершенствования профессиональной служебной подготовки сотрудников полиции на основе эмпирических данных применения мер принуждения в научной литературе рассматриваются лишь эпизодически. Интересно исследование З. И. Тагирова, который предлагает ввести коэффициент «применимости» огнестрельного оружия как универсальный удельный показатель различных зависимостей, связанных с количеством фактов его применения. Автор рассматривает территориально распределенную динамику применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в сравнении с общим уровнем преступности, тяжкой и особо тяжкой преступностью⁴.

Для получения общего представления о применении сотрудниками полиции мер непосредственного принуждения в Российской Федерации мы провели контент-анализ, объектом которого выступил официальный печатный орган Правительства Российской Федерации — «Российская газета». Категории анализа — «практика применения физической силы и специальных средств полицией», «применение физической силы и специальных средств полицией» и др. — выявили наличие более 13 тыс. публикаций с 2009 по 2015 гг. Публикации представляли официальные нормативные правовые документы и комментарии к ним, юридическую аналитику и новостные сообщения, посвященные рассматриваемому вопросу в России и за рубежом.

Категория «ранения и гибель сотрудников полиции» насчитывает порядка 9,5 тыс. публикаций, после отсева материалов со смежными признаками их осталось около 500. Нами получен массив информации с фактами гибели и ранений сотрудников полиции, неправомерного применения физической силы или огнестрельного оружия. Среди них — 125 случаев гибели и огнестрельных ранений сотрудников, 8 касались завладения их огнестрельным оружием, 138 — применения насилия в отношении сотрудников полиции, в том числе с использованием холодного оружия или подручных средств.

Исследование средств массовой информации выявило особенность — в последние годы участилось оказание сотрудникам полиции силового сопротивления при пресечении административных правонарушений на фоне алкогольного опьянения и оскорблений в их адрес. В настоящее время холодное оружие выступает в каче-

стве аргумента в спорах не менее часто, чем использование травматических пистолетов. Примерно 36% убийств совершается с применением огнестрельного оружия, в 32% случаев — холодного⁵. Аналитических материалов практики применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции или статистических данных по данному вопросу не выявлено.

По данным статистических отчетов, в 2013 г. было зарегистрировано 199 преступлений, связанных с применением насилия в отношении представителей власти (ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации⁶ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ), 3 преступления — с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), 167 — с оскорблением представителя власти (ст. 319 УК РФ)⁷.

В 2014 г., согласно изученным источникам, в Краснодарском крае сотрудники полиции при выполнении служебных обязанностей 151 раз вынуждены были применять силовые способы задержания правонарушителей и пресечения противоправных действий (рис. 2).

Чаще всего с силовым сопротивлением со стороны правонарушителей сталкивались сотрудники патрульно-постовой службы полиции (ППСП — 39,7%), участковые уполномоченные полиции (УУП — 16,6%), вневедомственной охраны (ОВО — 13,2%), дорожно-патрульной службы (ДПС — 11,9%), оперуполномоченные уголовного розыска (ОУР — 7,9%). Подобное положение дел можно назвать типичным, что соответствует общей статистике применения мер непосредственного принуждения по Российской Федерации. Нападению, как правило, подвергаются сотрудники службы обеспечения общественного порядка — те, кто чаще других входит в непосредственный контакт с лицами, совершающими или только что совершившими правонарушения⁸.

В результате оказания силового сопротивления законным требованиям сотрудников полиции в 121 случае (80,1%) последним понадобилось амбулаторное лечение, госпитализированы 11 сотрудников (7,3%), и лишь 19 фактов (12,6%), когда сотрудники не пострадали.

При оказании сопротивления и нападении на сотрудников побои чаще всего наносились руками и ногами, т. е. без использования предметов в качестве оружия. Анализ случаев применения насилия в отношении сотрудников полиции выявил, что в качестве средств посягательства на жизнь и здоровье сотрудников использовались ножи и колюще-режущие предметы (7 случаев), автомобильный и мотоциклетный транспорт (5 случаев), огнестрельное охотничье оружие (2 случая) и проч.

Наибольшее количество фактов оказания силового сопротивления выявлено при пресечении административных правонарушений, в том числе посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, а также при задержании лиц, их совершивших (рис. 3). При пресечении правонарушений и задержании лиц за нарушения общественного порядка — ч. 1 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁹ — сотрудники ППС, УУП и дру-

гих служб вынуждены были вступать в противоборство с нарушителями 75 раз (49,7%). Нередко правонарушения совершались в состоянии алкогольного опьянения, были сопряжены с неповиновением законному требованию сотрудника полиции (ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ).

Выделим еще одну группу ситуаций оказания силового сопротивления сотрудникам полиции при выполнении ими служебных задач — пресечение административных правонарушений и задержание лиц, их совершивших, в области дорожного движения (11 случаев — 7,3%). Невыполнение водителем транспортного средства требований о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 12.26 КоАП РФ) пять раз сопровождалось применением силы. Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, либо передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ), — 3 случая. Агрессия по отношению к сотрудникам полиции проявлялась при пресечении таких деяний, как нарушение правил остановки или стоянки транспортных средств, превышение установленной скорости движения, невыполнение обязанностей в связи с дорожно-транспортным происшествием и т. д.

К иным ситуациям противодействия полиции при выполнении оперативно-служебных задач относятся факты, не вошедшие в основные группы. К ним можно отнести рейдовые мероприятия, подворовый обход

и сбор материала (УУП). В трех подобных случаях сотрудникам оказывалось сопротивление, во время санкционированного обыска — дважды (ОУР, УУП).

В качестве особой группы ситуаций противодействия сотрудникам полиции можно выделить задержание лиц, подозреваемых в совершении преступлений, находящихся в розыске за совершение преступлений. В количественном отношении число задержания лиц в связи с уголовными преступлениями, естественно, уступает фактам, связанным с административными правонарушениями, однако по степени опасности значительно превосходят их. Сотрудники полиции ГУ МВД России по Краснодарскому краю в 20 случаях (13,2%) вынуждены были применить силовые способы задержания. Чаще всего основания применения силовых способов принуждения при задержании возникали у сотрудников уголовного розыска.

В целом полученное представление об обстоятельствах оказания силового сопротивления сотрудникам полиции по Краснодарскому краю соответствует общеизвестной практике. Так, Л. А. Воробьева указывает, что большинство сотрудников полиции ряд служебных задач относят к тем, решить которые невозможно без применения физической силы. Например, пресечение сопротивления, оказываемого сотруднику полиции; задержание лица, застигнутого при совершении преступления против жизни, здоровья или собственности и пытающегося скрыться; пресечение беспорядков, совершае-

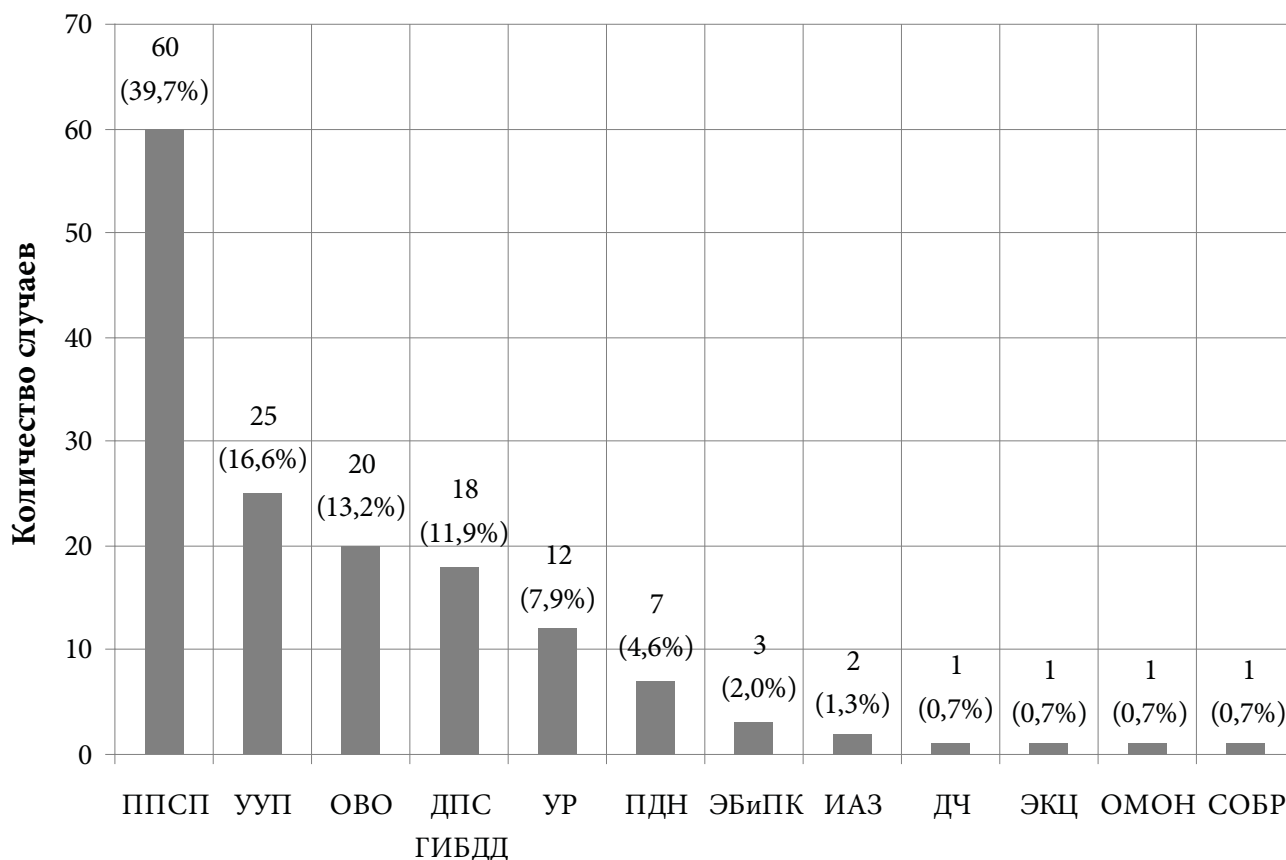

Рис. 2. Распределение случаев оказания сотрудникам полиции силового противодействия при выполнении служебных обязанностей по подразделениям ГУ МВД России по Краснодарскому краю, 2014 г.

мых большой группой лиц; доставление задерживаемых лиц в ОВД, когда они своим поведением дают основание полагать, что могут совершить побег, причинить вред окружающим или себе, оказывают противодействие сотруднику полиции¹⁰.

Исследование фактов применения полицией физической силы и специальных средств при выполнении служебных задач выявило большой процент пострадавших сотрудников в результате оказанного сопротивления (более 87%). На первый взгляд, такие цифры свидетельствуют о низком уровне профессиональной готовности. Однако анализ полученных травм показывает значительную долю закрытых механических повреждений различной степени тяжести — гематомы, ссадины, ушибы, растяжения, вывихи — 72,4%. Обосновывая правомерность применения физической силы, сотрудники обращаются за медицинской помощью при незначительных повреждениях (царапины, ссадины и т. д.). Данное обстоятельство указывает на особое внимание к правовым последствиям применения мер непосредственного принуждения.

Вместе с тем инцидент оказания сопротивления сотруднику подразумевает потенциальную опасность, поскольку имеет ситуативную природу. В практике велика доля серьезных травм головы — сотрясений головного

мозга и иных — 13,5%. Лечение таких повреждений требует, как правило, госпитализации. Кроме того, сотрудникам были причинены укусы — 5,8%, порезы, рваные раны — 3,2%, переломы — 2,6%, рассечения — 2,6%.

Нельзя оставить без внимания факты сопротивления, которые переходили в посягательство на здоровье и жизнь сотрудника с использованием ножей, колюще-режущих предметов, огнестрельного оружия. Сотрудники полиции ограничивались применением мер принуждения, явно не соответствующих степени опасности посягательства, тогда как ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» предписывает сотруднику полиции действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления.

В 2014 г. сотрудники полиции ГУ МВД России по Краснодарскому краю в 30 случаях применяли огнестрельное оружие при выполнении служебных обязанностей (рис. 4).

Учитывая то, что применение огнестрельного оружия является самой жесткой и крайней мерой административного принуждения, затрагивающей высшие человеческие ценности — жизнь и здоровье, анализ ситу-

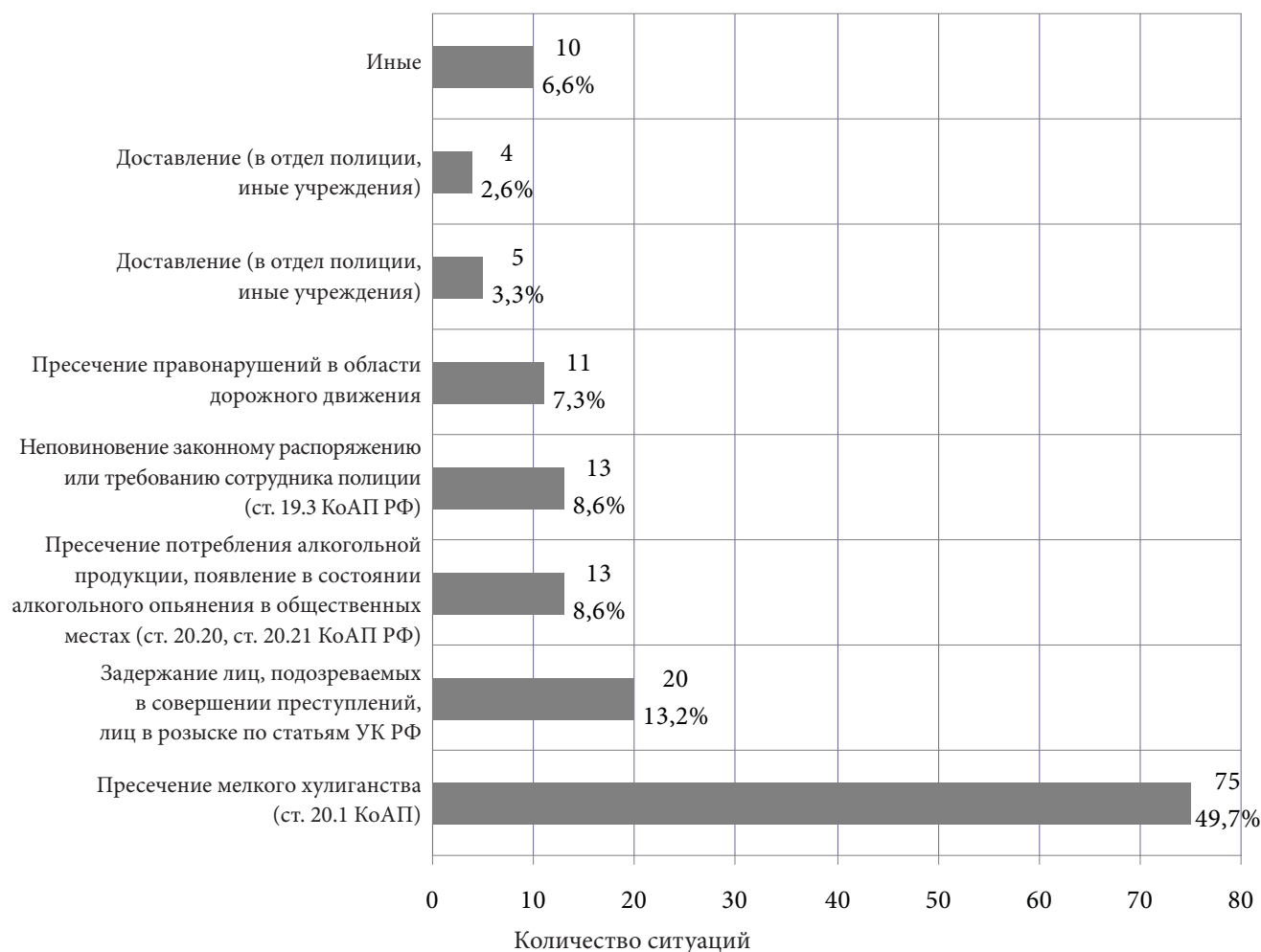

Рис. 3. Ситуации оперативно-служебной деятельности, связанные с оказанием силового противодействия сотрудникам полиции, 2014 г.

аций оперативно-служебной деятельности показал, что в 48,3% случаев оно применялось в связи с пресечением административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, в области дорожного движения, а также в связи с задержанием лиц, их совершающих (табл.).

Отметим, что в 7 случаях оружие применялось сотрудниками ДПС для остановки транспортного средства. Причина остановки — отсутствие на автомобилях государственных номеров, отказ водителя выполнить неоднократные требования сотрудника полиции об остановке, попытка скрыться, угроза жизни и здоровью граждан — п. 1 ч. 3. ст. 23 ФЗ «О полиции». Во всех случаях применялся табельный ПМ. Традиционно для таких ситуаций было произведено значительное количество выстрелов — от 2 до 8. В четырех случаях производились предупредительные выстрелы вверх. В результате применения оружия для остановки транспортного средства путем его повреждения пострадавших нет.

При пресечении правонарушений и задержании лиц за нарушение общественного порядка сотрудники полиции в 7 случаях применяли огнестрельное оружие. В подавляющем большинстве случаев к оружию прибегали сотрудники ППС (в отдельных случаях — сотрудники ОВО, ДПС) при пресечении правонарушений по ст.ст. 20.1, 19.3 КоАП РФ. При этом производилось от 1 до 3 предупредительных выстрелов (п. 4 ч. 3. ст. 23 ФЗ «О полиции»). Пострадавших среди правонарушителей нет. Сотрудники получали травмы головы (ушибы, сотрясения головного мозга, инородные предметы в глазу), конечностей (порезы, ссадины и т. д.).

Особенности профессиональной компетентности сотрудников полиции в области применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия:

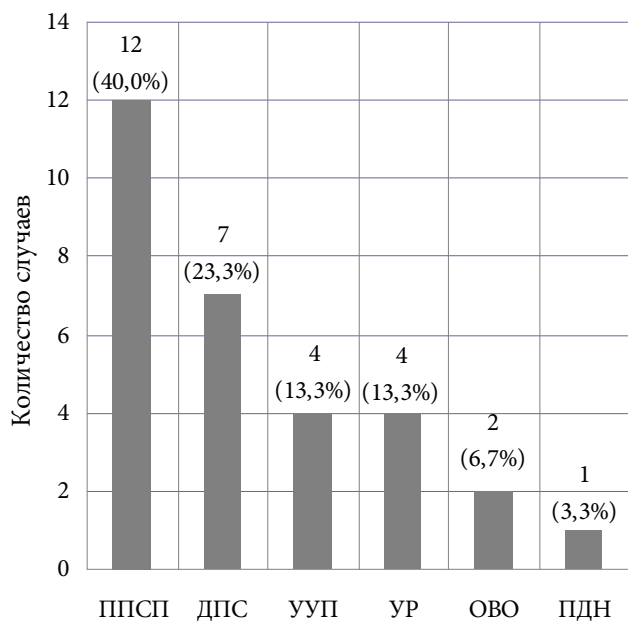

Рис. 4. Применение огнестрельного оружия подразделениями ГУ МВД России по Краснодарскому краю, 2014 г.

Таблица. Ситуации оперативно-служебной деятельности, в которых сотрудники полиции применяли огнестрельное оружие, 2014 г.

Ситуации	Количество случаев
Пресечение административных правонарушений	14 (48,3%)
Задержание в связи с уголовными преступлениями	8 (27,6%)
Обезвреживание животного	5 (17,2%)
Иные	2 (6,9%)

1. Анализ практики применения мер непосредственного принуждения показал, что дихотомия принципов действий сотрудника полиции «правомерность-эффективность» в условиях применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия нуждается в дополнении принципом безопасности. Триада «правомерность-эффективность-безопасность», на наш взгляд, должна выступать неотъемлемым элементом профессиональной компетентности сотрудника полиции в регламентирующих нормативных и программных документах.

Сотрудник полиции должен быть готов к максимально возможным вариантам развития событий в ситуациях применения мер непосредственного принуждения, а также к адекватным действиям в ответ. Под адекватными следует понимать действия, обладающие следующими неотъемлемыми свойствами:

- безопасные — для самого сотрудника, его коллег, а также для сторонних граждан, не являющихся непосредственными участниками инцидента;

- правомерные — в соответствии с основаниями, в порядке и с учетом ограничений при применении мер непосредственного принуждения, предписанными нормами права;

- эффективные — с использованием оптимальных средств и способов реализации мер принуждения в виде обоснованных и грамотных технико-тактических действий при применении физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия.

2. Изучение обстоятельств, в которых сотрудникам полиции оказывалось сопротивление и в которых сотрудники получали травмы различной степени тяжести, показало, что такие ситуации происходят в повседневной оперативно-служебной деятельности, а не в каких-либо особых условиях. Противоборство с нарушителями права — атрибут деятельности сотрудника полиции, неотъемлемый элемент службы. Если все обстоятельства, в которых сотруднику органов внутренних дел оказывается силовое или вооруженное сопротивление, будут пониматься им как экстремальные, то мы вынуждены утверждать, что ситуация становится экстремальной в силу личного восприятия сотрудником таковой, что обусловлено уровнем его профессиональной компетентности.

Конечно, применение мер непосредственного принуждения связано с проявлением агрессии в условиях деструктивного поведения, риска для физического здоро-

вья и жизни самого сотрудника. Физическая сила в отношении правонарушителя и табельное огнестрельное оружие применяются при наличии реально действующей угрозы. Однако не все сотрудники ОВД, выполняющие служебные обязанности с оружием, осознают это и внутренне допускают вероятность возникновения подобной ситуации.

Как следствие, субъективная неготовность и внутреннее неприятие сотрудником полиции ситуаций применения мер непосредственного принуждения, возникновение сомнений в своей правоте, нерешительность, которые могут привести к трагическим последствиям, говорят о недостатках в профессиональной подготовке конкретного сотрудника полиции.

Показательна в этом отношении основа концепции профессиональной экстремально-психологической подготовки сотрудников спецподразделений правоохранительных органов В. Н. Смирнова. Экстремальные условия деятельности сотрудников объективно должны не противостоять им, а определять их профессиональную жизнедеятельность. Сотрудник не только имеет выбор: избежать или принять угрозы, опасности, трудности, но может успешно решать экстремальные оперативно-служебные задачи, относясь к ним как к необходимому элементу своей профессиональной деятельности. Такой вектор подготовки будет направлен не на преодоление «экстремальности», а на ее познание (оценку), осмысление и преобразование¹¹. Иными словами, стрессогенным моментом является не сама по себе ситуация, а отношения в этой ситуации между мотивами и возможностями субъекта действовать адекватно им.

Сотрудник полиции должен понимать, что риск получения травмы, телесных повреждений всегда присутствует в его повседневной деятельности. Условия, характеризующиеся наличием потенциальной или реально действующей угрозы здоровью или жизни сотрудника полиции либо граждан, складываются мгновенно, развиваются стремительно и несут тяжелые последствия при несоответствующих действиях. Подготовка к действиям в подобных условиях составляет значимый предмет раздела профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников.

3. Исследование практики применения мер непосредственного принуждения показало недостаточный уровень профессиональных компетенций сотрудников полиции в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Требуют совершенствования навыки распознавания интенсивности оказываемого сопротивления (типы поведения правонарушителей), навыки управления ситуацией и контроля над правонарушителем в соответствующем уровне применения мер непосредственного принуждения, навыки распознавания перехода активного сопротивления в агрессивное и далее — в посягательство на жизнь и здоровье сотрудника полиции и др.

Законодатель не дает и не может дать конкретный и определенный перечень стимулов (поведенческих ак-

тов правонарушителя), которые предопределяли бы применение тех или иных мер принуждения в качестве адекватной ответной поведенческой реакции со стороны сотрудника. Например, рассматривая применение огнестрельного оружия, закон ограничивается лишь исчерпывающим перечнем случаев, которые, наряду с нормами, устанавливающими обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния, выступают в качестве непосредственных правовых оснований применения оружия¹². Согласно В. А. Торопову, усмотрение сотрудника в случаях применения огнестрельного оружия проявляется, прежде всего, в решении вопроса: применять или нет оружие в ситуации, когда для этого имеются законные основания, или же действовать иным способом: применять физическую силу, специальные средства, иные подручные средства¹³.

В целях упорядочения и придания процессу принятия решения на применение полицией силы системного характера возникает необходимость разработки и правового закрепления типов поведения правонарушителей на основании интенсивности оказываемого сопротивления, а также уровней применения соответствующих мер непосредственного принуждения.

¹ Кунавцев Т. С. Обоснование содержания профессионального образования сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2012. №10(92). С. 79–85.

² Далее — ФЗ «О полиции».

³ Кунавцев Т. С. Указ. соч.; Смирнов В. Н. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников специальных подразделений органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004. 58 с.

⁴ Тагиров З. И., Габделхаков Б. Х. Некоторые актуальные вопросы совершенствования профессиональной служебной огневой подготовки на основе проблемного анализа современной практики применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции (на примере субъекта Российской Федерации — Республики Татарстан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 3(17). С. 104–111.

⁵ Устроивший поножовщину в центре Москвы мужчина задержан // Рос. газета. 2014. 19 июня.

⁶ Далее — УК РФ.

⁷ Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2011 год : сборник аналитических и информационных материалов. М., 2012. 78 с.

⁸ Каплунов А. И., Милюков С. Ф., Уткин Н. И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел / под ред. В. П. Сальникова. М., 2004. С. 62.

⁹ Далее — КоАП РФ.

¹⁰ Воробьева Л. А. Психологические факторы незаконного применения физической силы сотрудниками ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 27–39.

¹¹ Смирнов В. Н. Указ. соч. 58 с.

¹² Каплунов А. И., Милюков С. Ф., Уткин Н. И. Указ. соч. С. 62.

¹³ Торопов В. А. Теория и практика эффективного обучения сотрудников органов внутренних дел стрельбе из личного оружия: дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. С. 21.

УДК 159.95;159.922

АДАПТИВНЫЕ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ СПОСОБНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

С. В. Забегалина, А. В. Чигарькова

В статье представлены результаты эмпирического исследования адаптивных и прогностических способностей в структуре поведенческих и когнитивных особенностей личности военнослужащего.

Ключевые слова: адаптация, адаптивные и прогностические способности, поведенческие тенденции, стили саморегуляции, личность, прогнозирование, полнезависимость.

Специфика воинской деятельности и условий службы представляют особый интерес в изучении личности военнослужащего с точки зрения ее адаптивности и прогнозирования успешности деятельности. Говоря об адаптации, отметим, что факторы, оказывающие влияние на адаптацию к условиям военной службы, можно объединить в два блока: социальный и психологический. Социальный включает такие параметры, как возраст, социальное происхождение, уровень образования, специальность и т. д. Психологический — интеллект, направленность, личностный адаптационный потенциал, положение в группе. Без выраженных адаптивных способностей военнослужащего (как субъекта деятельности) нельзя предполагать о развитии его прогностических способностей.

В ситуации, когда военнослужащий первоначально попадает в новые для него условия социального контроля, осуществляемого воинским коллективом, высший уровень диспозиционной структуры его личности — общая направленность и система ценностных ориентаций — остается вначале, как правило, без существенных изменений, так как высшие диспозиции наиболее устойчивы. Его адаптацию обеспечивают ситуативные социальные установки, т. е. готовность к оценке и действию в конкретных условиях иной микросреды. Ситуативные мотивы: готовность выполнить приказ, требование старшего; желание быстрее преодолеть возникшие трудности, установить контакты с новым окружением; избегание наказания и др. Воинская деятельность (как и любая другая) является полимотивированной, поэтому в процессе адаптации оказываются задействованными и высшие мотивы (чувство долга, патриотизма и т. п.), но их действие имеет стратегическое значение для поведения молодого солдата, тогда как ситуативные мотивы более подвижны, в силу чего обеспечивают тактику поведения в адаптивной ситуации. Источником формирования ситуативных установок — мотивов — является информация, полученная военнослужащим в новом коллективе, и его эмоциональное состояние¹.

Военный психолог А. Г. Маклаков выделяет ряд психологических характеристик личности, которые отличаются относительной стабильностью и во многом определяют успешность адаптации в различных условиях деятельности:

- 1) нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обусловлен толерантностью к стрессу;
- 2) самооценка личности, являющаяся ядром саморегуляции и определяющая степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей;
- 3) ощущение социальной поддержки, связанное с чувством личной значимости для окружающих (личностная референтность);
- 4) особенность построения контактов с окружающими, характеризующая уровень конфликтности личности;
- 5) опыт социального общения, отражающий потребность в общении и свидетельствующий о возможности построения контактов с окружающими на основе имеющегося опыта;
- 6) моральная нормативность личности, характеризующая степень ориентации на существующие в обществе нормы и правила поведения;
- 7) ориентация на соблюдение требований коллектива (уровень групповой идентификации)².

Адаптивные и прогностические способности и потенциалы личности важны для деятельности военнослужащих, они могут рассматриваться через такую интегративную характеристику, как «образ Я», которая, являясь структурной характеристикой самосознания, представляет устойчивое сквозное целостное психическое образование, включающее сознательные и бессознательные механизмы пассивной и активной адаптации человека к среде. «Я-Концепция» — константный компонент самосознания, определяющий общее отношение личности к себе, ее самочувствие, детерминирующий не только восприятие ею разных сторон собственной личности, но и окружающего мира.

Для изучения особенностей прогнозирования был выбран тест «Способность к прогнозированию» Л. А. Регуш. В методике «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина диагностируются адаптивные способности, нервно-психическая устойчивость, моральная нормативность.

Для оценки выраженности поведенческих тенденций мы использовали «Лист прилагательных», переведенный на психосемантическую основу С. В. Забегалиной вариант методики Т. Лири, который представляет перечень характеристик, наличие или отсутствие которых, степень их выраженности следует оценить в баллах (от +3 до -3). Униполярный список прилагательных предлагается на одном бланке, на другом же отмечается вариант ответа. Была проведена проверка на ретестовую надежность (интервал в 14 дней), на конструктивную валидность путем сопоставления с данными обследования по «Интерперсональному диагнозу» Т. Лири. Методика позволяет выбрать несколько шкал, в данном случае вводятся шкалы «Я сегодня» и «Я в будущем», чтобы проанализировать прогноз изменения своей личности (или неизменности личностных свойств)³. Для оценки индивидуально-психологических особенностей личности военнослужащих был использован «16 ФЛЮ» Р. Кеттелла. Предлагаемый тест состоит из 105 вопросов — форма С — на каждой предлагается три варианта ответов (а, b, c)⁴.

Для диагностики стилевых особенностей саморегуляции (как особенности поведения) мы использовали опросник В. И. Моросановой «Стиль саморегуляции», созданный в 1988 г. Утверждения опросника построены на типичных жизненных ситуациях, при этом они не имеют непосредственной связи со спецификой какой-либо профессиональной или учебной деятельности. Цель методики — диагностика развития индивидуальной саморегуляции и ее индивидуального профиля, включающего показатели планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также показатели развития регуляторно-личностных свойств — гибкости и самостоятельности.

Опросник включает 46 утверждений, из которых составлено шесть шкал (по 9 утверждений в каждой), выделенных в соответствии с основными регуляторными процессами планирования (Пл), моделирования (М), программирования (Пр), оценки результатов (Ор), а также регуляторно-личностными свойствами — гибкости (Г) и самостоятельности (С). Структура опросника такова, что ряд утверждений, характеризуя как регуляторный процесс, так и регуляторно-личностное качество, входят в состав сразу двух шкал. Весь опросник работает как единая шкала — «Общий уровень саморегуляции» (ОУ), отражая уровень сформированности индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности человека.

Среди когнитивных (как самых информативных) рассматривались процессы восприятия и мышления. С помощью методики К. Готтшальдта (Gottschaldt Kurt Bruno) «Включенные фигуры» (иные названия, встречающиеся в психологической литературе — «Фигуры Готтшальдта», «Замаскированные фигуры») измеряется такой параметр, как полнезависимость-полнезависимость (ПЗ-ПНЗ). Общим основанием индивидуальных различий в познавательной деятельности, устанавливаемых с помощью «ПЗ — ПНЗ», является степень свободы от внешних референтов, иначе говоря — степень ориентации человека при принятии решений на имеющееся знание, а не на внешние ориентиры, если они вступают в противоречие с его опытом. Испытуемым предлагается в тридцати замаскированных фигурах найти одну из пяти эталонных и указать ее. Сложные фигуры предъявляются по одной. Фиксируется время поиска каждой фигуры, учитываются ошибки.

Для выявления пластичности — ригидности мышления — мы использовали методику «Уровень пластичности — ригидности мыслительных процессов» А. Лачинса. Термин «ригидность» означает затрудненность (вплоть до полной неспособности) при изменении субъективной программы деятельности человека в условиях, объективно требующих ее перестройки. Пластичность (в отличие от ригидности) предполагает легкость такой перестройки. Различают три типа ригидности: когнитивную (познавательную), аффективную и мотивационную. Когнитивная связана с перестройкой восприятий и представлений в измененной ситуации и, как следствие, со своевременным и адекватным принятием решения.

Для эмпирической проверки гипотезы о взаимосвязи адаптивных и прогностических способностей с поведенческими и когнитивными особенностями личности использовались математические методы обработки данных: компьютерные программы с применением пакетов анализа «Excel» и «Statistica 6.0 for Windows», проведено описание, обобщение, систематизация и интерпретация полученных данных.

После проведения теста «Способность к прогнозированию» Л. А. Редуш были получены следующие результаты: высокий и средний уровень способности к прогнозированию в целом составил 89% (высокий уровень прогностических способностей выявлен у 13 военнослужащих, средний у 36), низкий 6 (11%), что говорит о хорошо развитых качествах мышления, связанных с прогнозированием (по Л. А. Редуш) — аналитичность, глубина, гибкость, перспективность, доказательность.

Поведенческие тенденции соответствуют субшкалам (или октантам) в следующем виде: властный-лидирующий — I тенденция, субшкала «Авторитарность»; независимый-доминирующий — II тенденция, субшкала «Эгоистичность»; прямолинейный-агрессивный — III тенденция, субшкала «Агрессивность»; недоверчивый-скептический — IV тенденция, субшкала «Подозрительность»; покорный-застенчивый — V тенденция, субшкала «Подчиненность»; зависимый-послушный — VI тенденция, субшкала «Зависимость»; сотрудничающий-конвенциональный — VII тенденция, субшкала «Дружелюбие»; ответственный-великодушный — VIII тенденция, субшкала «Альтруистичность».

По данным методики «Лист прилагательных» были выявлены значимые связи между поведенческими тенденциями, результаты приведены в таблице 1.

Таким образом, между поведенческими тенденциями существуют устойчивые значимые связи, в частности, между такими маскулинными тенденциями, как «авторитарность», «эгоистичность», «агрессивность».

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа поведенческих тенденций

№	Поведенческие тенденции							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
I	x							
II	0,60	x						
III	0,47	0,52	x					
IV	0,16	0,25	0,46	x				
V	0,17	0,28	0,15	0,48	x			
VI	0,34	0,31	0,28	0,41	0,75	x		
VII	0,66	0,55	0,33	0,03	0,41	0,55	x	
VIII	0,63	0,41	0,27	-0,10	0,24	0,43	0,79	x

Примечания. I — авторитарность, II — эгоистичность, III — агрессивность, IV — подозрительность V — подчиненность, VI — зависимость, VII — дружелюбие, VIII — альтруистичность.

Здесь и далее полужиром выделены значимые коэффициенты корреляции при $p \leq 0,05$.

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа поведенческих тенденций между «Я-сегодня» и «Я-будущее»

Поведенческие тенденции	Авторитарность I	0,71
	Эгоистичность II	0,65
	Агрессивность III	0,83
	Подозрительность IV	0,89
	Подчиненность V	0,91
	Зависимость VI	0,78
	Дружелюбие VII	0,80
	Альтруистичность VIII	0,86

Кроме вполне предсказуемых связей, например, между «альтруизмом» и «дружелюбием» (0,79), можно увидеть взаимосвязь между «авторитарностью» и «дружелюбием» (0,66), «авторитарностью» и «альтруизмом» (0,63), «эгоистичность» и «агрессивность» также значимо коррелируют как с «дружелюбием», так и с «альтруизмом». Объясняется это тем, что маскулинные и феминные качества (при примерно одинаковой выраженности) уравнивают друг друга, делая личность адаптивной, позволяя применять конкретные качества в нужной ситуации.

Из таблицы 2 видно, что корреляция между «Я-сегодня» и «Я-будущее» по всем поведенческим тенденциям выше 0,5 — это высокий уровень, а в некоторых случаях выше 0,8 — очень сильная корреляция. Другими словами, военнослужащие-контрактники прогнозируют небольшое изменение своих поведенческих тенденций, т. е. считают себя сформировавшейся личностью со сложившимися чертами.

Корреляционный анализ связей поведенческих тенденций с показателями методики Кеттелла позволил обнаружить, что такие качества, как независимость и доминантность (субшкала эгоистичности) связаны с прогностическими способностями: на выборке из 55 респондентов коэффициент составил 0,27. Тенденция II — независимость-доминантность — закономерно коррелирует с показателями по Кеттеллу (где название шкалы отражает уже разнополюсные показатели), т. е. шкалы E — уступчивость-доминантность — 0,30 и шкалы I — жесткость-чувствительность (0,36), что опять подтверждает данные, полученные отдельно по методике «Лист прилагательных».

С общим уровнем саморегуляции связаны такие поведенческие тенденции, как властный-лидирующий (тенденция I) и недоверчивый-скептический (тенденция IV) — коэффициент 0,29 в обоих случаях. Моделирование как стиль саморегуляции связан со следующими поведенческими тенденциями: властный-лидирующий (I тенденция) — 0,34, сотрудничающий-конвенциональный (VII тенденция) — 0,41, ответственный-великодушный (VIII тенденция) — 0,35. Оценка результата значимо коррелирует с субшкалой подчиненности — 0,27. Самостоятельность (по методике В. И. Моросановой) связана с тенденцией недоверчивый-скептический, что вполне объ-

яснимо склонностью людей, привыкших к самостоятельным решениям, подвергать сомнению точки зрения и выводы других.

По методике «16 ФЛО» Р. Кеттелла наиболее информативными оказались факторы E, I, Q₄.

Фактор E (уступчивость-доминантность) значимо коррелирует с тенденцией властный-лидирующий (0,52), независимый-доминирующий (0,30), сотрудничающий-конвенциональный (0,47), ответственный-великодушный (0,49), что подтверждает наши предположения о взаимосвязи маскулинных и феминных качеств личности, об уравнивании их друг другом в целях успешной адаптации к различным ситуациям. Фактор I связан со второй и седьмой тенденциями «Листа прилагательных» (0,36 и 0,32 соответственно), т. е. жесткость-чувствительность соотносится с тенденцией независимый-доминирующий и ответственный-великодушный одновременно. Фактор Q₄ — расслабленность-напряженность — значимо коррелирует с тенденцией сотрудничающий-конвенциональный (0,30) и ответственный-великодушный (0,29). Это значит, что энергичность, определенный уровень возбуждения, напряжения, нетерпеливость, избыток побуждений, не находящихся разрядки, способствуют установлению контактов с другими людьми, отзывчивости на просьбы и т. д. Такие люди легки на подъем, предпочитают действовать, а не ждать. Низкие показатели по фактору Q₄ говорят о флегматичности, вялости, лени, расслабленности, недостаточной мотивации, не вполне оправданной удовлетворенности, это будет затруднять сотрудничество и демотивировать при оказании помощи.

В ходе исследования нами были получены следующие результаты по методике К. Готтшальдта: 47% военнослужащих полезависимы, они больше полагаются на внешние обстоятельства, зависят от их изменений, социально ориентированы. Около 53% военнослужащих полenezависимы, у них есть возможность преодолеть влияние внешних референтов, они основываются на анализе деталей и удерживают цель в ходе выполнения деятельности. Интересно, что фактор «полезависимость-полenezависимость» значимо коррелирует с такой поведенческой тенденцией, как ответственный-великодушный (0,34). Общим звеном является способность к постоянному удержанию цели, к тому, чтобы видеть ситуацию целиком, быстро отсекал ненужные варианты.

Способность к прогнозированию находит положительную корреляцию с когнитивным стилем полезависимость-полenezависимость (0,29; $p < 0,05$), чем выше способность к прогнозированию, тем больше военнослужащие будут обладать когнитивным стилем «полenezависимость». Это может объясняться тем, что военнослужащие с полenezависимым когнитивным стилем используют объективный (вследствие отделенности восприятия от эмоций), беспристрастный подход к проблемам, т. е. наблюдается хорошая критичность мышления.

После проведения методики «Гибкость мышления» А. Лачинса было выявлено, что 84% военнослужащих

обладают пластичностью мышления: легкость перестройки с одной задачи на выполнение другой; 16% военнослужащих обладают ригидностью мышления, это означает затрудненность (вплоть до полной неспособности) при изменении мыслимой программы деятельности человека в условиях, объективно требующих ее перестройки. Пластичность-ригидность мышления связана со способностью прогнозировать — обнаружена значимая корреляция 0,30 (уровень значимости 5%, как и во всех предыдущих случаях). Чем пластичнее мышление у военнослужащих, тем выше способность к прогнозированию. Поскольку коэффициент корреляции не отражает направленность указанной зависимости, то в равной мере можно утверждать и иное: наличие высокой способности к прогнозированию способствует беглости и гибкости мышления. Военнослужащие с пластичным мышлением способны легко предвидеть события, при необходимости быстро перестроить программу действий под новую задачу.

После обработки данных по методике «Стиль саморегуляции» В. И. Моросановой полученные результаты изложены в таблице 3.

Почти все военнослужащие предпочитают такой стиль саморегуляции, как моделирование, что говорит о сформировавшейся потребности продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей, о детализированности и развернутости разрабатываемых программ. Программы подбираются самостоятельно, они гибко изменяются в новых обстоятельствах и устойчивы в ситуации помех. При несоответствии полученных результатов целям производится коррекция программы действий до получения приемлемого для военнослужащего результата. Именно моделирование, как мы имели возможность убедиться, имеет значимые взаимосвязи с поведенческими тенденциями «властный-лидирующий», «сотрудничающий-конвенциональный» и «ответственный-великодушный». Шкала подчиняемости коррелирует с оценкой результата, видимо показывая уровень принятия результата как такового, характеризует подчинение итогу деятельности.

Положительная взаимосвязь была обнаружена между способностью к прогнозированию и стилями саморегуляции: планированием и моделированием (коэффициент корреляции 0,28 и 0,27 соответственно; $p < 0,05$). При развитии таких сторон мышления, как аналитичность, глубина, гибкость, перспективность, доказательность, можно обратить внимание, что у военнослужащих формируется потребность в осознанном планировании деятельности, планы в этом случае реалистичны, детализированы, иерархичны и устойчивы, а цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Они способны

выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в соответствии программ действий планам деятельности, в соответствии получаемых результатов принятым целям.

По методике «Адаптивность» (МЛО-АМ) А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина были получены следующие результаты: лично-адаптационный потенциал низкий — 5 человек (9%), средний — 18 (33%), высокий — 32 (58%); нервно-психическая устойчивость низкая — 0 человек, средняя — 44 (80%), высокая — 11 (20%); склонность к суицидальному риску низкая у всех (100%); коммуникативные способности средние — 35 (64%), высокие — 20 (36%); моральная нормативность низкая у двоих (3,6%), средняя — у 37 человек (67,3%), высокая — у 16 (29,1%).

Таким образом, большинство военнослужащих обладают высоким или средним уровнем адаптивных способностей, что свидетельствует о быстрой адаптации к новым условиям деятельности, о легкой и адекватной ориентации в ситуации, быстрой выработке стратегии своего поведения. Фактор М (мечтательность) по методике Р. Кеттелла значимо коррелирует с показателями лично-адаптационного потенциала (0,27) и нервно-психической устойчивости (0,26). При этом фактор М отрицательно коррелирует с такой стратегией саморегуляции, как планирование, по методике В. И. Моросановой. Это означает, что для адаптации военнослужащего более значимы практичность, возможность четко планировать свою деятельность, чем развитое воображение. Иначе человек с высокими показателями по фактору М характеризуется как углубленный в себя, беспомощный в практических делах, не исключены истерические аномалии, в коллективе он инициирует конфликты, не обусловленные обстоятельствами.

Почти у всех военнослужащих хорошая нервно-психическая устойчивость и низкая склонность к суицидальному риску, что говорит о высокой поведенческой регуляции, высокой адекватной самооценке и реальном восприятии действительности.

Таким образом, данные, полученные после проведения эмпирического исследования, позволяют судить о связи адаптивных и прогностических способностей с поведенческими и когнитивными особенностями личности.

Психологические особенности военнослужащих, связанные с адаптивными и прогностическими способностями, при их развитии повышают эффективность и работоспособность профессионалов в особых условиях деятельности, с помощью оптимальной адаптации, планирования и прогнозирования своих действий и ситуаций. В настоящее время одной из важных задач является повышение результативности формирования высоко-

Таблица 3. Распределение военнослужащих по стилям саморегуляции, %

Степень выраженности стиля	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценка результатов	Гибкость	Общий уровень
Низкая	9,1	0	3,6	5,5	16,4	7,3
Средняя	40,0	38,0	74,6	40,0	61,8	34,5
Высокая	50,9	62	21,8	54,5	21,8	58,2

квалифицированного и надежного кадрового состава, отвечающего современным требованиям государства и общества, в том числе это касается и совершенствования профессиональной подготовки личного состава⁵.

В целях совершенствования военно-профессиональной подготовки военнослужащих, на наш взгляд, целесообразно использовать такие теоретические и практические модели обучения, которые способствуют развитию прогностических способностей военнослужащих. Для успешной реализации этой задачи необходимое условие — включение в образовательный процесс методов обучения, способствующих интеграции эмоционального, когнитивного и поведенческого компонентов прогностических способностей. Динамично и эффективно на интеграцию указанных компонентов может повлиять использование задач на развитие показателей внимания, восприятия и мышления.

¹ *Сиваш О. Н.* Личностные характеристики летного состава с разной профессиональной квалификацией (в практике клиничко-психологической экспертизы) // Психологический журнал. 2009. № 2. С. 55–68.

² *Маклаков А. Г.* Военная педагогика и психология. СПб., 2007. 480 с.

³ *Забегалина С. В.* Психолого-акмеологические основы прогнозирования адаптации студентов и курсантов вузов. Ульяновск, 2010. 358 с.; *Забегалина С. В.* Интуитивное мышление и прогностические способности, выявленные в ходе подготовки к деятельности в особых условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 2. С. 11–15.

⁴ URL: <http://psylab.info/> (дата обращения: 24.02.2015).

⁵ *Крук В. М., Караваев А. Ф.* Совершенствование психологической работы с личным составом в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности: актуальные вопросы и пути решения (обзор материалов научно-практической конференции) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 75.

УДК 159

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СТУДЕНТА В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

И. М. Шилова

В статье рассматривается понятие психологического сопровождения, его сущностные характеристики, содержание психологического сопровождения на этапах профессионального обучения и воспитания. Рассмотрены подходы к разработке программ психологического сопровождения обучающихся на основе использования проектной технологии.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, студенческий возраст, этап адаптации, этап интенсификации, этап идентификации, проект.

В последние десятилетия в системе образования России усилиями ученых и практиков сложилась особая культура поддержки и помощи развивающейся личности — психологическое сопровождение.

К современному специалисту, к процессу его профессиональной подготовки выдвигаются новые требования. Модернизацией российского образования обусловлена необходимость освоения технологий, формирующих конкурентоспособную, компетентную, гибкую, творческую личность, являющуюся активным субъектом, познающим и преобразующим действительность и себя, способную действовать целенаправленно. Профессиональное образование призвано создать условия для максимальной реализации профессионально-психологического потенциала личности. Вопросы личностного развития обучающегося и психологического сопровождения его профессионального становления являются ключевыми в практике работы высших учебных заведений.

В настоящее время сопровождение — особая форма осуществления пролонгированной социальной и психологической помощи. В отличие от коррекции, оно предполагает не исправление недостатков и переделку, а поиск скрытых ресурсов развития человека, опору на собственные возможности. Ю. В. Слюсарев обозначал сопровождение как недирективную форму оказания здоровым людям психологической помощи, направленной «не просто на укрепление или достройку, а на развитие и саморазвитие самосознания личности»¹.

Студенческий возраст, по утверждению Б. Г. Ананьева², является сензитивным периодом для развития основных социогенных потенций человека. Высшее образование оказывает огромное влияние на психику индивида, развитие его личности. За время обучения в вузе (при наличии благоприятных условий) у человека происходит развитие всех уровней психики. Они формируют склад мышления, который характеризует профессиональную направленность личности.

Психологическое сопровождение на этапе профессионального обучения и воспитания предполагает создание условий для профессионального становления личности, оказания своевременной помощи и поддержки, а при необходимости — и осуществления коррекции профессионального образования и развития³.

В качестве основных характеристик психологического сопровождения выступают его процессуальность, пролонгированность, недирективность, реалистичность, особые отношения между участниками данного процесса. Для обеспечения реалистичности и успешного функционирования данного механизма необходимо учитывать ряд условий: организационные, информационные, кадровые, мотивационные, нормативно-правовые, научно-методические и материально-технические. Принципами психологического сопровождения явля-

ются гуманное отношение к личности и вера в ее силы, квалифицированная помощь и поддержка естественно-го развития. Важнейшим принципом выступает признание права субъекта образования самому принимать решения о путях профессионального становления и нести ответственность за их последствия. Однако декларация этого права еще не является гарантией. Для осуществления права свободного выбора необходимо научить человека выбирать, помочь ему разобраться в проблемной ситуации, выработать план решения и сделать первые шаги. В основе психологического сопровождения лежит проблемно-личностный подход. Для реализации функций психологического сопровождения используют личностно-ориентированные технологии профессионального развития: развивающую диагностику; тренинги личностного и профессионального развития и саморазвития; психологическое консультирование по проблемам социально-профессионального развития; проектирование альтернативных сценариев профессиональной жизни; личностно-ориентированные тренинги повышения социально-профессиональной и психолого-педагогической компетентности; тренинги самоуправления, саморегуляции эмоционально-волевой сферы и самовосстановления⁴.

Становление специалиста обязательно предполагает развитие аксиологической направленности и профессионального сознания; социального и профессионального интеллекта; эмоционально-волевой сферы; позитивного отношения к миру и себе; самостоятельности, автономности и уверенности в себе; профессионально важных качеств и аутокомпетентности. Решение этих задач психологического сопровождения соотносится с этапами профессионального обучения и воспитания: адаптацией, интенсификацией и идентификацией, каждому из которых соответствует собственное содержание. Э. Ф. Зеер выделил три этапа профессионального обучения и воспитания: адаптация, интенсификация и идентификация⁵. Психологическое сопровождение на каждом этапе отличается по содержанию.

На уровне адаптации психологическое сопровождение заключается в оказании первокурсникам помощи в адаптации к новым условиям. Для этого необходимо провести диагностику готовности к учебно-познавательной деятельности, мотивов обучения, ценностных ориентаций, социально-психологических установок. Кроме того, необходимо оказывать помощь и поддержку первокурсникам в развитии учебных умений и регуляции своей жизнедеятельности, в преодолении трудностей самостоятельной жизни и установлении комфортных взаимоотношений с однокурсниками и педагогами; проводить консультирование первокурсников, разочаровавшихся в выбранной специальности; корректировать профессиональное самоопределение⁶.

Успешным прохождением данного этапа считается адаптация к учебно-познавательной среде, личностное самоопределение и выработка нового стиля деятельности.

На этапе интенсификации происходит развитие общих и специальных способностей обучаемых, интел-

лекта, эмоционально-волевой регуляции, ответственности за свое становление, самостоятельности. Ведущая деятельность — научно-познавательная. Этот этап относительно благополучный, здесь осуществляется диагностика личностного и интеллектуального развития; оказание помощи и поддержка в решении проблем взаимоотношений с одногруппниками и педагогами. В качестве технологий используют развивающую диагностику, психологическое консультирование, коррекцию личностного и индивидуального профиля.

Успешным данный этап считается, если происходит интенсивное личностное и интеллектуальное развитие, имеет место самообразование, наступает социальная идентичность, обучающемуся присуща оптимистическая социальная позиция.

Далее раскроем содержание этапа идентификации, как правило, он соотносится с выпускным курсом. Важное значение приобретает формирование профессиональной идентичности, готовности к будущей практической деятельности. У обучающихся появляются новые, становящиеся все более актуальными ценности, связанные с материальным и семейным положением, трудоустройством. Психологическое сопровождение заключается в финишной диагностике профессиональных способностей, помощи в нахождении профессионального поля для реализации себя, поддержке в нахождении смысла будущей жизнедеятельности. Главное — помочь выпускникам профессионально самоопределиться и найти место работы. Психологические критерии успешного прохождения этого этапа — отождествление себя с будущей профессией, формирование готовности к ней, развитая способность к профессиональной самопрезентации (способность производить хорошее впечатление при устройстве на работу и вхождении в профессиональную группу).

Следует помнить, что данной возрастной группе присущи противоречия: социально-психологические, дидактические и информационные, которые могут приводить к неудовлетворенности обучающихся и преподавателей результатами учебного процесса.

Реализация психологического сопровождения возможна при наличии целостной комплексной программы.

В рамках изучения дисциплины «Психологическое сопровождение студента в образовательном процессе» на факультете психологии и педагогики ОмГПУ магистранты разрабатывают проекты программ психологического сопровождения обучающихся. Работа над проектом включает несколько этапов: подготовку, планирование, исследование, разработку продукта (программа, презентация), защиту перед аудиторией, рекомендации по совершенствованию. На данный момент имеются три варианта проектов программ, в основу которых положены:

— направления психологической службы (психологическое просвещение, психодиагностика, психологическое консультирование, психокоррекция, психопрофилактика);

— этапы обучения (адаптация, интенсификация, идентификация);

— сочетание этапов обучения с направлениями работы психологической службы.

Считаем, что третий вариант программы более целесообразен, так как в полной мере отражает сущность психологического сопровождения. Безусловно, в каждом варианте программы представлены содержательный (проблема, конкретные задачи, средства, методы, оптимальные пути решения, предполагаемые риски), организационный (сознательное и рациональное использование своего времени для достижения цели), методический (использование современных методик и инновационных технологий) и управленческий (совокупность действий, мероприятий, направленных на достижение значимых целей) компоненты психологического сопровождения. Помимо обозначенных выше оснований, в программе заявлялась конкретная проблема или проблемы, которые необходимо было снять или выработать план решения. Перечень проблем был получен при проведении выборочного анкетирования обучающихся на факультете психологии и педагогики с 1 по 5 курсы магистрантами 1-го года обучения. Пилотажный анализ существующих проблем показал, что они достаточно разнообразны и их можно сгруппировать следующим образом:

- 1) проблемы информационного характера;
- 2) внутриличностные проблемы;
- 3) проблемы межличностных отношений;
- 4) проблемы самоорганизации (самоменеджмент);
- 5) проблемы профессионального самоопределения;
- 6) проблемы материального характера.

Каждая группа включает частные проблемы. Для студентов 1-го и 2-го курсов — проблема адаптации (вхождение в новый коллектив, установление контакта с преподавателями, новый режим дня, балльно-рейтинговая система оценивания знаний, большой объем информации, первая сессия и др.). Студенты 3-го курса испытывают проблемы, связанные с повышенной умственной нагрузкой, с совмещением учебы и работы, учебы и семьи, с нехваткой свободного времени; внутри-

личностные проблемы; повышенная тревожность в сессионный период; оценка правильности выбранной профессии и др. Студенты выпускного курса главные проблемы связывают с профессиональным самоопределением, профессиональной идентичностью, трудоустройством, поиском новых смыслов и т. д.

В процессе работы над проектом происходит вовлечение в реальную среду предметной области, развитие навыков самостоятельной работы, инициативы и творчества, формируется умение отстаивать свою точку зрения, расширяется круг знаний из других предметных областей.

Результатом реализации проектной технологии по дисциплине «Психологическое сопровождение студента в образовательном процессе» является не только развитие познавательной сферы, детальная проработка изучаемой проблемы, эффективное применение профессиональных знаний, умений и навыков в реальной практике, но и развитие индивидуальных творческих способностей, осознание профессионального и социального самоопределения.

Таким образом, продуктивное психологическое сопровождение профессионального образования возможно при условии создания психологической службы в вузе, осуществления мониторинга профессионального развития. Оно выступает как неотъемлемый элемент системы образования, равноправный партнер в решении задач обучения и воспитания.

¹ Слюсарев Ю. В. Психологическое сопровождение как фактор активизации саморазвития личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1992. 23 с.

² Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. СПб., 2007. Т.1. 230 с.

³ Зеер Э. Ф. Психология профессий: учебное пособие для студентов вузов. М., 2003. 336 с.

⁴ Там же. С. 245.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ Пряжников Н. С. Профессиональное самоопределение: теория и практика. М., 2008. 345 с.

УДК 159

О РАЗВИТИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ

О. В. Баранова

Рассматривается проблема развития профессионального мышления психологов, определяются признаки гуманитарных технологий, обосновывается возможность развития качеств социально-ориентированного мышления в условиях профессиональной подготовки психологов с использованием технологии педагогических мастерских.

Ключевые слова: профессиональное мышление, качества социально-ориентированного мышления психолога, гуманитарная технология, педагогическая мастерская.

Глобальные перемены в социальной, культурной, материально-производственной и других сферах жизни, новые типы задач и проблем, стоящие перед обществом, привели к изменению способов мышления, к другому миропониманию, иному отношению к деятельности по преобразованию мира и общественной жизни.

Мышление психолога может выступать в роли своеобразного ресурса, позволяющего эффективно осуществлять профессиональную психологическую деятельность, если оно имеет качества социально-ориентированного мышления. В образовательных стандартах высшего профессионального образования указаны следующие общекультурные компетенции психолога: спо-

способность использовать в профессиональной деятельности основные законы развития современной социальной и культурной среды, владение историческим методом и его применение к оценке социокультурных явлений, использование основных положений и методов социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач.

Социально-ориентированное мышление мы рассматриваем как профессионально-личностный механизм, на который психолог опирается в своей деятельности. По мнению Ю. И. Кулюткина, В. И. Слободчикова, И. С. Якиманской и др.¹, социально-ориентированное мышление – это мышление, определяющее собственную жизнедеятельность, установка на самостоятельность решений во всех областях жизни, сочетающаяся с ответственностью за их результат не только перед собой, но и социумом. Противоположное мышление — технократическое. Его идеал — алгоритмичность, однозначность, точность, надежность, универсальность. Оно ставит задачи, имеющие определенные технические решения. Технократическое мышление не рассматривает мир во всей его целостности, многогранности и противоречивости, поэтому оно не в состоянии прогнозировать последствия принятых решений.

В работах Ю.И. Кулюткина² определяются качества социально-ориентированного мышления: способность широкомасштабного видения всех современных проблем в их социальном контексте; осознание мира как глобальной цельности; критичность как способность к эффективному решению проблем с позиций возможных позитивных и негативных последствий; практичность, т.е. способность к реалистической оценке всех событий, происходящих в мире, а также принятие практически целесообразных решений и действий; прогнозичность как ориентация на будущее.

Возникает вопрос: как в условиях профессиональной подготовки психологов определить возможные пути для развития вышеперечисленных качеств социально-ориентированного мышления?

По мнению В.В. Рубцова³, сложившаяся в России система психологического образования остается не готовой к новым требованиям, предъявляемым к будущим специалистам со стороны социальной практики. Одной из проблем высшего психологического образования является традиционный (преимущественно академический) характер обучения, отсутствие практико-ориентированного принципа обучения, основанного на междисциплинарном подходе к решению задач социальной практики.

В связи с изложенным возникает проблема поиска эффективных технологий, используемых в профессиональной подготовке психологов для развития качеств социально-ориентированного мышления.

В качестве одной из технологий развития социально-ориентированного мышления мы определяем педагогические мастерские. А. А. Окунев пишет, что мастерская — это такая форма организации многоуровневого диалога, создающего единое эмоциональное и смысловое поле, которое впоследствии может определить направление движения, структуру будущего знания⁴.

Педагогическая мастерская предлагает для участников серию выборов: от предпочтения места, партнера, материала, проектных идей, средств для реализации своих творческих замыслов до способа предъявления результата или непредъявления такового — это тоже право каждого участника. Необходимость выбора содержания, способов и средств деятельности на разных этапах мастерской побуждает ее участников к постоянному диалогу с собой, чтобы обсудить смыслы, цели и ценности, способы и характер действий.

Момент личностно-смысловой обусловленности в мастерской является центральной категорией. Именно благодаря этому возможно переосмысление и перестройка участником своего сознания и деятельности, общения, т. е. поведения как целостного отношения к окружающему миру. В этом смысле мастерская создает условия для овладения всеми типами рефлексии: интеллектуальной, личностной, коммуникативной, кооперативной.

В мастерской внимание участников направлено на задания, посредством которых (и логической структуры мастерской) руководитель осуществляет координацию самостоятельной познавательной деятельности участников. Они сами выбирают нужный темп, средства, методы выполнения задания, чередуя индивидуальную, парную и групповую работу по схеме: участник — пара участников — подгруппа — группа — участник — пара участников — подгруппа — группа и т. д. Групповая работа начинается, когда индивидуальное вхождение в проблему состоялось и сформировалось ее первичное понимание. Участники вынуждены доказывать свою мысль, проверять правильность гипотез, соотносить свои рассуждения с рассуждениями других.

Мастерская дает возможность участникам обрести опыт в условиях неопределенности, научиться поиску собственных ориентиров, а не принятию готовых образцов. На фоне основного действия идет невидимый процесс взаимодействия миров, в котором живут участники, их соприкосновение. Здесь происходит рефлексия своих действий, мыслей, поступков, развитие образа «Я»: идеального, реального, зеркального. Участник получает материал для конструирования своих стремлений, задумывается о реальности их осуществления. В результате у участников развивается способность к выстраиванию отношений с людьми, к обретению собственной системы ценностей.

Результатом мастерской является сам познавательный процесс, позволяющий каждому построить свое знание. Он описывается не как «получил, овладел, узнал, запомнил, записал», а «открыл, сделал, выбрал, приблизился, узнал точку зрения другого, сравнил со своей».

В процессе изучения возрастной психологии обучающиеся участвуют в следующих педагогических мастерских: «Урок», «Экзамен», «Куда я иду?», «Мои рубежи», «На пороге взрослости», «Я и одиночество» и др. Домашнее задание после мастерской диктует направление внутреннему диалогу, ориентировано на открытие себя и своей значимости. Вариантами домашних заданий могут выступать предложения найти литературу по теме мастерской и продолжить размышления, сопоставляя мысли автора с теми, что звучали в классе, написать небольшое резюме; подкре-

пить свои рассуждения высказываниями из работ психологов, философов, писателей, поэтов; нарисовать схематически путь, проделанный от старого знания к новому, выделить на этой схеме особо драматические моменты непонимания, озарения и т. д.

Понятие «технология» является новым для отечественной педагогической культуры. Среди авторов нет единства в понимании значения данного термина. Выделяя признаки гуманитарных технологий, мы опирались на работы М. М. Бахтина, И. А. Колесникова⁵.

Во-первых, ключевой особенностью гуманитарности технологий можно считать режим диалога. Именно такое общение способно структурировать эмоциональный мир, содействовать его развитию, навыкам самопонимания, самовыражения, так как возникающее в эмоциональном контакте чувство близости и доверия позволяет человеку полнее открываться и глубже осмысливать себя. Только в диалогическом контакте формируется важнейший механизм человеческого развития — рефлексия.

Во-вторых, гуманитарную педагогическую технологию характеризует открытость целей. Это может достигаться через прояснение смысла совместной деятельности, коллегиальность в формировании и в выборе цели, возможность их коррекции.

В-третьих, гуманитарность технологии проявляется в возможности выбора форм, содержания, способов предполагаемой деятельности.

Важным признаком гуманитарности технологии выступает ее импровизационный характер. Поскольку она всегда имеет дело с контекстным прочтением и толкованием любого феномена, то непременно предполагает и широкую вариативность действий.

Вариативность и импровизация, на наш взгляд, достигаются через реализацию следующих условий:

— определенный уровень неопределенности при формулировании учебных заданий для побуждения к поиску собственных ориентиров;

— низкая степень регламентации поведения, актуализирующая субъективное восприятие такой характеристики микросреды, как неопределенность;

— потенциальная многовариативность для самореализации каждого.

Таким образом, при выборе путей развития качеств социально-ориентированного мышления мы опирались на ряд показателей: субъектную позицию участников, диалогическое взаимодействие, открытость цели для участников, неопределенность заданий, низкую степень регламентации поведения, свободу выбора содержания, способностей и средств деятельности, психологическую безопасность для участников.

Опыт использования технологии мастерских позволяет говорить о том, что у обучающихся развиваются качества социально-ориентированного мышления, которому свойственны черты гуманитарного стиля: диалоговость, терпимость, проблемность, способность к вариативному применению этих знаний, готовность к их критическому пересмотру.

Представленный выше подход не претендует на завершенность и нуждается в уточнении и дальнейшем поиске.

¹ Кулюткин Ю. И. Изменяющийся мир и проблема развития творческого потенциала личности. Ценностно-смысловой анализ. СПб., 2002. 85 с. ; Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология развития человека. М., 2000. С. 166. ; Якиманская И. С. Технология личностно-ориентированного обучения в современной школе. М., 2000. 176 с.

² Кулюткин Ю. И. Указ. соч.

³ Рубцов В. В. Проблемы психологической подготовки педагогических кадров для системы образования // Тезисы IV национальной научно-практической конференции Федерации психологов образования России «Психология образования: подготовка кадров и психологическое просвещение». М., 2007. С. 358–359.

⁴ Окунев А. А. Урок? Мастерская? Или... СПб., 2001. 304 с.

⁵ Бахтин М. М. К философии поступка. М., 1996. 176 с. ; Колесникова И. А. Коммуникативная деятельность педагога : учебное пособие. М., 2007. 328 с.

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОНАРУШАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ

УДК 343.98.067

ПСИХОЛОГО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Р. В. Кулешов

В результате анализа особенностей психолого-криминалистических характеристик субъектов экстремистской и террористической деятельности (как имеющих в научной литературе, так и выявленных непосредственно автором) представлен систематизированный психолого-криминалистический портрет субъектов указанных деяний, показано влияние отдельных (присущих им) характеристик на формирование и реализацию преступного умысла.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, преступления, преступность, экстремистская деятельность, террористическая деятельность, криминалистика, криминалистическая характеристика преступлений, субъект преступлений, агрессия, криминалистически значимые особенности, экстремист.

Совокупность психологических, социальных, морально-нравственных и иных характеристик субъектов преступлений экстремистской и террористической направленности¹ обладает особой спецификой, с одной стороны, выделяя их на фоне представителей иных разновидностей криминалитета, с другой — объединяя этих субъектов в некую общность², очерченную рамками соответствующей формирующейся криминалистической методики.

Исследователи приходят к выводу, что, поскольку терроризм, как наиболее опасная форма преступной деятельности, признается видом экстремизма, о чем мы писали ранее³, то социально-психологические предпосылки становления террористического и экстремистского типа личности в целом идентичны⁴.

Анализ научных трудов, в которых рассматривались специфические черты экстремистов и террористов, позволяет говорить, что (по ряду аспектов данной проблемы) авторы проявляют научную солидарность, это свидетельствует об отчетливо проявляющихся стабильных тенденциях, присущих указанной категории преступности:

- общность психологических качеств субъектов преступлений;
- устойчивое соотношение преступности по гендерному показателю;

- активные возрастные категории виновных;
- соотношение групповых и одиночных преступлений.

Характеризуя психологические качества лиц, склонных к экстремистской и террористической деятельности, в специальной литературе различными авторами предпринимались попытки систематизации психологических свойств таких личностей, разработки их классификаций, психологических портретов, что следует признать позитивным шагом на пути к познанию личностных особенностей таких субъектов.

Р. С. Тамаев различает два типа личности экстремиста (подразумевая под ними и террористов):

1) действующий в регионах, в которых получили распространение и одобрение сепаратистские идеи о «суверенитете» республик и иных этнических и территориальных общностей, об отстаивании «национальной независимости» от России (Чеченская Республика Ичкерия, Дагестан и др.). Для этих лиц характерны агитационные действия, поднимающие народ на борьбу за независимость, сочетающиеся с искаженной радикальной трактовкой положений ислама и политики действующего правительства;

2) осуществляющий преступную активность преимущественно в иных регионах нашей страны (в которых сепаратистские идеи непопулярны): в мегаполисах, промышленных и финансовых центрах. Этот типаж склонен к девальвации традиционных общечеловеческих ценностей и эпатажному поведению, к демонстрации своей уникальности, приверженности антисоциальным идеям, выражающимся в ненависти к представителям иной национальности, расы, вероисповедания и т. д.⁵

Анализируя представленную классификацию, М. Ф. Мусаэлян делает вывод, что первая из названных категорий нередко связана с проявлением религиозного экстремизма, имеет склонность к осуществлению террористической деятельности как радикальной формы экстремизма. Второй типаж личности характерен для молодежного экстремизма⁶.

Данное соотношение, действительно, встречается на практике. Отметим, что первому виду нередко присуще сочетание религиозного и политического экстремизма⁷.

Исследователи не всегда учитывают, что террористические акты, захваты заложников и иные преступления террористической направленности происходят не

только в «горячих» точках, но и в крупных мегаполисах, идеологически и политически нейтральных (либо разнородных), что, разумеется, вызывает крупный общественный резонанс и порождает у населения чувство паники и незащищенности. Говоря о втором типе личности экстремиста, отметим, что эти черты свойственны не только представителям молодежного экстремизма. Так, под эту категорию подходят преступления экстремисткой направленности вербального (агитационного) характера, ритуальные виды убийств, связанные с демонстрацией уникальности субъектов преступлений, и т. д.

В литературе нередко можно встретить такую характеристику личности экстремистов и террористов, как низкий образовательный, интеллектуальный и культурный уровень, дерзость, агрессия, примитивность жизненных интересов и т. п. Полагаем, что подобная оценка является односторонней, поскольку не учитывает более глубинные качества виновных. Мы убеждены, что их знание необходимо следователю не только для диагностики типичных качеств, присущих подозреваемым, но и для установления и поддержания с ними психологического контакта в ходе реализации тактико-криминалистических приемов⁸ осуществления следственных действий⁹.

М. Ф. Мусаелян представляет расширенную характеристику психофизических и иных социально значимых свойств личности потенциального экстремиста (включая террориста):

- агрессивность;
- жестокость;
- хладнокровие;
- мстительность;
- дерзость;
- садизм;
- расчетливость;
- бескомпромиссность;
- замкнутость;
- склонность видеть вещи в черно-белых тонах;
- повышенная импульсивность поведения;
- исключительный цинизм, эгоизм и максимализм;
- страх, озлобленность;
- неуравновешенность;
- низкая мотивация к достижениям;
- снижение оптимизма в отношении к жизни как высшей ценности человека;
- гнев и ненависть по отношению к людям, не разделяющим экстремистских идей (которые выступают как «враги», — человеконенавистничество), к «несправедливой» действительности и существующему миру (затаенная обида на окружающий мир), так как он противоречит экстремистским идеалам;
- равнодушие, презрение и неспособность к состраданию людям;
- отсутствие ценности жизни, здоровья и достоинства человека;
- отчужденность от общества и его ценностей;
- отказ от общепринятых социально-правовых норм;

- утрата межличностных контактов с социумом;
- подмена ценностей;
- самооправдание совершаемых экстремистских действий;
- слепая вера в правоту своей экстремистской идеологии, которой он предан безраздельно;
- постоянная готовность к самопожертвованию;
- склонность к суицидальному поведению и нанесению физического вреда себе;
- фанатизм, т. е. исключительная сосредоточенность на своих идеях, убеждениях и принципах, невероятная преданность им, соединенная с неприятием чужих взглядов;
- стремление к самоутверждению и завоеванию авторитета (прежде всего, в экстремистской среде);
- крайняя нетерпимость к инакомыслию, чужой культуре, верованиям и пренебрежение к чужим взглядам;
- склонность к скрытости, конфликтности, созданию экстремальных ситуаций, острым переживаниям, непредсказуемым действиям, повышенному риску поведения, издевательским действиям, насилию, демонстрации своей силы, наведению страха на окружающих, физическому уничтожению «врагов»;
- потребность в систематическом переживании сильных аффективных состояний (они помогают экстремисту временно снизить напряженность эмоционального переживания);
- любовь к себе как к правомерному носителю и исповеднику высшей истины экстремистской идеи (т. е. любовь к себе как к исполнителю экстремистского действия)¹⁰.

Системный анализ различных эмпирических источников позволил сделать вывод, что субъектами экстремистской и террористической преступности могут быть лица, страдающие серьезными психическими заболеваниями¹¹. Ими нередко являются и лица психически здоровые, но имеющие расстройства, не исключющие вменяемости, различные акцентуации характера, способствующие прогрессированию внутриличностного конфликта¹². Наряду с «трудными» подростками, членами экстремистских объединений также порой становятся лица до 30 лет, положительно характеризующиеся по месту работы (учебы) и в быту, имеющие основательное гуманитарное образование, обладающие достаточной правовой грамотностью, но являющиеся сторонниками расистской идеологии и отличающиеся жестокостью¹³.

Как показало дальнейшее исследование, наличие или отсутствие психических расстройств нередко связано с индивидуальными личностными переживаниями субъектов¹⁴, проявления которых сходны (в зависимости от иерархического или ролевого статуса лица в структуре экстремистского (террористического) объединения).

Отрицание ценности человеческой жизни вообще (собственной, близкого человека, других людей) в сочетании с фрустрированными состояниями, а также приоритетной ориентацией на служение сверхценной идее особенно заметны на примере. Рассмотрим взаимоотношения организатора теракта в октябре 2013 г. в авто-

бусе в г. Волгограде Д. Соколова и непосредственно исполнившей этот теракт путем самоподрыва смертницы Н. Асияловой. Эти лица, познакомившись на почве единомыслия в отношении служения радикальному исламу, создали фактические брачные отношения. Оба характеризовались замкнутостью, необщительностью, избирательным контактом с людьми, негативной установкой к окружающим при внешней неконфликтности и спокойности. Но личные отношения с тесной эмоциональной связью не препятствовали тому, что Д. Соколов не просто одобрял совершение Н. Асияловой самоподрыва, но и лично изготовил для нее взрывное устройство и в целом осуществил подготовку смертницы к осуществлению теракта¹⁵.

В переговорах с матерью, организованных силовыми структурами в процессе осуществления контртеррористической операции по оперативно-боевому пресечению экстремистской и террористической деятельности, Д. Соколов продолжал демонстрировать убежденность в своих установках. При этом он утверждал, что ему не жалко Наиду, а также погибших и пострадавших в результате подрыва автобуса других людей, напротив, он счастлив, что Наида теперь находится в лучшем мире. Пострадавшие, как и его мать, являются неверными, а потому — людьми, недостойными жизни.

Резюмируя изложенное, считаем целесообразным систематизировать общие психологические качества, характеризующие личность экстремистов и террористов:

- замкнутость, избирательность общения;
- асоциальность, нигилизм по отношению к существующему общественному укладу;
- стойкое фрустрированное состояние;
- неприязнь к людям вообще (не разделяющим соответствующие сверхценные идеи);
- отрицание ценности человеческой жизни (как своей, так и других людей, в том числе близких);
- нереализованная потребность в духовных поисках;
- фанатичное служение сверхценной идее вплоть до готовности к полному самопожертвованию;
- легкая внушаемость и ведомость;
- заниженная самооценка (либо компенсаторно-завышенная), не позволяющая в силу социальных ограничений проявиться потенциальному абстрактному интеллекту, который особенно присущ субъектам преступлений агитационного характера.

¹ Варданян А. В., Кулешов Р. В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного знания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3(31). С. 22–24.

² Варданян А. В., Мельникова О. В. Методика построения психолого-криминалистического портрета преступника как

средство повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности // Научные труды SWorld. 2013. Т. 26. № 2. С. 88–96.

³ Варданян А. В., Кулешов Р. В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 30–33.

⁴ Мусаелян М. Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) // Адвокат. 2014. № 6. С. 22–33.

⁵ Тамаев Р. С. Организация правоохранительной деятельности в сфере противодействия экстремизму: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 27–28.

⁶ Мусаелян М. Ф. Указ. соч. С. 22–33.

⁷ Варданян А. В., Кулешов Р. В. Типология агрессии и формы ее проявления в структуре мотивации экстремистской и террористической деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. Вып. 2(25). С. 23–26.

⁸ Айвазова О. В. Криминалистический прием как криминалистическая научная категория // Юристы-Правоведь. 2015. № 3(70). С. 15–18.

⁹ Варданян А. В. Криминалистическая тактика в контексте современной парадигмы уголовного судопроизводства: некоторые теоретико-методологические проблемы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 4(22); Варданян А. В., Варданян Г. А. Теоретико-методологические проблемы криминалистической тактики в контексте современной модели уголовного процесса // Юристы-Правоведь. 2015. № 6 (73).

¹⁰ Мусаелян М. Ф. Указ. соч. С. 22–33.

¹¹ Варданян А. В. Криминалистическая типология субъектов насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 2-2. С. 3–9.

¹² Варданян А. В., Гнетнев И. Г. Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 24–26; Варданян А. В., Кийко Л. Н. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как элемент криминалистической характеристики // Научные труды SWorld. 2013. Т. 29. № 1. С. 45–49; Айвазова О. В., Гнетнев И. Г. Особенности формирования показаний подозреваемых, обвиняемых, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2-2. С. 63–69.

¹³ Мусаелян М. Ф. Указ. соч. С. 22–33.

¹⁴ Варданян А. В., Кулешов Р. В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. Вып. 2(25). С. 23–26; Варданян А. В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности: монография. Ростов-н/Д, 2015. 290 с.

¹⁵ Сидорчик А. Бомба для любимой. Смертницу в Волгограде готовил ее русский сожитель // Аргументы и факты. 2013. 22 окт.

УДК 34:343

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ «СПАЙСОВ»

О. А. Бойко, С. Л. Панов

В статье рассматриваются вопросы, связанные с потреблением курительных смесей типа «спайс», содержащих наркотические средства и психотропные вещества либо их синтетические аналоги; исследуются детерминанты их потребления в среде несовершеннолетних и молодежи, предлагаются меры профилактики потребления опасных для здоровья курительных смесей.

Ключевые слова: наркомания, наркотикосодержащие курительные смеси, социально-психологические причины потребления спайсов, профилактика потребления несовершеннолетними и молодежью наркотикосодержащих курительных смесей.

Спайс — это общее название многочисленных курительных смесей, которые завозятся в Россию из других стран (преимущественно из Китая): Spice, Smoke, Jan Rush, Pulse, Chillin и др. В настоящее время научной классификации курительных смесей не существует, так как своевременно систематизировать столь быстро пополняющийся ассортимент продукта, появившегося на отечественном рынке, специалисты не успевают.

С 2010 г. масштаб потребления спайсов в России постоянно увеличивается, равно как и объем веществ, классифицированных под этим сленговым названием (в количественном и качественном эквиваленте). По информации Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации (далее — ФСКН РФ), ежегодно на рынке появляется более 100 новых видов спайсов. Внимание к проблеме употребления курительных смесей в нашей стране возросло после массовых отравлений, начавшихся в сентябре 2014 г., когда пострадало свыше 2 тыс. человек, из них более 40 скончались¹.

За последние три года объем новых психоактивных веществ, перехваченных ФСКН РФ, увеличился в 10 раз. Только за первый квартал 2015 г. сотрудники ФСКН РФ изъяли свыше тонны концентрированных курительных смесей, из которых можно изготовить около 20 тонн спайсов². Такой стремительный рост распространения и потребления различных видов курительных смесей является серьезной угрозой для сохранения здоровья (и жизни) граждан страны.

Мы ведем речь о курительных смесях (миксах), специально обработанных химическими веществами (например, обнаруженный в составе курительных смесей синтетический каннабиноид JWH 018 по воздействию в пять раз сильнее марихуаны³) и представляющих угрозу для здоровья и жизни потребителей.

Наркотикосодержащие курительные смеси (типа спайс) оказывают губительное воздействие на организм человека. В первую очередь от потребления курительной смеси страдает психика. Спайсы способны вызвать развитие хронических психозов, сохраняющихся в постабстинентном периоде. При их длительном употреблении появляются нервозность, тревога, страх, депрессия, слуховые и зрительные галлюцинации, нередко че-

ловек становится опасным для себя и окружающих⁴. Зависимость при употреблении спайсов напоминает состояние, вызываемое каннабиноидами и ЛСД, это связано, в первую очередь, с тяжелым психоэмоциональным самочувствием, от которого потребитель стремится избавиться любой ценой. Через 6–9 месяцев постоянного употребления спайса у курильщиков развивается физическая зависимость. В состоянии неконтролируемых эмоций и неадекватного поведения лица, потребляющие спайс систематически, убегая «от настигающих монстров», кидаются под колеса проезжающего транспорта, выбрасываются из окон и прыгают с крыш домов. Последствия негативного влияния потребления таких веществ на психическое здоровье специалистами до конца не изучены, так как регулярно синтезируются все новые по составу курительные смеси.

В настоящее время активными потребителями курительных смесей являются несовершеннолетние и молодые люди в возрасте до 25 лет. Согласно проведенному социологическому исследованию оказалось, что 10% школьников пробовали эти смеси⁵. Распространение спайсов в подростково-молодежной среде вызывает озабоченность властных структур, правоохранительных органов и общественности.

Поскольку курительные смеси содержат определенное количество лекарственных трав, продавцы представляют свой товар как абсолютно безвредные для организма благовония, способствующие релаксации и очищению, повышающие жизненный тонус и оказывающие антидепрессивный и успокоительный эффект. Выглядит все вполне безопасно, если не учитывать, что травы обрабатываются определенным химическим составом и в результате смесь обладает серьезным психотропным и токсическим действием.

Распространению спайсов и других курительных смесей способствовала информация (в первую очередь в сети Интернет), согласно которой курительные миксы якобы не содержат веществ, которые способны вызывать у потребителей наркотическую зависимость. В интернете распространяется реклама «чудного» сбора из трав, курение которого обеспечит высокую работоспособность, ощущение легкости в теле, отличное настроение и т. д. Покупатель связывается с продавцом по телефону, с помощью Skype, Viber или электронной почты, продавец сообщает данные электронной платежной системы для оплаты. После перевода денег покупателю сообщается место так называемой закладки.

Привлекательность спайсов — стоимость и доступность приобретения. Низкая цена обусловлена тем, что для приготовления спайса не нужно специальных знаний или оборудования. Большинство «лабораторий» находятся в небольших нежилых помещениях (например, обычных гаражах), а малую партию можно изготовить и в домашних условиях. В среднем по России стоимость пакетика курительной смеси (в зависимости от веса) колеблется от 500 до 1000 рублей. Начинающему потребителю спайсов небольшого пакетика хватает на пару дней, а в компании из нескольких человек, выкуривая такую дозу за вечер, тратят по 100–150 рублей.

Многие к курению приобщаются еще в несовершеннолетнем возрасте, стремясь выглядеть старше, желая освободиться от опеки и контроля со стороны взрослых. Курение у молодых людей отождествляется с мужественностью, независимостью, естественностью. Постепенно вредная привычка превращается в зависимость. По данным Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека около 3 млн молодых людей в России курят⁶, поэтому курительные смеси легко нашли своих потребителей. Данному факту способствовало и бытующее в молодежной среде мнение, что спайс не вреднее обычной сигареты.

Во многих случаях первый шаг к употреблению курительных смесей служит простое любопытство или желание испытать новые ощущения. Такого рода экспериментаторы совершенно уверены, что полностью контролируют свою жизнь и здоровье, потребляют спайсы только по собственному желанию и не склонны использовать его для снятия стрессов и ухода от личных проблем⁷.

Реакция протеста — одна из наиболее частых причин употребления психоактивных веществ. Протестные формы поведения возникают в ответ на обиду, ущемленное самолюбие, недовольство требованиями или отношением близких людей. Поссорившись с родителями или учителями, несовершеннолетние делятся переживаниями с приятелями, а совместное употребление психоактивных веществ повышает настроение, дает ощущение уверенности в себе и переоценку своих способностей.

Нередко потребление курительных смесей происходит в непринужденной обстановке, среди друзей и знакомых, желающих разделить новые ощущения. Молодые люди жаждут признания в компании. В таком возрасте отсутствует чувство опасности и осторожности. Несовершеннолетние легко попадают под влияние других лиц, больше подвержены отрицательному влиянию, чем положительному. Желание быть вместе с друзьями, не выделяться и не противостоять мнению сверстников перекрывает инстинкт самосохранения. Естественные мысли о возможных последствиях курения непонятного травяного сбора усиленно скрываются⁸.

Взросший уровень нереализуемых желаний и возможностей увеличил количество лиц, находящихся в депрессии. Такое состояние присуще людям с так называемым звуковым вектором. Неразвитые врожденные свойства к сосредоточению и обучению вызывают у травмированных в детстве «звуковиков» апатию, депрессию, а вместе с ними — желание забыться, «уйти в вечность», поэтому многие становятся потребителями психоактивных веществ, в том числе и курительных смесей.

В большинстве случаев родители не осознают всей остроты проблемы. Многие не знают, что такое спайсы, не понимают, какие последствия могут быть от их употребления. Некоторые родители просто закрывают глаза на пристрастие ребенка, считая, что в этом нет ничего страшного, что временное увлечение скоро пройдет. Спихивая возникающие проблемы на трудности переходного возраста, родители не подозревают, что изменения личности могут быть вызваны потреблением курительных смесей, так как не отождествляют спайсы с наркотиками.

По тяжести и степени опьянения, по клинической картине спайс больше похож на героин, чем на производные каннабинола. Часть героиновых (когда в зоне доступа нет опиатов) наркоманов переходят на наркотикосодержащие курительные смеси, поскольку конопля как альтернатива их не устраивает.

Отсутствие надлежащей просветительской работы среди населения (в первую очередь, несовершеннолетних и молодежи) в целях повышения осведомленности об опасностях, связанных с потреблением вредных и опасных для здоровья курительных смесей, приводит к плачевным результатам.

Профилактика употребления несовершеннолетними и молодежью спайсов и других курительных смесей, опасных для здоровья, чрезвычайно важна. Основное внимание в профилактике потребления курительных смесей следует уделять формированию ценностей здорового образа жизни, развитию личностных ресурсов, препятствующих потреблению психоактивных веществ, а также развитию у несовершеннолетних и молодежи жизненных навыков противостояния агрессивной среде, провоцирующей потребление спайсов⁹.

Пропаганда здорового образа жизни должна идти не посредством нравочений или нотаций, а через положительные эмоции, спортивные занятия, через тренинг коммуникативных навыков, чтобы создавать поддержку молодым людям в среде сверстников.

Необходимо утверждение в обществе всех форм контроля (юридического, социального, медицинского), препятствующих потреблению психоактивных веществ, прежде всего несовершеннолетними и молодежью.

В профилактической работе с курителями спайсов должна использоваться не модель запугивания, а другие известные в практике методы: валеологическая (формирование ценностного отношения к здоровью); поведенческая (навыки безопасного поведения в ситуациях риска); личностно-ориентированная, позволяющая снизить процент зависимости за счет развития личностных свойств и качеств.

По мнению психологов и специалистов в области профилактики аддиктивного поведения, в методах профилактики следует отдавать предпочтение позитивным установкам, праву лица на информационную безопасность, избегая прямой демонстрации объекта зависимости. Цель позитивной профилактики — воспитание нравственной, успешно социализированной личности, способной удовлетворять основные потребности, не прибегая к психоактивным веществам и другим формам асоциального и опасного для здоровья поведения.

Министерству образования и науки РФ необходимо рассмотреть возможность включения в программы курсов повышения квалификации руководителей, педагогических работников общеобразовательных и высших учебных заведений вопросы организации профилактики потребления курительных смесей в среде несовершеннолетних и молодежи¹⁰.

Важно разработать комплекс мер по организации регулярного проведения (посредством СМИ) разъясни-

тельной работы среди населения о последствиях употребления курительных смесей (например, цикл публикаций о пагубных последствиях потребления опасных для здоровья курительных смесей с обязательными комментариями по данной теме специалистов в области психиатрии, наркологии, психологии)¹¹.

Силами сотрудников Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации совместно с ФСКН РФ и МВД РФ необходимо на регулярной основе осуществлять систематический мониторинг содержания продукции СМИ и материалов сети Интернет на предмет выявления фактов распространения сведений о способах изготовления и использования, местах приобретения запрещенных курительных смесей; публикаций рекламных объявлений об их реализации с последующим принятием мер по пресечению распространения такой информации (например, путем блокирования вредоносных сайтов в сети Интернет)¹².

Следует наладить регулярный обмен информацией между правоохранными структурами (ФСКН РФ и МВД РФ) и органами здравоохранения и образования об известных фактах распространения и потребления лицами (в первую очередь несовершеннолетними) наркотикосодержащих курительных смесей.

Организовать при региональных ФСКН РФ телефоны доверия (горячие линии), по номерам которых граждане могли бы сообщать о фактах, местах рекламы и продажи запрещенных курительных смесей.

Эффективность профилактики потребления опасных для здоровья курительных смесей зависит от согласованной работы различных специалистов — педагогов, психологов, медиков, представителей правоохранных органов, общественности и др.

Предложенные меры не являются исчерпывающими, но они могут значительно улучшить обстановку в сфере оборота курительных смесей на территории страны.

¹ Наркополиция запретила 65 новых «спайсов» за первый квартал 2015 года URL: <http://fskn.gov.ru> (дата обращения: 15.11.2015).

² Спайсы под прицелом ФСКН. URL: <http://www.politcom.ru/10028.html> (дата обращения: 15.11.2015).

³ Шевырин В. А. 1-пентил-3-(4-метоксибензоил) индол — новый синтетический компонент в составе растительных курительных смесей // Судебная экспертиза. 2010. № 3. С. 49–50.

⁴ Чухрова М. Г., Пронин С. В., Рыбальчук Н. В., Иванова В. Э. Психические и психосоматические последствия потребления спайсов // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 1(50). С. 46–47.

⁵ Костин М. Д., Удалов А. А., Васильева Е. А. Статистика потребления «курительных смесей» на территории Самарской области: факты и комментарии // Инновационная наука. 2015. № 5(1). С. 144–146.

⁶ Курительные смеси. Вред. URL: <http://www.dictat.ru> (дата обращения: 14.11.2015).

⁷ Рожанец В. В. Феномен Spice // Наркология. 2010. № 3. С. 80–84.

⁸ Каклюгин Н. В. «Спайс» — «курительные смеси», «миксы», «ароматические благовония» — относится к синтетическим каннабиноидам // Психическое здоровье. 2014. № 2. С. 83–91.

⁹ Профилактика употребления курительных смесей детьми и подростками в образовательных учреждениях: методические рекомендации / сост. Л. Н. Разуваева, П. Д. Бочаров. Пенза, 2013. С. 12–24.

¹⁰ ЭХО Москвы. «Спайсу» нет: Президент внес в Думу закон против Spice. URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/echomsk/1428124-echo/> (дата обращения: 5.04.2015).

¹¹ Гирилин А. Снова о «спайсах» // Вперед. 2015. 9 нояб.

¹² Спасти от «спайсов» // Рос. газета. 2015. 28 янв.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ, ПРАВОВОЙ И ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

УДК 343

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЛИЧНОСТНОЕ КАЧЕСТВО СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ)

И. Ф. Амельчаков, М. Г. Чесовская, В. А. Долин

В статье анализируются концептуальные основания деятельностного подхода, обосновывается понимание сотрудника органов внутренних дел как субъекта формирования толерантности, включенного в коллективную деятельность. В формировании толерантности (как качества сотрудника органов внутренних дел) проанализированы три потенциальных ограничения, обоснованы три уровня толерантности. Полученные выводы актуальны для самовоспитания и для организации воспитательной работы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: воспитание, органы внутренних дел, толерантность, интолерантность, насилие, деятельностный подход, авторитарная личность.

Кризис доверия населения к органам внутренних дел в конце 2000-х гг. показал необходимость обоснования новых принципов их взаимодействия с обществом. Ответом становится реформа 2011 г., в результате которой создается полиция. Возникает задача по формированию сотрудника с личностными качествами, соответствующими запросам общества¹. Среди качеств, необходимых для реализации принципов деятельности полиции, следует назвать: уважение к гражданам, их правам и свободам, уважение к закону, беспристрастность, толерантность, справедливость, открытость для общения и взаимодействия с гражданами, коммуникабельность, готовность и умение сотрудничать с гражданами и структурами гражданского общества и др.

Некоторые из названных качеств традиционны для сотрудника и хорошо изучены в литературе². Они лишь наполняются новым содержанием согласно изменившимся ожиданиям общества. Необходимость других качеств обоснована сравнительно недавно. К их числу причисляют толерантность, представления о которой развиваются в дискурсе мультикультуризма с середины 1980-х гг.³

В литературе можно выделить три аспекта изучения толерантности:

1) онтологический — как принцип сосуществования людей и групп в обществе;

2) антропологический — как элемент сознания и поведения социальных субъектов;

3) аксиологический — как ценность жизни общества и его субъектов⁴.

В данной статье толерантность понимается как уважение к субъектам-носителям иного образа мыслей (ценностей), что формирует сознание и поведение социальных субъектов, т. е. с высоты антропологических позиций. Уважение и толерантность предполагают признание непохожего субъекта равным себе, а также установление и поддержание с ним общности.

Статья посвящена рассмотрению формирования толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел, которое входит в ценностную сферу сотрудника и определяет его профессиональную позицию⁵. Формирование личностного качества в статье рассматривается как процесс и результат освоения человеком социального опыта, в результате которого возникают новые мотивы деятельности⁶.

Для изучения предмета статьи необходимо ответить на два вопроса: о психологических закономерностях и потенциальных ограничениях формирования толерантности сотрудника органов внутренних дел. Концептуально-теоретическая основа рассмотрения — теория деятельности (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, В. В. Давыдов)⁷. В ее рамках толерантность как личностное качество сотрудника органов внутренних дел представляет двуединство внешнепредметной активности и внутриличностных условий.

Формирование толерантности сотрудника органов внутренних дел как процесс и результат соответствует центральному тезису деятельностного подхода: любое личностное качество развивается и совершенствуется только в деятельности. А. В. Петровский считает, что «...реальные возможности формирования нужных обществу качеств личности ... превращаются в действительность именно через деятельность. При этом ... не любая деятельность формирует личность, а лишь та, которая ставит человека в определенное отношение к миру людей, воздействует на его сознание»⁸.

Анализ теоретических оснований деятельностного подхода позволяет выделить концептуальные пози-

ции, которые различаются по ответу на два принципиальных вопроса. Первый обусловлен пониманием детерминации деятельности, которая может определяться внешними причинами (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин) или внутриличностными факторами (С. Л. Рубинштейн). Второй вопрос связан с характером деятельности, которая может быть индивидуальной (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин) или коллективной (А. В. Петровский, В. В. Давыдов). Соответственно, в рамках деятельностного подхода возможно выделить две альтернативы: во-первых, сотрудник органов внутренних дел как объект или субъект формирования личностного качества; во-вторых, понимание его деятельности как преимущественно индивидуальной или коллективной.

Поскольку формирование толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел относится к взрослым людям, то корректнее исходить из тезиса С. Л. Рубинштейна: внешние причины действуют только через внутренние условия, т. е. через связи и зависимости, выражающие состояние личности и определяющие ее развитие⁹. Применительно к предмету статьи данный тезис означает субъектную позицию сотрудника при формировании толерантности по формуле «детерминация через мотивацию»¹⁰. Постулат А. Н. Леонтьева о том, что внешние причины воздействуют на личность прямо и непосредственно¹¹, по отношению к взрослым людям менее продуктивен, так как рассматривает сотрудника органов внутренних дел как объект. Хотя при обучении конкретным моделям толерантного поведения использование элементов формирующего подхода (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин) и соответствующего ему субъект-объектного стиля отношений не только возможно, но и необходимо при определенных психолого-педагогических и организационных условиях.

С субъектной позицией сотрудника органов внутренних дел при формировании толерантности связано еще одно условие, логически следующее из соответствующего педагогического принципа: воспитание толерантности как ее целенаправленное формирование необходимо дополняется самовоспитанием. В феноменологическом аспекте это означает, что опыт толерантного поведения становится основой для самовоспитания данного качества. С позиций деятельностного подхода А. Н. Леонтьева правомерно утверждать, что сформированная в процессе воспитания сотрудника органов внутренних дел толерантность при самовоспитании распространяется на новые объекты — согласно особенностям профессиональной деятельности и уровню личностного развития.

При изучении формирования толерантности необходимо осознавать, что любое профессионально значимое качество личности обусловлено ее предшествующим опытом, в том числе и негативным. Применительно к предмету исследования это означает, что формированию толерантности может предшествовать перевоспитание интолерантности как склонности к насилию по отношению к конкретной группе лиц. Проблема перевоспитания сохраняет актуальность и в том случае, если интолерантность ограничивается вербальным или символическим насилием (в терминологии С. Жижика)¹².

Сложно игнорировать факт, что деятельность сотрудника органов внутренних дел носит преимущественно коллективный, а не индивидуальный характер (А. В. Петровский, В. В. Давыдов). Соответственно, при формировании толерантности необходимо рассматривать сотрудника органов внутренних дел как часть коллектива. В итоге толерантность является качеством личности, которое формируется в процессе индивидуального осуществления правоохранительной деятельности полиции *внутри и на основе* совместной деятельности (интериоризация). По В. В. Давыдову, интериоризация как индивидуальное присвоение коллективной деятельности осуществляется во внутреннем (идеальном) плане через рефлексию. Названный план следует отличать от внешнего, в котором деятельность осуществляется реально¹³.

Из двух альтернатив деятельностного подхода (воспринимаемый как объект / субъект; индивидуальный / коллективный характер его деятельности) наиболее обоснованно рассматривать сотрудника органов внутренних дел, во-первых, как субъекта, воспринимающего внешние причины через внутренние условия (С. Л. Рубинштейн). А во-вторых, как включенного в коллективную деятельность (В. А. Петровский, В. В. Давыдов). Существуют определенные ситуации, когда сотрудник органов внутренних дел может рассматриваться как объект воспитания, деятельность которого носит преимущественно индивидуальный характер (А. Н. Давыдов, П. Я. Гальперин).

Риски и проблемы профессиональной деятельности сотрудника органов внутренних дел во многом объясняют потенциальные ограничения формирования толерантности как личностного качества.

Первое ограничение связано с трудностями ее формирования в цивилизационно-культурном контексте. По мнению Е. А. Селюковой, общность языка и чувство этнической близости приводят к тому, что «толерантность — трудное и редкое достижение»¹⁴. Признавая обоснованность вывода Е. А. Селюковой, возможно привести два возражения.

Первый контраргумент исходит из различения двух вариантов понимания идеала в культуре. В платоновско-кантовской традиции идеал носит абсолютный характер и труднодостижим в реальном мире, который по этой причине оценивается критически. Аристотелевско-гегелевская традиция, напротив, сближает идеал с реальностью — как бытие, соответствующее своему понятию. Идеал носит конкретно-исторический и потому потенциально достижимый характер. Поскольку толерантность (как идеал поведения) возникает исторически, то его аристотелевско-гегелевское понимание выглядит более обоснованным. Из этого следует, что современный идеал толерантности соответствует возможностям его достижения.

Второе возражение против тезиса о трудностях формирования толерантности как личностного качества логически выводится из когнитивно-эволюционной концепции нравственного развития Л. Кольберга. На основе проведенных экспериментов исследователь выявил

три уровня и шесть ступеней (по две для каждого уровня) нравственного развития подростков и студентов¹⁵. На предконвенциональном уровне поступки мотивируются последствиями, ценится справедливый обмен. Традиционному (конвенциональному) уровню соответствует стремление к общности с людьми и поддержание стабильности социальных систем. На постконвенциональном (принципиальном) человек формулирует собственные правила и принципы, не противоречащие традиционной нравственности. В контексте концепции Л. Кольберга рассмотрение толерантности в качестве критерия проявления духовности выглядит закономерным¹⁶.

На пятой ступени, соответствующей постконвенциональному (принципиальному) уровню нравственного развития, приходит понимание того, что «...люди обладают множеством ценностей и мнений ... большинство ценностей и правил соответствует вашей группе. Эти соответствующие правила надо поддерживать, но в интересах беспристрастности и потому, что они появились в результате социального договора»¹⁷. Фактически Л. Кольберг описывает толерантность, которая в контексте его концепции не является достижением избранных, а характеризует высокий уровень нравственного развития, потенциально достижимый для всех. Это означает, что тезис о трудностях формирования толерантности ставится под сомнение.

Второе потенциальное ограничение формирования толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел следует из представлений А. Н. Леонтьева о динамическом характере структуры деятельности. Автор постулирует возможность ее трансформации в процессе осуществления. Взаимные превращения могут происходить как во внешнепредметной стороне деятельности (деятельность — действие — операция), так и во внутриспсихической (мотив — цель — условия достижения цели). Взаимосвязью двух названных сторон обусловлена сложная динамика деятельности. Например, утрата мотива превращает деятельность в действие, которое в результате изменения цели может трансформироваться в операцию. Сдвиг мотива на цель формирует новую деятельность.

На основе описания А. Н. Леонтьевым внешнепредметной деятельности (триада «деятельность — действие — операция») возможно выделить уровни развития толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел:

- толерантность, реализующаяся как личностно-осмысленная и социально продуктивная деятельность, соответствующая «зову сердца»;
- толерантность, реализующаяся как одобряемое обществом действие, выгодное с точки зрения репутации (лучше быть толерантным, чем наоборот);
- толерантность, реализующаяся как операция, необходимая в соответствии с нормативно-правовыми требованиями.

Восходящее движение по названным уровням сопровождается расширением смыслового контекста личности и представляет формирование толерантности. Нисходящее движение правомерно трактовать как про-

явление профессиональной нравственной деформации. В последнем случае смысловое поле личности теряет целостность и распадается на фрагменты (т. е. отдельные действия или операции).

Явная параллель с нисходящим направлением движения по уровням толерантности присутствует и в древнекитайском трактате «Даодэзин» («Канон пути и добродетели») философа Лао-цзы: «...с утратой Дао ... обретают добродетель; с утратой добродетели овладевают человечностью; с утратой человечности усваивают справедливость; с утратой справедливости вверяют себя ритуалу»¹⁸. В обеих интерпретациях исчезновение спонтанно-естественного проявления качества (лично-осмысленной деятельности или Дао в даосизме) сначала подменяется идеологическими средствами (одобряемое действие или человечность со справедливостью в даосизме), а на завершающем этапе становится формальностью (операцией или ритуалом соответственно).

Третье потенциальное ограничение формирования толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел обусловлено его возможной интолерантностью (как склонностью к насилию), которая может быть латентна и ограничиваться вербальными формами.

Е. А. Селюкова рассматривает интолерантность как качество авторитарной личности¹⁹, хотя в классическом исследовании авторитарной личности Т. Адорно понятие «толерантность» употребляется один раз — в контексте проблематики религиозной терпимости²⁰. Данный факт обусловлен культурно-историческими причинами, поскольку изучение признаков личности, готовой поддержать фашизм, в 1950 г. является более значимым.

На основе изучения описанных Т. Адорно личностных типов и их синдромов можно выделить ряд черт авторитарной личности²¹:

- наличие предрассудков;
- согласие с господствующими воззрениями (конформизм);
- боязнь собственных чувств и страх потери самоконтроля;
- стремление к послушанию, подчинению авторитету, сильному лидеру;
- агрессивность и отсутствие сострадания к слабым и представителям «чужой» группы, стремление манипулировать ими;
- деструктивность, нигилизм и цинизм.

Приведенные личностные характеристики правомерно рассматривать в качестве проявлений интолерантности как склонности к насилию.

Н. А. Гончарова и Т. Ф. Фомина связывают интолерантность со слабым знанием своих личностных особенностей и характеризуют ее как комплекс черт личности, «...которые свидетельствуют о совпадении представлений о себе реальном и себе идеальном»²². В результате формируется поведение, близкое к описанному Т. Адорно с соавторами²³.

Проведенный анализ потенциальных ограничений формирования толерантности ставит под сомне-

ние тезис о трудностях ее формирования. Динамический характер внешнепредметной деятельности, описываемый триадой А. Н. Леонтьева «деятельность — действие — операция», позволяет выделить уровни развития толерантности как личностного качества сотрудника органов внутренних дел:

- лично-осмысленная деятельность;
- одобряемое обществом действие;
- необходимая операция.

На основе анализа концептуальных оснований деятельности сотрудника органов внутренних дел рассматривается как субъект формирования толерантности, включенный в коллективную деятельность. Полученные результаты потенциально способствуют гармоничному самовоспитанию сотрудника органов внутренних дел и повышению эффективности системы воспитательной работы в органах внутренних дел в целом.

¹ Кудин В. А. Формирование нового облика сотрудника российской полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1. С. 4–9.

² Гребенников А. Б. Психологические особенности деятельности и профессионально важные качества оперативного сотрудника ОВД // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2003. № 1. С. 117–119; Баранов В. М. Формирование профессиональной готовности курсантов юридических вузов к оперативно-разыскной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2007. 203 с.

³ Волкова Т. П. Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2008. Т. 11. № 1. С. 84.

⁴ Подгорецкий И. Л. Толерантность: понятие и концепция // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 2. С. 24–31; Леонтьев Д. А. К операционализации понятия «толерантность» // Вопросы психологии. 2009. № 5. С. 3–16; Волкова Т. П. Указ. соч. С. 84–88; Эмих Н. А. Роль толерантности в преобразовании системы современного образования // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 2(59). С. 137–140.

⁵ Статный В. М., Шаранов Ю. А. Методологический нарратив аксиологической регуляции правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 226–231.

⁶ Караваев А. Ф., Андреев О. С., Обухова Е. С. Мотивационная основа профессионального становления личности сотрудника // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2003. № 2. С. 35–42.

⁷ Семин В. М. Деятельностный подход как философско-мировоззренческая позиция // Вестник Восточной экономической юридической гуманитарной академии. 2010. № 1. С. 120–126.

⁸ Основы педагогики и психологии высшей школы / под ред. А. В. Петровского. М., 1986. С. 81.

⁹ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 310.

¹⁰ Там же. С. 311.

¹¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. 304 с.

¹² Жижек С. О насилии. М., 2010. С. 5–10.

¹³ Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М., 1996. С. 42–43.

¹⁴ Селюкова Е. А. Толерантность и интолерантность как методологическое основание межэтнического взаимодействия // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3. С. 114.

¹⁵ Kohlberg L. The Development of Modes of Thinking and Choices in Years 10 to 16. Ph. D. Dissertation. University of Chicago, 1958. 491 p.

¹⁶ Локтев К. И. Толерантность как критерий проявления духовности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 1. С. 238–244.

¹⁷ Пауэр Ф. К., Хиггинс Э., Кольберг А. Подход Лоуренса Кольберга к нравственному воспитанию // Психологический журнал. 1992. № 3. С. 179.

¹⁸ Лао-цзы. Даодэдзин // Лаоцзы. Обрести себя в Дао / сост. И. И. Семенов. М., 2000. С. 158.

¹⁹ Селюкова Е. А. Указ. соч. С. 114–115.

²⁰ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. В. П. Кулыгина. М., 2001. С. 263.

²¹ Там же. С. 274–295.

²² Гончарова Н. А., Фомина Т. Ф. Психологическое исследование особенностей толерантного поведения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 2. С. 186.

²³ Там же. С. 186.

УДК 343.03

ОПЕРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

С. А. Тимко, А. В. Жайворонок

В статье рассматривается деятельность органов внутренних дел, осуществляемая в рамках проведения оперативно-профилактических операций, направленных на противодействие групповой преступности несовершеннолетних.

Ключевые слова: оперативно-профилактическая операция, предупреждение, органы внутренних дел, групповая преступность несовершеннолетних, группа, неформальные молодежные объединения.

По данным статистики, в числе лиц, совершивших преступления, в последние годы МВД России регистрирует 5–7% несовершеннолетних. Среди преступлений доля тех, что совершены подростками (или при их соучастии), также колеблется в районе 5%¹. Эти показатели на первый взгляд кажутся незначительными. Однако обратим внимание на то, что почти четверть таких деяний — тяжкие и особо тяжкие. Усугубляет ситуацию и тот факт, что 60–75% преступлений несовершеннолетние совершают в группе. Данная особенность их поведения объяснима спецификой возрастного развития и стабильна на протяжении многих лет. Нередко подростковые группы формируются задолго до совершения уголовно наказуемого деяния, их участники совершают антиобщественные действия, не связанные с пре-

ступлением. Безусловно, такие объединения нуждаются в пристальном внимании полиции.

Группой несовершеннолетних антиобщественной направленности полицейские считают двух и более несовершеннолетних, объединенных по интересам и совершивших совместно антиобщественные действия, правонарушения либо преступления. При этом данные деяния должны быть зафиксированы в одном из документов:

- а) приговор (определение или постановление) суда;
- б) постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — КДН и ЗП), прокурора, следователя, органа дознания или начальника территориального органа МВД России;
- в) заключение (утвержденное начальником территориального органа МВД России) по результатам проверки жалобы, заявления или другого сообщения, содержащего признаки противоправных деяний².

При установлении факта существования группы антиобщественной направленности сотрудник ПДН ставит всех лиц, входящих в неё, на учет с обязательным заведением наблюдательного дела. Ведомственные инструкции регламентируют профилактическую работу с участниками таких групп.

Дополнением к ежедневной работе сотрудников различных подразделений ОВД по противодействию групповой преступности несовершеннолетних служат оперативные профилактические операции (далее — ОПО). Комплексную оперативно-профилактическую операцию МВД России определяет как совокупность оперативно-розыскных, контрольно-надзорных, предупредительно-профилактических и иных мероприятий, осуществляемых органами внутренних дел (при необходимости совместно с другими федеральными органами исполнительной власти) в соответствии с законодательными и иными нормативными актами Российской Федерации в масштабах страны, одного или нескольких субъектов Российской Федерации по единому замыслу для достижения конкретной цели³. В проведении оперативно-профилактических операций задействуются все подразделения, имеющие непосредственное отношение к предупреждению правонарушений, выявлению и раскрытию преступлений несовершеннолетних, а также привлекаются представители заинтересованных ведомств государственной системы профилактики правонарушений, представители общественных формирований, внештатные сотрудники полиции, волонтеры, казачество. Это позволяет эффективно решать поставленные в ходе ОПО задачи, нивелировать негативную психоэмоциональную позицию сотрудников ОВД относительно подростков, совершающих противоправные деяния, ведь и подростки, и представители официальных структур при общении часто проявляют обоюдный негатив. Подтверждением служат результаты эмпирического исследования: полицейские нередко испытывают негативные эмоции к подросткам-правонарушителям: к совершившим административное правонарушение — пренебрежение, враждебность, незаинтересованность их жизнью; к корыстно-насильственным преступникам — прене-

брежение и тревогу, опасение, волнение, страх; к насильственным преступникам — незначительную тревогу⁴.

Проведению каждого мероприятия предшествуют инструктажи участвующих в нем сотрудников, в том числе по криминогенной обстановке, тактике и методике работы, направленной на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, по соблюдению требований действующего законодательства.

Существенным преимуществом ОПО является возможность сочетать общую и индивидуальную профилактику. Адресное воздействие на конкретного человека больше (по сравнению с иными способами профилактики) способно повлиять на формирование нравственно-психологических качеств личности, удержать подростка от неверного шага в тот или иной момент, содействует «...развитию положительных склонностей и интересов, устранению недостатков в поведении, приобщению к учебе и труду»⁵.

Несовершеннолетние преступники редко осуждаются к наказанию, связанному с реальным лишением свободы. С 2011 г. количество таких подростков сократилось и составило в среднем 16,8% от общей массы несовершеннолетних, осужденных к различным видам наказания. Подавляющему большинству (около 45%) назначается условное осуждение к лишению свободы; каждый пятый приговаривается к обязательным работам; каждый десятый — к штрафу, около 3% — к ограничению свободы; на исправительные работы и условное осуждение к иным мерам — по 1,5% соответственно. Около 4% (в 2014 г. 8,5%) освобождаются от отбывания наказания по амнистии и другим основаниям⁶. Эта категория лиц не только несет криминогенный потенциал, но и активно вовлекает в противоправную деятельность других лиц. Криминальное «заражение» подростка от подростка осуществляется намного интенсивнее, чем от взрослого, поскольку происходит во время совместного времяпрепровождения на фоне некой общности интересов, как правило, социальной и трудовой неустроенности.

Комплексное и целенаправленное воздействие на группы несовершеннолетних антиобщественной направленности, неформальные молодежные группировки способствует более качественной профилактике их противоправной деятельности. Значимыми являются оперативно-профилактические операции «Группа», «Неформал», «Подросток — улица», «Лидер».

ОПО «Группа» направлена на предупреждение уличной подростковой преступности, выявление и постановку на учет в ОВД групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, выявление их лидеров и организаторов, взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, а также контроль за деятельностью неформальных молодежных группировок (неофициальных самодельных общностей молодых людей, характеризующихся системой внутренних норм, правил поведения — футбольных фанатов, панков, скинхедов, готов, хиппи, рэперов и др.).

ОПО «Неформал» проводится в целях как предупреждения групповой преступности, выявления

и постановки на учет в ОВД групп подростков антиобщественной направленности, в том числе причисляющих себя к неформальным молодежным объединениям, так и выявления их лидеров и организаторов, вовлекающих подростков в совершение противоправных действий, пресечения деятельности неформальных молодежных группировок (в том числе экстремистской направленности).

Часто несовершеннолетние проявляют криминальную активность на улицах, в общественных местах. Круг таких деяний широк — от банального появления в нетрезвом виде до корыстно-насильственного посягательства на человека. При этом групповой вариант поведения тоже весьма распространен. Каждый пятый осужденный за преступление подросток (как показывает статистика) находился в состоянии алкогольного опьянения. Профилировать подобные правонарушения помогает ОПО «Подросток — улица». Данное мероприятие направлено на предупреждение противоправных деяний несовершеннолетних в общественных местах и на улицах (в том числе в ночное время), на выявление подростков, совершающих правонарушения, проведение разъяснительной работы по правилам дорожного движения и предупреждению дорожно-транспортных происшествий с участием детей.

Отдельное значение в профилактической работе отводится ОПО «Лидер»: выявление групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, пресечение фактов отрицательного влияния их лидеров, предупреждение конфликтов между подростковыми группировками, выявление несовершеннолетних, входящих в неформальные молодежные объединения (в том числе экстремистской направленности), установление взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и административных правонарушений.

В ходе проведения указанных операций сотрудники ОВД осуществляют следующую работу на территории оперативного обслуживания:

— анализируют преступления, совершаемые несовершеннолетними. Изучению подвергаются как общие статистические данные, так и сведения, характеризующие конкретную территорию, на которой проводится ОПО с выявлением криминогенных особенностей, присутствующих указанной местности;

— выявляют группы антиобщественной направленности, молодежные объединения неформального характера. Собирают и систематизируют данные о группах антиобщественной направленности, состоящих на профилактических учетах, об имеющихся молодежных объединениях неформального характера, новых участниках групп, мотивах каждого участника группы, о распределении ролей, взаимоотношениях лиц, входящих в состав групп.

При наличии оснований такие формирования ставятся на учет с заведением в ПДН наблюдательного дела для дальнейшего отслеживания поведения их участников и предупреждения противоправного поведения с их стороны. Предпринимаются усилия по разобщению и переориентации групп.

В случаях, когда профилактическая работа оказалась успешной (группу удалось переориентировать (исправить), разобщить), когда факты, послужившие основанием постановки на учет, не подтвердились, когда возникли обстоятельства, исключающие возможность совершения правонарушений, когда от группы остался один человек (другой (другие) исправился, помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, заключен под стражу или осужден к лишению свободы, достиг 18 лет, умер) группы несовершеннолетних снимаются с профилактического учета. Указанные обстоятельства выявляются в ходе проведения названных ОПО и служат основанием для принятия соответствующих решений руководителями ОВД:

— определить наиболее криминогенные места скопления несовершеннолетних;

— проверить места концентрации групп несовершеннолетних антиобщественной направленности и членов молодежных неформальных группировок: парки, площади, торговые павильоны, кафе, территории, прилегающие к вокзалам, дворы, подъезды, чердаки, подвалы многоквартирных домов, заброшенные или недостроенные строения и т. д. Положительный эффект имеет перманентное патрулирование таких объектов (либо регулярное их посещение), проведение бесед с находящимися там подростками, доставление несовершеннолетних, находящихся в ночное время без родителей, в территориальные органы МВД России с вызовом родителей или законных представителей и принятием к ним соответствующих мер;

— организовать в вечернее время проверки увеселительных заведений, клубов, баров в целях выявления несовершеннолетних правонарушителей, а также взрослых лиц, вовлекающих подростков в совершение антиобщественных действий: систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством;

— выявить подростков, входящих в группы антиобщественной направленности и причисляющих себя к неформальным молодежным группировкам, и лиц, вовлекающих несовершеннолетних в экстремистскую и иную противоправную деятельность;

— отработать всех членов, входящих в группы несовершеннолетних антиобщественной направленности, состоящих на профилактическом учете, а также членов неформальных молодежных группировок (проверка по различным учетам, получение информации из образовательных, медицинских учреждений и пр.);

— провести различные профилактические мероприятия (в зависимости от степени общественной опасности группы) как с лицами, уже стоящими на учете в ОВД, входящими в состав групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, организаторами и членами экстремистских групп и объединений, так и с членами вновь выявленных формирований. Это могут быть беседы с разъяснением им требований нормативных актов, регламентирующих ответственность за групповые нарушения общественного порядка, с предупреждением их об уголовной и ад-

министративной ответственности за противоправные действия, постановка на профилактический учет, привлечение к ответственности и т. д.;

— установить причастность групп несовершеннолетних к ранее совершенным преступлениям;

— в образовательных учреждениях читать лекции на правовую тематику.

При широком круге субъектов, участвующих в профилактической работе в отношении девиантных групп несовершеннолетних, организаторы ОПО в недостаточной степени используют возможности психологов. Считается, что основной и (при его правильном применении) действенный метод предупредительной деятельности — это беседа. Именно психологи, обладающие глубокими знаниями о подростковой психике, восприятии, сознании, особенностях поведения, способны донести до них информацию и повлиять на поведение несовершеннолетних. Целесообразно привлекать на постоянной основе для участия в операциях психологические службы.

Отметим, что ОПО «Подросток — улица» ориентирована на профилактическую работу в общественных местах. Акцент делается на проверку мест концентрации подростков, остановок общественного транспорта, культурно-парковых зон для выявления несовершеннолетних, совершающих административные правонарушения, а также склонных к совершению уголовно наказуемых деяний. Проводятся профилактические мероприятия с детьми на дорогах, улицах, беседы в лагерях дневного пребывания (в образовательных учреждениях) по правилам дорожного движения.

Сотрудники подразделений ОВД, участвующих в ОПО, — ПДН, участковые уполномоченные, сотрудники уголовного розыска, патрульно-постовой службы, дежурной части территориального органа МВД России — регулярно обмениваются полученной информацией.

По итогам проведения профилактических операций полицейскими направляется информация в КДН и ЗП, межведомственные комиссии по координации деятельности в сфере профилактики правонарушений, уголовно-исполнительные инспекции, иные заинтересованные ведомства с предложениями по устранению причин и условий, способствующих безнадзорности несовершеннолетних, совершению ими пра-

вонарушений и повышению эффективности работы в данном направлении. Ход и результаты проведения оперативно-профилактических операций в рамках информационного обеспечения деятельности ОВД и ВВ МВД России⁷ освещаются в СМИ и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Проведение оперативно-профилактических операций является действенным средством по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, по нейтрализации, устранению, минимизации воздействия криминальных факторов, по коррекции личности девиантов. Нередко они помогают сотрудникам ОВД эффективно раскрывать преступления, ранее совершенные подростками, пресекать и раскрывать по горячим следам деяния, совершенные во время проведения операции. Привлечение к участию в ОПО представителей заинтересованных ведомств, учреждений, организаций позволяет повысить эффективность данных мероприятий.

¹ Состояние преступности. URL: <https://mvd.ru/folder/101762> (дата обращения: 30.09.2015).

² Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.

³ О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД РФ от 13 августа 2002 г. № 772 (в ред. приказа МВД России от 9 декабря 2008 г. № 1075). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Коноплицкая О. В. Особенности эмоционального отношения работников ОВД к несовершеннолетним правонарушителям // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 54.

⁵ Панов С. Л., Ревягин А. В. Правовые и организационные основы деятельности ОВД по индивидуальной профилактике правонарушающего поведения // Законодательство и практика. 2013. № 2. С. 73.

⁶ Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008–2014 годы. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 07.10.2015).

⁷ Тимко С. А., Жайворонок А. В. Информационное сопровождение деятельности полиции посредством СМИ на региональном уровне (на примере Омской области) // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 6–10.

УДК 159.9.07

УЧЕТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОХРАНЫ И КОНВОИРОВАНИЯ ОВД

А. А. Старостин

Рассмотрены вопросы, связанные с предупреждением чрезвычайных происшествий при охране и конвоировании подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений

с учетом особенностей их личностных качеств и склонности к противоправному поведению, а также с учетом требований нормативных правовых актов, регламентирующих указанное направление деятельности.

Работа включает ряд предложений, направленных на недопущение побегов, нападений, членовредительства и других противоправных действий со стороны спецконтингента (в зависимости от характеристики их личности).

Ключевые слова: подозреваемые и обвиняемые, личность подозреваемого, охранно-конвойная деятельность, недопущение чрезвычайных происшествий.

Одним из основных и специфичных видов административной деятельности территориальных органов внутренних дел является охрана и конвоирование подозреваемых и обвиняемых.

В настоящее время в стране функционирует 2146 изоляторов временного содержания с лимитом наполнения от 26 до 100 и более мест, с числом камер 15 087. Действуют 1453 штатные конвойные части и подразделения, 49 батальонов, 54 роты, 156 взводов¹.

По данным Управления охраны общественного порядка УМВД России по Омской области в структуре УМВД России по Омской области входит специальный приемник УМВД России по г. Омску и 33 охранно-конвойных подразделения, в том числе изолятор временного содержания, 31 изолятор временного содержания территориальных органов МВД России на районном уровне, отдельный батальон охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых УМВД России по г. Омску. В 2014 г. в изоляторах временного содержания УМВД России по Омской области содержалось 10 973 человека.

Правовую основу деятельности подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел (полиции) составляет широкий перечень нормативных правовых документов.

Среди ведомственных актов следует выделить приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел»², а также приказ МВД России от 3 марта 2006 г., утвердивший Наставление по служебной деятельности изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел, подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых.

Последний приказ особенно актуален, так как содержит широкий перечень положений и правил, регулирующих деятельность по охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых.

При достаточно полном описании порядка содержания, охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых ни один из законов, а также ведомственных нормативных правовых актов не содержит положений, относящихся к зависимости специфики охраны, содержания и конвоирования подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления от особенностей их личности, за исключением того, что в соответствии с п. 21 приказа МВД России № 950 размещение подозреваемых в камерах изолятора временного содержания должно производиться с учетом их личности и психологической совместимости. А это в большинстве случаев (в силу незначительного времени пребывания спецконтингента в изоляторе — до 48 часов и в связи с отсутствием информации, характеризующей личность подозреваемого) не всегда представляется возможным.

Понятие личности преступника многогранно, в данной категории ярко выражен межотраслевой характер, поскольку этот вопрос изучается не только психологами, но и юристами, занятыми разработкой проблем, отно-

сящихся к уголовному праву и процессу, криминологии и криминалистике. В юридической психологии указанная тема занимает одно из центральных мест.

Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) в криминологии, юридической психологии и т.д. направлено, в первую очередь на создание так называемого портрета или структурообразующих элементов предполагаемого преступника, на исследование мотивов его девиантного поведения, причин совершения противоправного деяния³.

Это, безусловно, имеет большое значение для оценки личности тех, кто совершает противоправные действия, для определения применяемых к ним мер уголовно-правового либо административного характера, особенно в случаях, когда необходимо получить ответ на вопрос: мог ли субъект, совершивший правонарушение, с учетом индивидуально-психологических особенностей его личности в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими?

Если типичный преступник существует, значит его поведение можно рассчитать. Такие попытки неоднократно предпринимались. Данные о поведении преступника и его окружении (если они попали в сферу деятельности правоохранительных органов) собирались минимальные и в дальнейшем, как правило, не были реализованы.

Эти сведения даже не исследуются, не говоря уже о том, чтобы растиражировать их для тех правоприменителей, которые по закону должны первыми предупреждать совершение преступлений (участковые уполномоченные полиции, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних и др.)⁴.

В деятельности конвойных подразделений характеристика личности конвоируемого имеет существенное значение, от этого зависит состав конвоя, формы и методы конвоирования, а также в целом организация и тактика несения охранно-конвойной службы. Поэтому при обеспечении охраны и конвоирования в целях предупреждения и недопущения чрезвычайных происшествий со стороны подозреваемых и обвиняемых, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие сведения:

— привлекался ли человек ранее к уголовной ответственности (по каким статьям Уголовного кодекса Российской Федерации);

— наличие сообщников, участие в организованных преступных группах и сообществах;

— возрастные, половые, психологические особенности, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого), в особенности прямолинейно-агрессивный тип, недоверчиво-скептический тип и т. д.;

— склонность подозреваемого (обвиняемого) к противоправному поведению (нападение, побег, членовредительство), сопротивлению сотрудникам правоохранительных органов;

— эмоциональная неустойчивость, эмоциональная зависимость от сложившихся ситуаций, наличие агрессии в поведении;

— наличие инфекционных заболеваний для предупреждения контактов и распространения инфекции среди других подозреваемых (обвиняемых);

— наличие фактов противоправного поведения при отбывании наказания в исправительных учреждениях, при содержании в следственных изоляторах, изоляторах временного содержания, других учреждениях исполнения наказания;

— данные о семейном и имущественном положении подозреваемого (обвиняемого), о состоянии его здоровья, поведении в быту, наличии у него на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (жена, родители, близкие родственники)⁵.

Безусловно, при размещении подозреваемых и обвиняемых в местах содержания под стражей учитываются требования Федерального закона Российской Федерации «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых»⁶, связанные с раздельным размещением в камерах подозреваемых и обвиняемых, должны учитываться личностные качества подозреваемых, а также их психологическая совместимость.

Проведенный опрос 124 сотрудников подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых УМВД России по Омской области показал, что в большинстве (80%) случаев удалось бы избежать инцидентов, связанных с противоправным поведением спецконтингента, при наличии данных, характеризующих личность подозреваемого (обвиняемого), склонность его к противоправному поведению.

Около 84 % сотрудников указанных подразделений высказываются либо за наличие штатных психологов, деятельность которых будет направлена на изучение поведенческих и психологических особенностей спецконтингента (особенно в момент непосредственного их поступления в места содержания под стражей), на выработку практических рекомендаций и предложений по предупреждению членовредительства, побегов, нападения и других происшествий, либо включение указанных сведений в материалы, являющиеся основанием для взятия под стражу подозреваемых (обвиняемых).

Большинство опрошенных сотрудников указанных подразделений считают необходимым создание единой информационной базы данных, в которой будут отражаться сведения о подозреваемых (обвиняемых), касающиеся их склонности к противоправному поведению.

В настоящее время в информационных базах и других справочных системах МВД России отсутствуют сведения, описывающие личность подозреваемого (обвиняемого), его поведенческие особенности (склонность к побегу, членовредительству, нападению), а также иные характеристики личности подозреваемого и обвиняемого. Это при наличии соответствующей информации могло бы значительно упростить деятельность охранно-

конвойной службы по предупреждению чрезвычайных ситуаций среди спецконтингента.

В ходе наблюдения за подозреваемыми (обвиняемыми), личного общения сотрудников конвоя друг с другом, изучения личных дел спецконтингента сотрудники охранно-конвойной службы накапливают необходимую информацию о конвоируемых, но это (в силу ряда объективных причин) не всегда возможно реализовать, особенно если подозреваемый (обвиняемый) прибыл из другого региона.

В рамках данной проблемы представим опыт сотрудников отдельного батальона охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых УМВД России по г. Омску. Сотрудники создали свою информационную базу, в которую заносятся все сведения о подозреваемых (обвиняемых), склонных к побегу, нападению, членовредительству и другим противоправным действиям. Эти данные используются в дальнейшем при несении службы по охране и конвоированию спецконтингента.

Изучение такого опыта важно для выработки единых подходов и требований по исследованию психологических характеристик личности подозреваемых и обвиняемых в деятельности подразделений охраны и конвоирования органов внутренних дел, а также для проработки вопроса систематизации указанных сведений в базах данных МВД России.

Наличие таких информационных систем позволит сотрудникам подразделений по охране и конвоированию подозреваемых и обвиняемых принимать своевременные профилактические меры, направленные на недопущение чрезвычайных происшествий со стороны спецконтингента.

¹ Гордиенко В. В. Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. М., 2012. С. 463.

² Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел : приказ МВД России от 22 ноября 2005 г. № 950. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Романов В. В. Юридическая психология: учебник. М., 2002. С. 61.

⁴ Скобелин С. Ю. Взаимодействие следователя и суда в рамках изучения личности подсудимого // Уголовное судопроизводство. 2014. № 2. С. 19.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 20 (в ред. от 23 декабря 2010 г. № 31). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПСИХОКОРРЕКЦИЯ И РЕГУЛЯЦИЯ СОСТОЯНИЙ

УДК 159.9

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД И УРОВНИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ

Г. С. Човдырова, Э. А. Антонова

В статье анализируются структура профессионально важных качеств, ее связь с неблагоприятными психическими состояниями. Выявлено влияние знаний, умений, навыков на профилактику криминальных инцидентов, связанных с изменением психических состояний сотрудников ОВД. Показана динамика предвестников неблагоприятных состояний и необходимость проведения профилактических мер с учетом условий службы.

Ключевые слова: стресс, напряжение, тревога, профессионально важные качества, экстремальные ситуации, неблагоприятные психические состояния и их предвестники.

Деятельность сотрудников ОВД постоянно сопровождается высоким уровнем ответственности, большой психоэмоциональной нагрузкой, особенно при непосредственном взаимодействии с преступными группировками, при участии в разгоне массовых беспорядков и др.

У сотрудников имеются и проблемы социально-бытового характера, негативно сказывающиеся не только на их психическом состоянии, но и на морально-психологическом климате внутри семьи, когда сотрудник не имеет возможности уделять достаточное внимание семье из-за ненормированного рабочего графика.

Долгое пребывание во власти отрицательного эмоционального фона (состояние вины, тревоги и ожидания, неудовлетворенности, жестокости, агрессивности, злости, неуверенности и др.), неумение самостоятельно уменьшить степень переживания неблагоприятных воздействий опасно тем, что разрушительно влияет не только на психическое самочувствие, но и на соматическое состояние организма в целом.

В этих затруднительных ситуациях меняется психическое состояние сотрудника, что приводит к постепенному психофизическому изменению личности, ухудшению самочувствия, невозможности нормально трудиться, к потере профессионализма и уходу из профессии.

Опыт наблюдения за поведением сотрудников ОВД показал, что неумение регулировать свое внутреннее

психическое состояние может негативно сказываться на взаимоотношениях с близкими и друзьями, на качестве выполняемой работы¹.

Факторов, детерминирующих процесс адаптации сотрудников к повышенным требованиям профессии, множество. Прежде всего это профессионализм, обусловленный знаниями, умениями, навыками, опытом.

Неблагоприятные психические состояния (*напряжение, тревога, фрустрация, аффект, стресс*), рассматриваемые в психологии как эмоционально-волевые реакции, могут начинаться с предвестников и развиваться незаметно (*негативизм, брюзжание, различные степени выражения жестокости в отношениях с людьми, агрессивность*). Степень их выраженности у сотрудников ОВД зависит от интенсивности и частоты стрессогенных факторов профессиональной, учебной и бытовой среды. Часто психоэмоциональные состояния, например, *гетероагрессия, аутоагрессия, жестокость, раздражительность, негативизм*, могут быть различными признаками проявления невежества, недостатка знаний, воспитания, которые можно устранить в процессе обучения и психокоррекции. Эти реакции чаще всего проявляются во время адаптации к повышенным требованиям среды и в периоды накопления усталости. Отсутствие профилактики таких состояний (как показывает практика) может повлечь необратимые последствия как для сотрудника, так и для всей правоохранительной системы. Много случаев, когда накопившиеся неблагоприятные психические переживания привели к печальным результатам, отразившимся как на самом сотруднике, так и на правоохранительной системе в виде неудачной скоропалительно-формальной реформы (случай с майором Евсюковым). Различные виды отрицательного эмоционального реагирования возникают особенно остро, когда в целях снижения интенсивности напряжения употребляются спиртные напитки или другие допинги. В связи с этим психопрофилактика неблагоприятных психических состояний у сотрудников особенно актуальна.

В своих исследованиях мы изучали структуру свойств личности, детерминирующую формирование симптомов, трактуемых ошибочно не как процесс адаптации к требованиям профессии, а как «синдром эмоционального выгорания», касаясь связи профессиональных и личностных качеств сотрудников полиции.

Учитывая изложенное, полагаем, неблагоприятные психические состояния можно скорректировать обучением — устранением фактора недостатка знаний, умений, навыков и опыта, препятствующих адаптации сотрудников к требованиям профессии, формирующейся на стадии обучения в вузах МВД России и др.

Поэтому цель данной работы — проанализировать влияние определенных знаний, умений, навыков и процесса обучения в целом на динамику развития предвестников неблагоприятных психических состояний курсантов — будущих оперативных сотрудников полиции. Исследование осуществлялось на базе Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя.

Проведенные ранее исследования, ориентированные на выявление профессионально важных качеств (далее — ПВК) показали, что необходимо определить профиль личности, стержневые личностные качества, так как на их основе в последующем развивается профессиональный, жизненный опыт и коммуникативная компетентность².

Для сотрудников ОВД, часто задействованных в тех сферах профессиональной деятельности, где характер труда предъявляет особые требования, вызывающие при определенных условиях дезорганизацию психики, т. е. неблагоприятные психические состояния, важно проведение тестовой психодиагностики. В этом аспекте определенный интерес представляют исследования наших коллег³. С учетом названных позиций более логичным и обоснованным, на наш взгляд, будет использование (в теории и практике) формирования процесса профессионального становления личности путем накопления знаний, умений и навыков, которые в настоящее время трактуются как компетентность.

Экспериментальные наблюдения в данном ракурсе за курсантами позволили в определенной степени систематизировать психологические уровни формирования этих понятий.

Первый уровень формирования понятия «профессия» и становления профессионала в вузах системы МВД России составляют **знания**. Они представляют совокупность информации, полученной в теоретической или эмпирической плоскости данных. В аспекте деятельности сотрудников ОВД они могут быть разделены на несколько групп, на которых возводится фундамент принадлежности к определенной профессии.

К *первой группе* относят знания *общеорганизационного характера*, которыми в той или иной степени должны обладать практически все сотрудники полиции. По нашим экспертным оценкам, это чаще всего знание системы устройства ОВД, а также ряда основных законов и нормативных правовых документов, регулирующих вопросы функционирования органов внутренних дел в различных направлениях деятельности.

Вторую группу составляют *общие профессиональные знания*, необходимые для выполнения профильных задач.

Третья группа состоит из *узких (или узкопрофильных) профессионально-прикладных знаний*, требуемых сотруднику для эффективного выполнения задач по

всем направлениям профессиональной деятельности (следствие, дознание, уголовный розыск, криминалистика и др.).

Второй уровень формирования понятия «профессия» в процессе профессионального становления в вузах системы МВД России составляет понятие «**умения**» — **связь когнитивных мыслительных процессов с физическими возможностями** будущего сотрудника, т. е. его знания, переводимые в практическую плоскость, успешно применяемые для получения желаемого результата, при прохождении практики курсантами в профильных подразделениях системы МВД.

Иными словами, *умения будущего полицейского* — это то, что практически способен показывать курсант на основе применения имеющихся у него теоретических представлений и пониманий. Умения могут быть как формальные, связанные с физическими возможностями человека (например, применять оружие и приемы самообороны, проходить полосу препятствий), так и неформальные, связанные с вербальными или эмоциональными свойствами человека (например, находить общий язык с разными группами людей, распознавать скрываемую информацию, убеждать и склонять к признанию вины, доводить определенные моменты до сознания человека). Процесс трансформации теоретических знаний в практические умения происходит при обучении в разных формах (тренинги, деловые игры, заучивание и запоминание при повторении), но чаще всего он реализуется через мыслительные процессы — понимание, осмысление, представление механизма осуществления операции. *Умения* — это уровень закрепленности и автоматизма, формируемый под воздействием многократного повторения, применения в тренировках. Это уровень, практически всегда обеспечивающий получение результатов, соответствующих необходимым требованиям, но умения не всегда трансформируются в навыки. Например, умение обезвредить вооруженного преступника (т. е. знание основных техник и правил построения борьбы, дополненное практикой тренировок) может вначале вызывать у человека тревогу, волнение, сопровождаться неудачами, а в процессе повторения будет приводить к успеху и формированию определенных навыков.

Третий — высший уровень формирования — навыки, характеризуется рядом элементов, которых нет у умений: появление *слаженной связи* между уровнями вызываемого *эмоционального, физического и умственного* напряжения; более сокращенный временной интервал между получением мозгом сигнала о необходимости действия и совершаемым действием; гарантированное хорошее качество продукта в результате применения навыка. Знания, наложенные на практику их применения сотрудником, изначально формируют у него умения, которые (в случае длительного успешного решения определенных задач и выполнения служебных операций) способствуют формированию навыка. У курсантов навыки формируются только по определенным направлениям (владение оружием, самооборона и др.). Но когда они начнут самостоятельную деятельность, умения

и навыки, выработанные в процессе обучения, способствуют через определенное время появлению опыта.

Опыт — это главный фактор перехода умений и навыков в русло профессионализма. При снижении объемных характеристик или при возникновении временного вакуума неиспользования навыки могут обратно трансформироваться в умения. Следовательно, опыт — это продукт непрерывного совершенствования.

Знания, умения и навыки при их применении в сфере деятельности всегда проходят сквозь призму *личностных качеств* и ценностных установок каждого сотрудника. Говоря о личностных свойствах, мы имеем в виду не только классические: характер, темперамент, когнитивно-эмоциональные качества и способность нестандартно взглянуть на проблему, умение использовать междисциплинарные знания для решения профессиональных задач, способность видеть вопрос в системном ракурсе, но и инстинкты. *Агрессия* — один из «большой четверки» инстинктов (голод, секс, страх). Она свойственна всем животным и человеку, но в той или иной мере: природа таким способом позаботилась о всесторонней самозащите человека и животных. Один и тот же набор знаний, умений, навыков может приводить к возникновению различных форм и стилей поведения (в зависимости от выраженности агрессии как формы психологической защиты). У сотрудников ОВД эта форма, казалось бы, инстинктивной психологической защиты усиливается в каждодневной и однообразно тяжелой работе, сотрудники правоохранительных органов часто являются мишенью для критики и обвинений со стороны граждан, средств массовой информации, системы правосудия, прокуратуры, собственной администрации. Эти моменты, критические инциденты, экстремальные ситуации накапливаются и закрепляются в их сознании в виде определенного *психотравмирующего опыта*, а в некоторых случаях ведут к развитию неблагоприятных психических состояний и хронических форм посттравматического стрессового расстройства. В этих условиях у многих свойственные полицейским смелость, активность, решительность сменяются инертностью и чувством вины как реакцией на профессиональный стресс. Это ведет к появлению противоречивых тенденций, порождает внутренний конфликт. Помимо стрессов, связанных со спецификой работы и социальным давлением, негативное воздействие на сотрудника оказывает ухудшение домашних и служебных отношений, что усугубляет совокупный эффект накопления усталости, который изнашивает защитные механизмы организма, делая его более уязвимым при экстремальных ситуациях. Как говорил Г. Селье, имея в виду мозговые реакции, «где тонко, там и рвется».

Более того, профессия полицейского как социальная функция предъявляет сотруднику противоречивые требования. С одной стороны, диктуется необходимость подчинения, жесткая иерархия, обуславливающая авторитарный стиль управления, нивелирующая индивидуальность. С другой стороны, даются властные полномочия, требующие способности самостоятельно мыслить, принимать решения. Умение сочетать способности вла-

ствовать и подчиняться требует от человека не только определенного запаса знаний и эрудиции, но наличия мыслительной гибкости, опыта.

Для изучения развивающего и корректирующего влияния обучения (учебного процесса) на ПВК мы исследовали 4 группы курсантов — будущих оперативных сотрудников, на которых еще не повлияли психотравмирующие факторы профессиональной деятельности, — до обучения курсу формирования коммуникативной компетентности и конструктивного поведения при общении в социуме (тренинги) и после прохождения курса. Ниже мы представляем данные исследований групп (наблюдения и тестирования) — будущих оперативных сотрудников полиции — по методике коммуникативной установки и психологической защиты в общении В. В. Бойко.

Предвестники неблагоприятных психических состояний и профессиональной психической дезадаптации (перенапряжение психики в связи со сложной трудовой деятельностью или учебой) часто проявляются в виде завуалированной или открытой жестокости, агрессии, «психологического дискомфорта — брюзжания», в обиходе это называется нервозностью. Их можно выявить тестовыми методами до того, как это обнаружится другими способами, даже раньше, чем это дойдет до сознания окружающих или самого человека. Поэтому методы психодиагностики (т. е. диагностики психических свойств и состояния человека) являются надежным и тонким инструментом предупреждения развития нервного срыва, алкоголизации, аутоагрессивных и гетероагрессивных проявлений у сотрудников и курсантов. На рисунках 1 и 2 представлен анализ результатов исследования на итоговом этапе обучения курсантов. Распределение средних результатов предварительного и итогового тестирования показало снижение проявления негативных коммуникативных установок в учебной группе.

Для определения влияния учебного процесса, включающего тренинг по общению, мы использовали t-критерий Стьюдента для зависимых выборок.

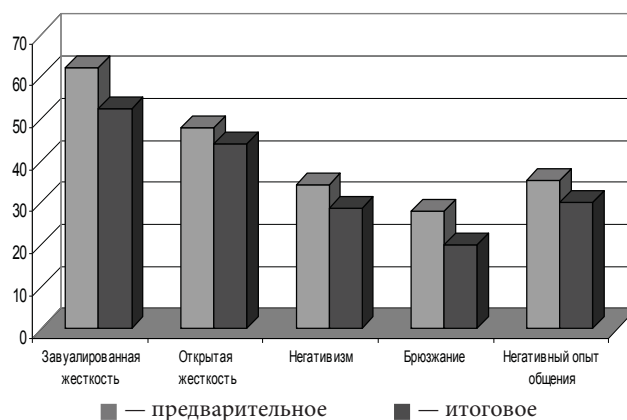

Рис. 1. Сравнительный анализ результатов исследования негативных коммуникативных установок по методике В. В. Бойко между предварительным и итоговым тестированием по окончании курса обучения (баллы)

Сравнительный анализ результатов исследования по окончании учебного курса (рис. 1) показывает, что у курсантов значительно снизился уровень проявления завуалированной ($p < 0,01$) и открытой жестокости ($p < 0,05$). Появилось умение смягчить открытость и резкость в суждениях по отношению к окружающим и находить способы устранения негативной оценки, сделанной ранее. На уровне статистической значимости выявлено снижение проявлений негативизма ($p < 0,05$), что демонстрирует формирование у курсантов умения разумно переоценивать отношение к людям и взаимодействовать в общении.

Уровень брюзжания в общении также статистически значимо снизился ($p < 0,01$), что свидетельствует об исчезновении склонности делать необоснованные обобщения негативных фактов в социуме.

Негативный опыт общения снизился ($p < 0,05$), что говорит о переоценке и пересмотре определенных ситуаций в прошлом, в которых курсанты переживали конфликт в учебной группе и не могли разобраться, кто прав.

Уровень проявления психологической защиты при общении выявлялся методикой диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении В. В. Бойко (рис. 2). На предварительном тестировании доминирование миролюбия наблюдалось только у 15,6%, в то время как на итоговом этапе тестирования — у 51,8%.

Для избегания характерно нулевое стремление к кооперации, отсутствие тенденции к достижению собственных целей. Мы рассматривали избегание как пассивную форму защиты в общении, оно наблюдалось у 43,7% курсантов от всей выборки до обучения, на итоговом тестировании — только у 15%, что свидетельствует об эффективности учебного процесса, который включал обучение конструктивным формам и приемам асертивности в общении с партнером.

Снижение агрессивности по отношению к партнеру тоже отражено на рис. 2. Произошло замещение доминирующих форм агрессивной защиты в общении миролюбивыми. Эти результаты говорят о формировании таких форм поведения в общении курсантов, которые не приводят к конфликтам и агрессии, что очень важно выявлять у лиц, которым выдается *огнестрельное оружие*.

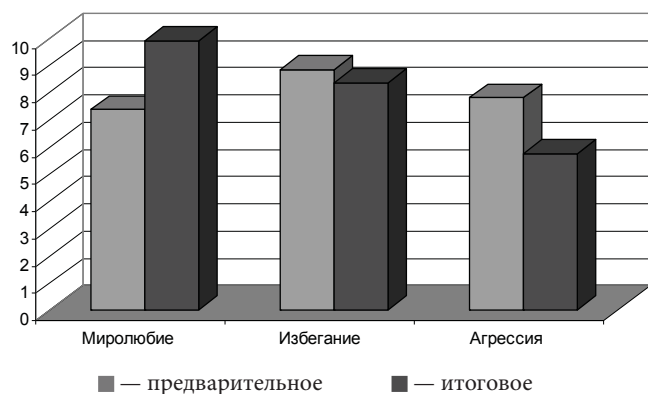

Рис. 2. Сравнительный анализ результатов исследования защит предварительного и итогового тестирования (по методике В. В. Бойко)

Статистический анализ показал повышение уровня миролюбия ($p < 0,01$) на 35,69% по отношению к предварительному тестированию и снижение уровня агрессивности в общении ($p < 0,01$) на 25,38%.

Процесс обучения (получение знаний, умений, навыков), являясь основой формирования профессионально важных качеств, способствует снижению уровня такого неблагоприятного психического состояния, как *агрессивность*, особенно при обучении бесконфликтным формам преодоления барьеров общения.

Данные, полученные при тестировании до и после обучения, позволяют говорить о трансформации неблагоприятных психических реакций в разумные, уравновешенные процессы, не вызывающие накопления разрушительных, деструктивных последствий в поведении будущих сотрудников полиции. Прогностические оценки, полученные с помощью статистического анализа, показали, что уровень негативизма и агрессии (как характеристики неблагоприятных психических предвестников и коммуникативного барьера) снижается при условии повышения уровня знаний, коммуникативных способностей и умений формировать бесконфликтные ситуации.

Неблагоприятные психические предвестники состояния курсантов показали, что снижение психофизических возможностей связано с нарушением процессов психической уравновешенности и адаптивности. После обучения и приобретения навыков общения наметилась тенденция к снижению открытого и скрытого жестокости обращения с окружающими, эмоций негативизма и брюзжания, негативного опыта общения и приобретению умения реагировать обдуманно в случае агрессивного воздействия (см. рис. 1, 2).

Результаты диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении (см. рис. 2) показали нарастание миролюбия, сотрудничества, компромисса, а в целом — параметров конфликтоустойчивости, гибкости в общении. Выявлены и другие улучшения в сфере когнитивной и эмоционально-волевой сферы.

Проведенные исследования показали, что в процессе обучения нивелируются неблагоприятные психические качества личности, связанные с недостатком знаний и, возможно, дефектами воспитания, что устраняет условия возникновения и развития неблагоприятных психических состояний, обусловленных адаптацией к требованиям учебного процесса. Практическим психологам необходимо учитывать, что у многих курсантов при поступлении на службу имеется основа требуемых профессией качеств. В процессе деятельности (в связи с завышенными требованиями и вредностями среды), с одной стороны, у них накапливается опыт, с другой — происходит нивелировка необходимых психологических профессионально важных качеств. Возможно, этот феномен связан с необходимостью у многих сотрудников постоянной конспирации, с длительным контактом с негативными явлениями социума, с экстремальными факторами оперативно-служебной обстановки, с отрицательным восприятием их деятельности со стороны граждан и отсутствием своевременной квалифицированной психологической помощи.

Проведенный анализ литературы и психодиагностика свойств личности претендентов на деятельность показали, что при всем многообразии исследованных психические состояния полицейских, приведшие к криминальным результатам, изучены мало и поверхностно. Поэтому существует необходимость интеграции и разработки новых знаний о профессиональных особенностях деятельности сотрудников ОВД.

При проведении психокоррекционной работы и отборе сотрудников по направлениям деятельности, связанным с ношением оружия, практическим психологам необходимо диагностировать уровень выраженности предвестников неблагоприятных психических состояний (негативизм, агрессия, жестокость), которые способствуют возникновению конфликтов при общении, могут привести к фрустрации, аффектам, стрессам и деструктивному поведению в виде *суицидов и гетероагрессий*.

Знания, умения, навыки, опыт, формируя фундаментальную начальную структуру психологических профессионально важных качеств, в определенной степени превентивно разрушительное действие неблагоприятных психических состояний в процессе деятельности.

¹ Човдырова Г. С., Оситова М. И., Клименко Т. С. Психологические свойства, препятствующие эмоциональному «выгоранию»

личности как синдрому развития хронического стресса // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3(58). С. 88–90.

² Човдырова Г. С., Клименко Т. С. Психологическая диагностика и развитие коммуникативной компетентности сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие. М., 2014. 97 с.; Човдырова Г. С., Акентьев П. В., Бродченко О. И. [и др.]. Психодиагностика и развитие психологических профессионально важных качеств сотрудников отдельных оперативных подразделений системы МВД России: учебно-метод. пособие. М., 2004. 178 с.; Човдырова Г. С., Кубышко В. Л., Клименко С. К. [и др.]. Психология профессионального общения оперативных сотрудников полиции с гражданами: учебное пособие. М., 2013. 127 с.

³ Караваев А. Ф., Крук В. М., Носс И. Н., Виноградов М. В. Проблемы личностно-профессиональной диагностики в профотборе кандидатов на службу в органах внутренних дел и оценки надежности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3(62). С. 106–113; Цветков В. Л., Хрусталева Т. А. Профиль профессиональных компетенций психолога органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2(61). С. 22–26; Караваев А. Ф. Психолого-педагогические основы профессионального становления специалистов сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие. М., 2005. 332 с.; Его же. Психолого-педагогическое обеспечение профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел: монография. Омск, 2005. 284 с.; Пряхина М. В. Личностно-ориентированные технологии в работе с кадрами полиции Земли Северный Рейн-Вестфалия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2(50). С. 244–246.

УДК: 616.89-008.4-08:316.624.3+37.015.3

НАПРАВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ ДЕТЕЙ С ДЕВИАНТНЫМИ ФОРМАМИ ПОВЕДЕНИЯ И С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

И. В. Гранкина, Т. И. Иванова

В статье представлены результаты исследования патогенетических факторов формирования девиантных форм поведения у детей с психическими расстройствами, включающие анализ влияния конституционально-биологических, ранних органических нарушений и социализации ребенка, определяющих направление психолого-педагогической коррекции.

Ключевые слова: дети, девиантные формы поведения, факторы формирования.

В настоящий момент одной из актуальных и злободневных задач отечественной и мировой психиатрии является изучение причин роста несовершеннолетней преступности, связанной с насилием и жестокостью¹. Темпы прироста с 1992 по 1997 гг. умышленных убийств, совершенных несовершеннолетними, составили 177,8%, тяжких телесных повреждений — 120,8%, разбоев — 139,0%². Согласно данным МВД РФ, показатели криминальной активности в стране у несовершеннолетних остаются высокими, сохраняется тенденция роста тяжких и особо тяжких преступлений³. С 1989 по 2000 гг. количество участников преступлений в возрасте 16–17 лет увеличи-

лось на 55%, а несовершеннолетних правонарушителей, не достигших 14 лет (возраст привлечения к уголовной ответственности), — на 14,6 %. В некоторых регионах страны треть «подростковых» преступлений совершается детьми до 13 лет⁴. Одна из причин данного обстоятельства — высокая распространенность отклоняющихся (девиантных) форм поведения в детско-подростковой среде. Количество детей и подростков, имеющих отклоняющиеся формы поведения, составляет 20–60% детей школьного возраста⁵.

Многочисленные исследования детско-подростковой психиатрии разных школ подчеркивают тот факт, что расстройства поведения в детском возрасте, приводящие к росту подростковой преступности, тесно связаны с психической патологией⁶. По некоторым данным, от 60 до 80% несовершеннолетней преступности приходится на подростков, имеющих психические аномалии⁷. При этом Т. Б. Дмитриева отмечала: чем младше несовершеннолетний правонарушитель, тем чаще у него отмечаются нарушения развития, психические расстройства и социально значимые болезни⁸. Существует мнение, что рост агрессивного поведения среди детей и подростков связан с общим увеличением количества детских психических расстройств⁹. Считается, что наличие психической патологии приводит как к большей распространенности, так и к большей тяжести нарушений поведения у детей и подростков¹⁰. Выраженные наруше-

ния поведения в виде агрессивных проявлений наблюдаются не менее чем у 25% больных в детских и подростковых психиатрических отделениях¹¹.

Растет и число несовершеннолетних преступников, страдающих психическими расстройствами¹². Например, 19% подростков, находящихся в местах лишения свободы, имели значительные нарушения соматического здоровья, 42% злоупотребляли психоактивными веществами и 7% нуждались в лечении у психиатра¹³. Выявлено, что почти 40% осужденных подростков имеют диагностические критерии аффективных расстройств, 50% употребляли психоактивные вещества, 68% имели суицидальные идеи или попытки до момента заключения под стражу¹⁴. В свете указанного особый интерес представляет изучение факторов, влияющих на формирование отклоняющихся форм поведения, особенно у детей с психическими расстройствами.

Причины формирования отклоняющихся форм поведения в детском возрасте¹⁵ — это кульминация множества факторов, включая историю развития, наличие насилия в детстве и психопатологию.

Обобщая данные по причинам возникновения девиантного синдрома в детско-подростковом возрасте, Комитет превентивной психиатрии выделил биологические, психологические и социокультурные факторы, связанные с насилием. Это низкий социально-экономический статус, «трудный» характер, хроническая болезнь, психиатрическая коморбидная и родительская психопатология. Большое значение имеет взаимодействие детских и подростковых психиатров и сотрудников правоохранительных органов в профилактике насилия среди молодежи¹⁶.

Р. М. Масагутов, изучая формирование патологически агрессивного поведения среди детей и подростков, выделил ряд биопсихосоциальных факторов¹⁷. Факторами риска отклоняющегося поведения среди детей 3–11 лет являлись: возбудимый темперамент ребенка, родительская агрессия, перинатальная энцефалопатия, ранняя эмоциональная депривация со стороны матери и демонстрация насилия и жестокости со стороны отца либо агрессивное хобби. Риск агрессии подростков в возрасте 12–17 лет определялся употреблением психоактивных веществ, нарушением формирования когнитивного и эмоционального звеньев эмпатии, ранним резидуально-органическим поражением головного мозга, а также негативным влиянием криминальной субкультуры и делинквентных сверстников.

Возраст от 12 до 14 лет представляет особую группу риска по возникновению отклоняющихся форм поведения в связи со множеством факторов.

Во-первых, сказываются внутренние трудности переходного возраста, начиная с психогормональных процессов и заканчивая перестройкой Я-концепции.

Во-вторых, пограничность и неопределенность социального положения подростков.

В-третьих, противоречия, обусловленные перестройкой механизмов социального контроля: детские формы контроля уже не действуют, а взрослые способы, предполагающие дисциплину и самоконтроль, еще не сложились или не окрепли.

Подростковая делинквентность в подавляющем большинстве имеет социальные причины, прежде всего — недостатки воспитания. От 30 до 85% делинквентных подростков вырастают в неполной семье (т. е. без отца) или в семье деформированной — с недавно появившимся отчимом, реже — мачехой.

Росту делинквентности среди подростков сопутствуют социальные потрясения, влекущие безотцовщину и лишения детей семейной опеки¹⁸.

Отечественные психологи, принимая во внимание природные предпосылки делинквентности, считают, что формирование отклоняющегося поведения — это процесс не только биологических, но и социальных причин, причем последние имеют большее значение. В качестве социального влияния значимы внутрисемейные конфликты, воздействие примера подростковых групп, информационный климат, преобладание определенных ценностей в обществе и т. д.¹⁹

Отдельную группу факторов формирования отклоняющегося поведения составляет семья ребенка как фактор, определяющий психофизиологическую полноценность или ущербность детей. Неблагополучная семья может оказывать разлагающее воздействие на формирующую личность, препятствовать ее нормальному развитию. Отрицательные семейные условия, отсутствие нормальной нравственной среды, нарушение психологического контакта с близкими людьми остро переживаются детьми²⁰.

Подчеркивая полифакторность возникновения отклоняющегося поведения, с несомненным участием как биологических предубеждений, так и социально-средовых факторов, недостаточно изучены причины возникновения девиантных форм поведения у детей с различными группами психических расстройств. Особый интерес представляет исследование отклоняющегося поведения в детском возрасте, что позволяет исключить онтогенетические причины формирования нарушенного поведения.

Нами проведено изучение невыборочной группы больных, включающей все случаи госпитализации в детское стационарное отделение детско-подросткового комплекса БУЗОО «КПБ им. Н. Н. Солодников» в 2011–2013 гг. это 1276 случаев (n — 492 — 2011 г.; n — 379 — 2012 г.; n — 405 — 2013 г.) Все находящиеся на стационарном лечении проходили первичное клиническое психопатологическое обследование, направленное на выявление детей с ведущим психопатологическим синдромом, определяемым выраженными нарушениями поведения. Объектом исследования послужили 130 детей: 105 мальчиков (80,7%) и 25 девочек (19,3%), находящихся на лечении в детском психиатрическом стационарном отделении БУЗОО «КПБ им. Н. Н. Солодников» с симптомами отклоняющегося поведения. На момент обследования 6,9% детей исследуемой группы состояли на учете в инспекции по делам несовершеннолетних в связи с совершением противоправных деяний (кражи, мелкое хулиганство, драки со сверстниками). При изучении нозологической принадлежности выявленного психопатологического синдрома нами

было установлено, что девиантные нарушения поведения чаще отмечались у детей с умственной отсталостью (F 70, F 71 — 43,1%; $n = 56$), практически равнозначное нарушенное поведение отмечалось как у детей с органическими поражениями личности (F 07.0 — 30,0%; $n = 9$), так и у детей с психическими расстройствами шизофренического спектра (F 20.8, F 21.8 — 26,9%; $n = 35$). Эта тенденция подтверждается данными Н. А. Бохана²¹: при олигофрении часто отмечаются выраженные нарушения поведения. Для определения факторов, влияющих на формирование отклоняющихся форм поведения у детей с психическими расстройствами, были набраны контрольные группы детей со сходными психическими расстройствами: умственная отсталость — 39,6% ($n = 48$), органические расстройства личности — 32,2% ($n = 39$) и расстройства шизофренического спектра — 28,2% ($n = 34$). Отобранная группа детей была сходна по основным демографическим показателям (пол, возраст, место жительства).

Изучение предиспозиционных факторов возникновения отклоняющегося поведения у детей с различными видами психопатологии складывалось из следующих составляющих:

1. *Анализ конституционально-биологических факторов: наследственности, конституциональных особенностей характера родителей.*

Изучая наследственность детей с психическими расстройствами (с наличием отклоняющихся форм поведения и без), выявлено, что у детей с девиациями, как правило, наследственность была неизвестна (36,1% исследуемая и 17,4% контрольная группы) в связи с тем, что в исследуемой группе большое количество детей, находящихся в условиях социальной опеки. Среди родственников детей с отклоняющимися формами поведения реже отмечалась отягощенная наследственность по психическим расстройствам (25,3% исследуемая группа и 35,6% контрольная). Среди всех психических нарушений в роду детей с психопатоподобными формами поведения чаще отмечался алкоголизм (16,9% и 13,2% соответственно). При анализе характерологических особенностей родителей в исследуемой и контрольной группах было выявлено, что ярко выраженные характерологические черты родителей с одинаковой частотой отмечались как у детей, имеющих отклоняющиеся формы поведения, так и у детей из контрольной группы — без девиантных расстройств. Однако в группе детей с отклоняющимися формами поведения характерологические особенности отцов были неизвестны (36,2% детей), что в очередной раз подчеркивает часто возникающие поведенческие проблемы детей, воспитывающихся в неполных семьях. У матерей детей с девиантными формами поведения чаще отмечались раздражительность и вспыльчивость (23,8% матерей детей с отклоняющимися формами поведения и 8,4% матерей детей без нарушений поведения) ($p < 0,05$).

2. *Анализ оценки предпосылок и проявлений ранних органических нарушений (течение беременности и родов у матери, особенности раннего периода развития) — по-*

казателей, характеризующих многообразную органическую симптоматику, формирующуюся вследствие черепно-мозговых травм, инфекций, интоксикационной патологии.

Изучение патологии *перинатального периода* в исследуемых группах выявило, что во всех группах исследования большинство (у матерей детей с психическими расстройствами) имели различные перинатальные вредности. У матерей детей с отклоняющимися формами поведения чаще отмечалась угроза прерывания беременности (26,1% исследуемая группа и 13,2% контрольная), соматические осложнения во время беременности (13,1% и 9,1% соответственно) ($p < 0,05$). Часто отмечались инфекционные заболевания (6,2% исследуемая группа и 2,5% контрольная) и психотравмирующие события во время беременности (6,2% в группе детей с нарушенным поведением, 4,1% — группа детей без симптомов отклоняющегося поведения). Патология *антенатального периода* встречалась во всех группах исследования, но чаще — в группе детей с отклоняющимися формами поведения (73,1% детей из исследуемой группы и 52,8% детей контрольной группы). Патология *раннего неонатального периода* (первый год жизни) оценивалась по наличию диагностированных соматических (тяжелые простудные, инфекционные заболевания; врожденная патология органов и систем, выявленная на первом году жизни) и неврологических расстройств (перинатальная энцефалопатия, синдром двигательных нарушений, судорожный синдром), наблюдаемых у ребенка на первом году жизни, а также полученные ребенком травмы (переломы, ожоги и черепно-мозговые травмы) на первом году жизни. В ходе сравнительного анализа наличия патологии неонатального периода детей с нарушениями поведения и детей без диагностированных нарушений форм поведения, выявлено что среди детей с психическими расстройствами без симптомов отклоняющегося поведения патология раннего неонатального периода встречалась чаще (78,5% контрольная группа и 68,8% — исследуемая).

3. *Анализ социализации ребенка:* социальная адаптация ребенка, среда воспитания (семья, патологизирующие формы воспитания).

При изучении аспектов социализации ребенка рассматривались основные социальные институты, присущие детям в современном обществе (детский сад, дошкольные образовательные учреждения и школа). Среди аспектов адаптации рассматривалась социальная активность ребенка (формирование дружеских отношений в детской среде, особенность игровой деятельности, способность к усвоению программного материала). Плохой адаптацией ребенка считалось отсутствие контакта со сверстниками, предпочтение общества взрослых или одиночество, нарушение игровой деятельности, агрессивные действия по отношению к взрослым и детям, эпизоды насилия по отношению к сверстникам, отказ от выполнения требований учителей и родителей. При рассмотрении особенностей социализации детей исследуемой и контрольной группы нами было отмечено

но, что трудности в адаптации в детских дошкольных учреждениях и в школе имели дети обеих групп. Однако дети с психическими расстройствами с превалированием в клинической симптоматике отклоняющихся форм поведения имели трудности адаптации в детском коллективе в большей степени (77,1%), чем дети без девиантного синдрома (59,3%). Предпринятый в настоящем исследовании анализ *депривационных факторов* показал, что все дети, имеющие девиантные формы поведения, чаще воспитывались в условиях социального сиротства (32,3% детей из исследуемой группы и 12,6% детей из контрольной группы, в зависимости от нозологии психического нарушения — 5,7% и 0 с F 20; 39,2% и 22,9% с F70-71.0; 46,2% и 10,3% с F07.0) ($p < 0,05$). Исследование социально-средовых аспектов формирования отклоняющихся форм поведения у детей невозможно без изучения особенностей семейного окружения и воспитания ребенка. Большое значение имеет общий культурный уровень родителей, их образование и социальная занятость. В целях изучения социального положения родителей контрольной и исследуемой групп были рассмотрены такие переменные, как возраст родителей, их образование, наличие постоянного рабочего места, получение социального пособия и нахождение в местах лишения свободы. Проведенный анализ показал, что в семьях детей с отклоняющимися формами поведения родители чаще находились в местах лишения свободы. Так, 16,1% матерей и 19,1% отцов детей из исследуемой группы на момент госпитализации в стационар находились в тюрьме, в то время как только 7,9% матерей и 7,4% отцов детей контрольной группы также были осуждены. Обращает на себя внимание тот факт, что у 53,8% детей с отклоняющимися формами поведения отец был неизвестен ($p < 0,05$).

Дети с психическими нарушениями часто имели отличные от нормы формы воспитания в семье. Патологизирующее воспитание — это система осознанных и неосознаваемых воспитательных действий взрослых, вследствие которых создаются условия для хронической фрустрации ребенка и искажение его личностного и физического роста, приводящих в отдельных случаях к формированию расстройств психической сферы. Проведенное исследование показало, что дети с отклоняющимися формами поведения статистически чаще воспитывались в условиях физического насилия (36,2% детей с отклоняющимися формами поведения и 3,3% детей без нарушенного поведения) ($p < 0,05$). При этом в группах детей с психическими расстройствами без нарушения поведения воспитание проходило в семьях с большим количеством форм нарушенного воспитания, среди которых преобладали безнадзорность (15,7%), гипоопека (14,1%), противоречивое воспитание (11,6%). В семьях, где дети имели девиантный синдром, воспитание было сопряжено с физическим насилием (36,2% детей) и безнадзорностью (8,5% детей).

Проведенное исследование показало, что в формировании отклоняющихся форм поведения среди детей с психическими расстройствами в большей сте-

пени имеет значение среда воспитания, затем — социальная адаптация ребенка и уже после пре-, пери-, анте- и неонатальной патологии. Для оценки значимости этих переменных в возникновении девиантного синдрома все показатели подвергнуты дихотомической оценке (0 — 1) в целях облегчения их дальнейшей статистической обработки, определена сила связи каждого из этих признаков между собой, вследствие чего рассчитано более 1000 коэффициентов корреляции. В связи с большим количеством переменных целесообразно от многочисленных признаков перейти к небольшой группе факторов, существенно влияющих на результирующий признак. Наиболее оптимальным методом оценки полученных результатов является факторный анализ, позволяющий сократить число переменных (произвести редукцию данных) и определить структуры взаимосвязей между ними (их классификацию). В результате будут сформированы независимые друг от друга факторы, имеющие ранжированное значение в формировании девиантного синдрома у детей с психическими расстройствами.

При проведении исследования predisпозиционных факторов формирования отклоняющихся форм поведения у детей с психическими расстройствами выявлены девять факторов, имеющих наибольшее значение в возникновении девиантного синдрома:

- отсутствие перинатальной патологии (0,172% от общей доли дисперсии);
- малая перинатальная патология (0,105%);
- формальная социальная адаптация (5,052 %);
- высокие притязания и слабая реализация (4,231%);
- дизонтогенез социального развития (3,093%);
- фактор социального сиротства (0,155 %);
- нарушение семейных иерархических ценностей (0,070%);
- дисгармоничные семейные отношения (0,051%);
- многодетная семья (0,043%).

В генезе формирования отклоняющихся форм поведения у детей с психическими расстройствами наибольшее значение имеет нормальный социальный онтогенез ребенка, ближайшее окружение, среда воспитания. Органическая несостоятельность нервной системы врожденного генеза имеет наименьшее значение в генезе формирования отклоняющихся форм поведения у детей. Формирование превентивной программы профилактики преступности несовершеннолетних должно в первую очередь ориентироваться на создание наиболее благоприятной социальной среды воспитания ребенка.

¹ Дмитриева Т. Б. Социальная психиатрия в детско-подростковом возрасте: клиническая реальность нашего времени // Российский психиатрический журнал. 1999. № 3. С. 10–14; Джонгман Э., Бейли С. Информационное письмо Европейской ассоциации судебных детских и подростковых психиатров и психологов (EFCAP) // Российский психиатрический журнал. 2000. № 2. С. 68–71; Pratt H. D., Greydanus D. E. Adolescent violence: concepts for a new millennium // *Adolesc Med.* 2000. Vol. 11. N 1. P. 103–125.

- ² Дмитриева Т. Б. Указ. соч. С. 10–14.
- ³ Дмитриева Т. Б. Основные направления социально-психиатрической помощи несовершеннолетним с проблемами развития и поведения // Российский психиатрический журнал. 2001. № 4. С. 4–8.
- ⁴ Там же. С. 4; Саркисова И. А. Клиническая и судебно-психиатрическая оценка агрессивного криминального поведения у детей и подростков: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2003. 23 с.
- ⁵ Links P. S., Offord D. R., Boyle M. H. Correlates of emotional disorder from a community survey // Canadian journal of psychiatry. Revue canadienne de psychiatrie. 1990. N 35(5). P. 419–425.
- ⁶ Вострокнутов Н. В., Василевский В. Г. Патологическое агрессивное поведение детей и подростков. Комплексная оценка на этапах возрастного психического развития // Российский психиатрический журнал. 2000. № 2. С. 12–19; Anderson M. Mental illness and criminal behaviour: a literature review J. Psychiatr Ment Health Nurs. 1997. Vol. 4. N 4. P. 243–250; Kumpulainen K., Rasanen E., Henttonen I. [et al.]. Bullying and psychiatric symptoms among elementary school-age children // Child Abuse Negl. 1998. Vol. 22. N 7. P. 705–717.
- ⁷ Шевченко Ю. С., Венгер А. Л. Детская и подростковая психиатрия и медицинская психология. М., 2006. 548 с.
- ⁸ Дмитриева Т. Б. Указ. соч. С. 10–14.
- ⁹ Вострокнутов Н. В., Василевский В. Г. Указ. соч. С. 17.
- ¹⁰ Гурьева В. А. Проблемы современной подростковой психиатрии / под ред. Т. Б. Дмитриевой. М., 2001. С. 8–15; Вострокнутов Н. В., Василевский В. Г. Указ. соч. С. 18.
- ¹¹ Ниссен Г. Агрессивность и аутоагрессивность у детей и подростков // Социальная и клиническая психиатрия. 1992. Т. 2. № 4. С. 13–20.
- ¹² Кривулин Е. Н. Клиническая типология и динамика депрессивных реакций при пенитенциарной дезадаптации у подростков (факторы риска, психиатрическая и наркологическая коморбидность, профилактика): автореф. дис. ... докт. мед. наук. Томск, 2005. 54 с.; Dolan M., Holloway J., Bailey S. [et al.]. Health status of juvenile offenders. A survey of young offenders appearing before the juvenile courts // Adolesc Med. 1999. Vol. 22. N 1. P. 137–144.
- ¹³ Dolan M., Holloway J., Bailey S. Op. cit. P. 144.
- ¹⁴ Wierson M., Forehand R. L., Frame C. L. Epidemiology and treatment of mental health problems in juvenile delinquents // Adv Behav Res Ther. 1992. N 14. P. 93–120.
- ¹⁵ Kashani J. H., Darby P. J., Allan W.D. [et al.]. Intrafamilial homicide committed by juveniles: examination of a sample with recommendations for prevention // Forensic Sci. 1997. Vol. 42. N 5. P. 873–878.
- ¹⁶ Бейли С. Садистические и насильственные действия детей и подростков // Российский психиатрический журнал. 1999. № 3. С. 24–27; Heide K. M. Juvenile homicide in America: how can we stop the killing? // Behav Sci Law. 1997. Vol. 15. N 2. P. 203–220; Dahlberg L. L. Youth violence in the United States. Major trends, risk factors and prevention approaches // Prev Med. 1998. Vol. 14. N 4. P. 259–272.
- ¹⁷ Масажутов Р. М. Клинико-психопатологические особенности агрессивного поведения несовершеннолетних на криминальном и докриминальном этапах: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 2003. 40 с.
- ¹⁸ Личко А. Е. Эти трудные подростки: записки психиатра. Л., 1983. 126 с.
- ¹⁹ Степанов В. Г. Психология трудных школьников. М., 1988. 207 с.
- ²⁰ Фельдштейн Д. И. Психология воспитания подростка. М., 1978. 54 с.
- ²¹ Профилактика аддиктивных состояний в детско-подростковом возрасте: Актуальные проблемы, перспективы и пути решения: мат-лы Всероссийской конференции с международным участием, 10–11 октября / под ред. Н. А. Бохан. Томск, 2003. С. 5–12.

УДК 159

МОББИНГ — ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕРРОР ОБУЧАЮЩИХСЯ

Б. П. Яковлев, Г. Д. Бабушкин

В статье рассматриваются вопросы характеристики и проявления моббинга в социальной среде, причины его возникновения и последствия. Анализируются организационные и личностные факторы возникновения и развития моббинга. Приводятся возможные пути его преодоления и профилактики.

Ключевые слова: психологический моббинг, образование, школа, прессинг, одаренные дети.

Перемены в образовании, связанные с реформированием и внедрением новых ФГОС в систему школьного и высшего образования, вызывают большие психические нагрузки как для учащихся, так и для педагогов, создаются предпосылки для проявления деструктивных форм поведения, эмоциональной напряженности, которые мешают качественной и продуктивной учебной деятельности обучающихся. Одной из деструктивных форм является «моббинг».

Моббинг как социально-психологический феномен в современном значении термина был впервые употреблен шведским исследователем психологии труда Х. Лейменном, изучавшим в начале 80-х гг. XX в. особенности поведения людей в коллективе. Х. Лейменн назвал отмеченный феномен моббингом и охарактеризовал его как «психологический террор», который включает систематически повторяющееся враждебное и неэтичное отношение одного или нескольких людей, направленное на другого человека¹.

Традиционно выделяют два вида моббинга:

1) *вертикальный* — «боссинг» (*bossing*), когда психологический террор в отношении работника исходит от начальника;

2) *горизонтальный* — когда психологический террор исходит от коллег. В англосаксонском диалекте это понятие обозначают как буллинг (от англ. *bullying* — тиранить, издеваться).

Моббинг начинает проявляться в самой ранней групповой общности — в детском саду. В дальнейшем психологический моббинг в горизонтальном и верти-

кальном видах проявляется в школе. Школьный моббинг выступает в различных формах агрессивного поведения учащихся: издевательства, высмеивание одноклассников, которые, возможно, не так, как принято в их среде, одеваются или очень способны к изучаемым предметам; но бывает и наоборот — плохо одеваются и малоспособны, отстают в учебе, с дефектами речи, зрения, слуха, полные, высокие, очень худые и маленькие, имеющие дефекты движения и т. п. Это ребята, как правило, некрасивые, слабые, впечатлительные — больше, чем остальные, они обращают на себя внимание поведением или физическими особенностями. Моббинг может начаться и против новичка, который перевелся в другую школу и попал в устоявшийся коллектив (например, подростковый). К школьному моббингу можно отнести следующие деструктивные виды-вариации: распространение необоснованных слухов; высмеивание; насмешки; бойкот; ябедничество; предоставление ложной информации; доносительство; причинение вреда здоровью; изнасилование; попытки суицида. Иногда доходит до того, что агрессивные действия против жертв снимают на видео и размещают в Интернете.

Многим детям сразу ставят клеймо: «ату, не свой», так как у них не тот внешний вид, не та манера разговора, они не курят, пиво не пьют, у них не такая прическа, они слушают не ту музыку и пр. Пребывание в недружественной среде, невозможность постоять за себя и защититься, беспомощность, которую одноклассники используют для насмешек и издевательства, — это серьезная психологическая проблема для детей, родителей, педагогов. Моббинг сопровождается созданием группировок в школьном коллективе, подключением к психологическому давлению товарищей из других классов.

В школьном коллективе, переживающем подобные деструкции, происходит процесс не только социально-психологической дифференциации учащихся от класса к классу, от одной ступени к другой, но и возникновения полярно-мотивированных подгрупп со своими девиантными лидерами и маргинальными личностями². Эти и другие негативные явления усиливаются при неблагоприятной организации труда, недостаточной управленческой компетентности педагогов, практических психологов, заведующих учебно-воспитательным процессом и при низкой эффективности руководства школы. В условиях изменения деятельности учителя и преподаватели должны приложить немало сил, чтобы сохранить благоприятный социально-психологический климат и эффективность учебной деятельности.

В современной школе данный социально-психологический феномен хорошо известен, но его стараются не афишировать, чтобы не дискредитировать учреждение и районную, муниципальную систему образования. Закрывая глаза на явление школьного моббинга, общество не избавляется от него, напротив, его распространение расширяется, что требует более объективного внимания ученых.

Образовательная практика свидетельствует, что (кроме указанных выше внешних форм вертикального

и горизонтального моббинга) имеет место и так называемый латентный моббинг, под которым понимается внутренняя реакция напряженности, фрустрационная интолерантность, внутренняя конфликтность при коммуникативном, перцептивном, интерактивном взаимодействии с тем или иным субъектом деятельности и, в особенности, с учителями. Внутренние конфликты в лучшем случае выливаются в немотивированные протесты, бунты не только в школе, но и дома, нередко они загоняются внутрь и служат причиной многочисленных неврозов и девиантного поведения.

Часто школьная администрация самостоятельно или при посредстве лояльных руководителей «не замечает» психологический прессинг против конкретных учеников, особенно в тех случаях, когда нет достаточных юридических оснований для наказания прессингующих. Иногда подобный прессинг имеет временной характер и является своеобразным «посвящением» в члены полярно-мотивированных подгрупп. Иногда причиной моббинга становится виктимное поведение: излишнее хвастовство, постоянное «хныкание», игнорирование групповых встреч вне школы, вызывающая манера поведения.

Особого внимания в школе в борьбе с моббингом требуют одаренные дети. Психология и педагогика нового века констатирует, что это очень ценная, но весьма хрупкая часть нашего общества. Такие дети подвержены особому риску, могут направить свои способности как на созидание, так и составить костяк сил, разрушающих это общество. Ребенок, опережающий сверстников, склонен постоянно привлекать к себе внимание. Стремительное выполнение заданий, готовность правильно ответить на вопрос учителя — для него желанная умственная игра, состязание, он торопливее других тянет руку — радостный, предвкушая одобрение. При этом он все время жаждет новой умственной пищи. Но через какое-то время это надоедает учителю, другим ученикам, ему самому. Такой ученик постепенно становится всем в классе в тягость. Для развития потребности ребенка в познании наиболее пагубно именно пренебрежение, безразличие к его познавательной деятельности. Даже запрещение творчества может оказать большее влияние (в случае сильной потребности в познании), чем равнодушие.

Одаренные дети в своем развитии подвержены особому риску ввиду некоторых трудностей:

— субъективные трудности — ребенок ощущает себя не таким, как все, когда попадает в среду заурядных детей. Для него характерен высокий интеллект и креативность (творчество), большая тяга (сила) к познанию, он мыслит и живет неординарно;

— трудности контактов со сверстниками. Поиск объекта, у которого имеется новая информация, следовательно, более старшего, а не сверстника. Существует уровень социально оптимального интеллекта, примерно составляющий 125–155 баллов по Векслеру, обеспечивающий его обладателя хорошей способностью к пониманию людей и ситуаций. При меньшем уровне коэффициента интеллекта ребенку хуже удается понимать си-

туацию и строить свое поведение адекватным образом, при более высоком уровне общения может резко нарушаться;

— десинхронизация развития. Заключается в том, что при опережающем развитии отдельных функций одаренный ребенок в других отношениях не отличается от своих ровесников или даже уступает им.

Исходя из перечисленных трудностей, запускается следующий деструктивный механизм: *низкая успеваемость → потеря учебной мотивации → невосприимчивость способностей → утрата интереса к школе → уход в свои проблемы → потеря одаренности → уход в ассоциативное или деконструктивное мотивированное поведение → деперсонализация, маргинальная личность*³.

Поначалу энтузиаст учебных занятий, ребенок становится лишним в школе, происходит отчуждение. Он предпочитает болеть, лишь бы не посещать уроки. В результате уже в первые школьные годы (и тем более в подростковые) многие выдающиеся дети оказываются в конфликте с учителями — это латентный моббинг. А те иногда не знают, чем такой ребенок их раздражает.

Немало дополнительных переживаний выпадает на долю одаренного ребенка, если ему почему-либо не даются физкультура или занятия по труду. Другие ученики здесь могут быть не лучше, но они не привлекают к себе пристального внимания. Физическая неумелость, робость ученика, далеко опережающего других в умственном отношении, непременно становятся поводом для насмешек и издевок. Трения с товарищами бывают вызваны тем, во что играют дети: юные интеллектуалы тянутся к различным словесным играм, к шахматам, когда их сверстники — преимущественно к подвижным и более веселым занятиям. Среди выдающихся детей есть своего рода фанаты умственных заданий — иногда они оказываются прогульщиками, которым жалко терять время на уроки в школе, поскольку они отвлекают от того, чем они сейчас увлечены. Некоторые вообще хотели бы заниматься только тем, что для них загадочно и ново. И на кружки многие из них ходят до тех пор, пока еще не научились чему-то, не разобрались, а затем интерес пропадает. Во всем этом выступает одна из показательных и частых черт характера ребенка с ранним подъемом интеллекта — нежелание делать то, что ему неинтересно.

Последствием психологического моббинга является постоянный стресс, приводящий к нервным заболеваниям. У детей (как и у взрослых) может возникнуть синдром burn-out, когда наступает физическое и эмоциональное истощение, приводящее к различным соматическим заболеваниям. Причем эти болезни развиваются не сразу. Вначале переживания ребенка какое-то время не приводят к явно выраженным нарушениям здоровья, однако они накапливаются и проявляются, на первый взгляд, совершенно неожиданно в серьезных нервных срывах. В этих ситуациях важны доверительные отношения ребенка с родителями, ведь нередко ребенок не может разобраться в сложных отношениях с одноклассниками, не чувствует, кто является зачинщиком моббинга, а кто его исполнителем. Если ребенок не просит родителей вмешаться в ситуацию, а считает, что

сам может все уладить, то не нужно на него давить, ходить с жалобами к учителям. Следует ненавязчиво расспрашивать ребенка, быть в курсе его дел. В то же время чрезмерное вмешательство и излишняя опека, особенно над подростком, может привести к неблагоприятным последствиям. Если родители видят, что ситуация с моббингом их ребенка зашла в тупик, следует незамедлительно переводить его в другую школу.

Воздействие школьных факторов риска усугубляется тем, что они действуют комплексно и практически постоянно в течение 10–11 лет. Поэтому даже в случае минимального влияния каждого из факторов, их суммарное воздействие велико. Негативные влияния стресс-факторов риска приходятся на наиболее чувствительный к любым неблагоприятным воздействиям период интенсивного роста и развития организма ребенка.

Отметим, что воздействие на организм человека любого неблагоприятного фактора усиливается, если такое влияние воспринимается как неизбежное, неправдаемое, неизменное. Это в большой мере относится к комплексу школьных факторов риска, которые ребенок не в силах изменить, минимизировать или исключить. Опасность влияния стресс-факторов риска усиливается и тем, что их воздействия на рост, развитие и состояние здоровья детей проявляются не сразу, а аккумулируются в течение нескольких лет. Микросимптоматика этих нарушений не привлекает внимания педагогов и родителей до тех пор, пока они не переходят в выраженную психопатологию.

Психологический моббинг влияет и на формирование такого негативного фактора, который увеличивает величину и влияние психической нагрузки на психику учащихся в условиях образовательного процесса, — психологический кризис⁴. Знание о нем, причинах его появления, закономерностях протекания и прогнозе развития может быть полезно как теоретикам, так и практикам — специалистам, педагогам и психологам в области детской психологии. В практике образования была выявлена еще одна мало изученная особенность психологического кризиса — психологический кризис одаренности. Кризис как естественная и закономерная, всеобщая форма смены одного стабильного состояния другим характеризует многие психические процессы, в том числе и некоторые периоды развития детской одаренности.

К психологическим кризисам одаренности мы отнесим:

— **кризис интериоризации.** В период школьной жизни проблемой для учителей и родителей является перевод орудийно-знаковых действий ребенка в субъективную сферу развития личности. Сложности начинаются с момента начала полноценного освоения абстрактного логического знания и символического аппарата для работы с ним. Процесс требует большого трудолюбия и усидчивости от родителей и детей;

— **кризис конвертации.** Инновационные изменения, преобразования в обществе, экономике происходят динамично, широко и системно. Не только учащиеся, но и взрослые теряются перед внедрением новшеств во все структуры общественной жизни. Маховик кон-

вертации породил проблему чрезмерной изменчивости жизни. Скорость изменений порождает естественную защитную реакцию — человек настраивается не замечать, игнорировать или принимать без эмоций изменения и новые продукты;

— **кризис креативности.** В этом случае высокий творческий потенциал ребенка частично утрачивается в силу невозможности предьявить себя окружающим, получить одобрение или поддержку взрослых, что приводит к трудностям в развитии одаренности в целом. Очень часто образовательные или воспитательные развивающие программы для одаренных детей на самом деле не развивают способности ребенка, а только эксплуатируют их;

— **кризис интеллектуальности** возникает в случае перегруженности одаренного ребенка заданиями, развивающими только интеллектуальные способности, без учета индивидуальных познавательных потребностей ребенка, его личностных смыслов. Главная опасность заключается в том, что интеллект ребенка развивается в ущерб его физическому, эмоциональному и личностному развитию.

— **кризис мотива достижений** возникает, если в процессе формирования личности личностная рефлексия доминирует над интеллектуальной. Это приводит к возникновению негативного «образа Я» и, как следствие, к торможению развития одаренности. Происходит снижение или полная потеря интереса к процессу и результатам своего труда. Это описывается по-разному: или как нарушение волевой регуляции (мог бы, но не хочу); как победа заниженной самооценки (мог бы, но получится плохо); как неадекватная оценка требований социума (мог бы, но это никому не нужно) и т. д.;

— **кризис отчужденности.** Основной путь преодоления кризиса отчужденности средней школы и одаренных детей возможен лишь на приоритетном статусе в построении учебно-воспитательного процесса личности ученика, т. е. на основе учета его индивидуально-психологических особенностей и дифференциации учебно-воспитательного процесса в масштабе всей школьной программы, начиная с первого класса;

— кризис GRATИФИКАЦИИ рассматривается в психологии здоровья как явление, которое может приводить к резкому росту неудовлетворенности результатами своей деятельности, бессилию, разочарованию, фрустрации, снижению мотивации достижений.

В некоторых странах с моббингом в школе борются на государственном уровне. В Швеции впервые состоялся конгресс, рассмотревший эту проблему. На проведении конгресса настаивала сама кронпринцесса Виктория, которую в школе дразнили из-за ее астении. На конгрессе были оглашены статистические данные: моббингу подвергаются почти 10% шведских школьников⁵. Специалисты в области педагогики и психологии считают важным следующее:

— учителя на переменах должны внимательно следить за обстановкой на школьном дворе, чтобы вовремя вмешаться;

— в классах должны быть разработаны обязательные для всех учеников правила, как вести себя при общении друг с другом;

— в случае моббинга должна быть проведена беседа как с жертвой, так и с виновниками. Для этого должны быть привлечены родители и ученики, не замешанные в моббинге⁶.

Рецептов в преодолении психологического моббинга предлагается достаточно, но минимизация деструктивных последствий моббинга в школе должна выступать как комплексная задача, требующая психолого-педагогического обеспечения, избирательных, мотивационно-конструктивных и воспитательных решений.

Моббинг как психологический террор начинает свое проявление еще в дошкольных образовательных учреждениях. Дальнейшего апогея он достигает в школьном возрасте, проявляясь в негативном отношении сверстников и педагогов к отдельным обучающимся, имеющим те или иные особенности в развитии личности. Предотвращение моббинга следует начинать с момента его проявления. Значительная работа в этом направлении должна осуществляться педагогами и работниками детских комнат полиции. Предотвращение и профилактика моббинга позволит предупредить отклонения в социальном поведении детей и подростков.

¹ Leymann H. The content and development of mobbing at work // European journal of work and organizational psychology. 1996. N 5–2. P. 165–184; Leymann H. Mobbing. Psychoterror am Arbeitsplatz und wie man sich dagegen wehren. Reinbek bei Hamburg, 1997. P. 128–135.

² Яковлев Б. П. Одаренность детей: психолого-педагогический аспект. Ханты-Мансийск, 2012. 317 с.

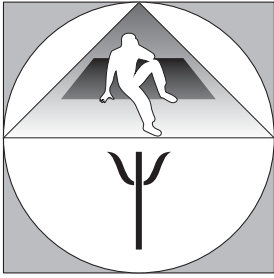
³ Яковлев Б. П., Бабушкин Г. Д., Коваленко Л. А., Бабушкин Е. Г. Мотивации и эмоции в системе психической регуляции делинквентного поведения маргинальных личностей подросткового возраста // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 88–96.

⁴ Там же.

⁵ Дружилов С. А. Психологический террор (моббинг) на кафедре вуза как форма профессиональных деструкций // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3(17); Дружилов С. А. Двухуровневая система высшего профессионального образования: западные традиции и российская реальность // Педагогика. 2010. № 6. С. 51–58; Ениколопов С. Н. Современный терроризм и агрессивное поведение // Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора: сб. ст. / под ред. М. М. Решетникова. СПб., 2004. С. 181–193.

⁶ Пакулина С. А. Преодолевающая адаптация в условиях моббинга в педагогическом коллективе. URL: <http://www.edit.muh.ru/content/mag/trudy/03.2010/07.pdf> (дата обращения: 28.03.2011); Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М., 2007. С. 59–69.

ПЕДАГОГИКА ВЫСШЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

УДК 378.147

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО КРИМИНАЛИСТИКЕ

В. В. Клевцов, Т. В. Булысова

В данной статье рассматриваются особенности формирования криминалистических умений и навыков в ходе проведения практических занятий по дисциплине «Криминалистика» в вузе системы МВД для решения задач по формированию профессиональных компетенций будущих специалистов.

Ключевые слова: практическое занятие, криминалистика, формирование профессиональных компетенций, применение технико-криминалистических средств.

Главным достоянием современного высшего образования стали информационные технологии, применяемые в обучении будущих специалистов, бакалавров, магистров, потребовавшие от преподавательского состава ведомственных вузов освоения педагогических инноваций в преподавании специальных дисциплин. Это имеет прямое отношение к дисциплине «Криминалистика», а также к применению технико-криминалистических средств в процессе обучения будущих профессионалов.

При расследовании преступлений возникает необходимость в применении технико-криминалистических средств как в ходе проведения отдельных следственных действий, так и при оперативно-розыскных и организационных мероприятиях. Лицам, проводящим расследование, необходимы знания, умения и навыки самостоятельного и компетентного применения технико-криминалистических средств.

В соответствии с приказом МВД России № 7 от 11 января 2009 г. «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» сотрудник экспертно-криминалистического подразделения обязан получить допуск к самостоятельному применению технико-криминалистических средств в ходе осмотра места происшествия и других следственных действий, осуществляемых при расследовании преступлений¹. Такой порядок существует для всех сотрудников органов внутренних дел независимо от того, каков профиль их образования (экспертный, юридический или иной). Сотрудниками долж-

на быть освоена криминалистическая техника. Например, по мнению В. М. Быкова, следователь должен знать криминалистику не хуже следователя-криминалиста². Считается, что «следователь и специалист-криминалист имеют, как правило, одинаковые знания, умения и навыки в области криминалистики, полученные в процессе обучения в юридическом вузе, а также в ходе специальной подготовки»³.

Первым и одним из важных этапов овладения профессиональными знаниями следователями является обучение их в юридическом учебном заведении. В рамках общественных и специальных отраслей естественных наук они получают теоретические знания и практические навыки работы с новейшими техническими средствами и методиками. Однако не всегда обучение в юридическом учебном заведении является залогом получения следователями и дознавателями хороших специальных криминалистических знаний. С начала нового века в системе юридического образования проявилась негативная тенденция к снижению общего уровня криминалистической подготовки выпускников вузов. По роду своей деятельности и процессуальным функциям лица, производящие дознание, следователи должны владеть специальными криминалистическими знаниями, с помощью которых можно своевременно обнаружить, всесторонне исследовать и объективно оценить признаки объектов, имеющих доказательственное значение по делу. Наличие у вышеуказанных субъектов специальных криминалистических знаний обусловлено их должностным положением, необходимостью применения технико-криминалистических методов и средств в процессе закрепления следов преступления. Специальные знания в области криминалистики дают возможность должностным лицам самостоятельно находить, например, следы материального подлога в документах; обнаружить, осмотреть, зафиксировать и изъять следы, отображающие внешнее строение объектов (следы рук, ног, орудий взлома и т. д.), а также изучить механизмы их образования; обнаружить, зафиксировать и исследовать различные следы на месте происшествия и т. п.

При проведении диссертационного исследования по проблеме использования специальных знаний при расследовании преступлений В. В. Клевцовым было выявлено, что лица, осуществляющие предварительное расследование, не всегда способны правильно применять технико-криминалистические средства в ходе поиска,

обнаружения, фиксации и изъятия материальных следов преступления. В практике известны случаи, когда самостоятельное применение технико-криминалистических средств и методов лицом, осуществляющим предварительное расследование, привело к порче или уничтожению следов преступления⁴. Рассматривая особенности получения лицами, производящими расследование, специальных криминалистических знаний, отметим, что «следователь обладает специальными знаниями с момента обучения в вузе и практически в процессе своей дальнейшей работы по специальности, включая обучение в целях повышения квалификации»⁵.

Отечественные ученые, говоря о технико-криминалистической подготовке следователей и дознавателей, в своих трудах отмечали, что она проводится формально, без должного индивидуального подхода, необходимой специализации, поэтому на практике следователи неудовлетворительно используют новейшие достижения науки и техники в расследовании преступлений⁶. Уровень подготовленности действующих следователей оставляет желать лучшего, что влияет на качество предварительного следствия. Выпускники юридических вузов на практике методом проб и ошибок приобретают навыки и умения, соответствующие реалиям жизни и специфике деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. А. Ф. Волинский писал: «...очевидно, что следователи, работники органов дознания должны не просто знать о возможностях криминалистической техники, а обладать определенными навыками и умениями ее практического использования»⁷.

Поскольку навыки приобретаются не столько посредством получения знаний, сколько путем простого механического повторения той или иной операции, то для их поддержания необходимо регулярное воспроизведение действий, формирующих основу навыка, для чего и предназначены практические занятия по криминалистической технике.

Обращаясь к опыту педагогической деятельности, отметим, что в настоящее время такие занятия проводятся только на начальном этапе юридической подготовки будущих специалистов. В последующий период обучения данные навыки остаются невостребованными, в результате чего и происходит их постепенная утрата. Чем реже включается определенный материал в деятельность личности, чем менее значимым становится он для достижения актуальных жизненных целей, тем глубже происходит процесс его забывания⁸.

Причина неправильного применения лицами, производящими расследование, технико-криминалистических средств и методов нам видится в недостаточном овладении ими приемами и средствами криминалистической техники, а также в поверхностных знаниях норм, регулирующих порядок использования техники в ходе следственных действий.

Слабые специальные криминалистические знания лиц, осуществляющих предварительное расследование, обусловлены тем, что учебной программой не всегда предусмотрена выработка у них будущих умений и навыков работы с наукоемкими технико-криминали-

стическими средствами. Особенно это относится к тем средствам, для использования которых требуется значительная специальная подготовка, не предусмотренная программой юридического образования.

В данном ключе примечательна позиция А. Ф. Волинского. В качестве основной причины недостаточной профессиональной подготовки юристов он указывает на недостатки их обучения. По его мнению, вузы осуществляют подготовку юристов «широкого профиля», а «юрист широкого профиля» — это такая же профессиональная неопределенность, как и медик, инженер «широкого профиля»⁹. Компетентностный подход, ставший за последние пять лет основным в подготовке кадров в ведомственных вузах, обеспечивает «профильность» и овладение будущими специалистами различными компетенциями. Цель профессиональной подготовки будущих сотрудников МВД в вузе — сформированность профессиональных компетенций в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО, 2012 г.). Реализация этой цели требует перестройки всего образовательного процесса вуза, тщательного отбора содержания дисциплин, пересмотра программ, планов и т. д. Следовательно, на каждом практическом занятии по криминалистике преподавателю необходимо уделять особое внимание формированию профессиональных компетенций, обеспечивающих высокий уровень применения знаний на практике.

Программа изучения криминалистики при подготовке следователей существенно отличается от программы подготовки экспертов-криминалистов. Это связано с тем, что криминалистику относят к юридическим наукам и изучают ее по программе юридических образовательных учреждений¹⁰.

Обратимся непосредственно к практике преподавания криминалистики в ведомственном вузе. При проведении практических занятий по дисциплине «Криминалистика» необходимо применять упражнения, в ходе которых отрабатываются практические действия, применяемые в реальных условиях¹¹. Цель упражнения — практическое применение, закрепление и углубление теоретических знаний, полученных курсантами, путем решения задач, предлагаемых в определенной последовательности, выполнение комплексных специальных заданий. Упражнение на практическом занятии по дисциплине «Криминалистика» может проводиться в виде решения задач по соответствующему модулю или теме либо как отработка приемов и выработка навыков обращения с криминалистической техникой¹². Выполнение упражнения должно планироваться так, чтобы 70–80% его продолжительности занимала самостоятельная работа обучающихся. Причем каждый обучающийся должен работать индивидуально. Групповое решение задач или этапов комплексного задания с помощью технических средств обучения допустимо лишь в качестве методической помощи при наличии вариантов решения для рекомендации оптимального. В процессе самостоятельной работы по выполнению упражнения преподаватель наблюдает за работой каждого, оказывая методическую помощь в необходимых

случаях. По окончании практического занятия преподаватель должен проверить качество выполнения упражнения, с указанием типичных ошибок, обоснованием правильных решений и подведением общих итогов занятия. Это общепринятый алгоритм проведения практического занятия, однако особенность такого занятия в современном ведомственном вузе состоит в решении задач по формированию профессиональных компетенций будущих специалистов. Преподавателям кафедр предстоит определять основные направления, содержание, формы и методы подготовки обучающихся к самостоятельному получению знаний с широким использованием информационных технологий; определять конкретное содержание материала, подлежащего самостоятельному изучению по каждой дисциплине в соответствии с учебным планом. Кафедра должна обеспечить: контроль организации и качества выполнения самостоятельной работы обучающихся; анализ эффективности самостоятельной работы студентов в целях ее активизации и совершенствования; мониторинг уровня формирования у обучающихся профессиональных компетенций.

Практический опыт свидетельствует, что преподавателям необходимо согласовывать виды самостоятельной работы в рамках различных учебных курсов; устанавливать связь материала со смежными курсами, с задачами стажировки и т. д. Это требует от преподавателя развитых способностей к планированию своей деятельности, к освоению новых технологий, применяемых в обучении, к анализу собственной деятельности. Проведение практических занятий по криминалистике, на которых формируются навыки и умения обучающихся, требует от преподавателя вуза постоянного дидактического поиска и обновления профессиональных знаний, тем более что в настоящее время для эффективного расследования преступления используются инновационные методы, средства, технологии.

¹ Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД

России : приказ МВД РФ от 11 января 2009 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Быков В. М. Следователь-криминалист как новый участник уголовного процесса со стороны обвинения // Российская юстиция. 2009. № 7. С. 43–45.

³ Матусинский С. В. Использование специальных познаний для установления механизма происшествия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 24.

⁴ Клевцов В. В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 188–189.

⁵ Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник. М., 2008. С. 399.

⁶ Колоколов Н. А. Последние новеллы УПК РФ: баланс обвинительной власти стабилизируется // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 29, 30.

⁷ Волынский А. Ф. Инновационная деятельность в криминалистическом обеспечении расследования преступления // Вестник Владимирского юридического института ФСИН РФ. 2011. № 3. С. 77–79.

⁸ Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: учебник для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2009. 512 с.

⁹ Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 37.

¹⁰ Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 031001 Правоохранительная деятельность квалификация (степень) «специалист»: приказ Министерства образования и науки РФ от 14 января 2011 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Трофимов А. В. Методические основы определения содержания повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел: учебно-методическое пособие. Домодедово, 2009. С. 72.

¹² Дикарев В. Г. Инновационные формы организации обучения в системе дополнительного образования в рамках повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 2(20). С. 106–112.

УДК 378

РАЗРАБОТКА ОЦЕНОЧНЫХ СРЕДСТВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ УРОВЕНЬ СФОРМИРОВАННОСТИ КОМПЕТЕНЦИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ХОДЕ ТЕКУЩЕЙ И ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ

И. В. Сидорова, Е. А. Желонкина

В статье рассматриваются методические аспекты оценки уровня подготовленности обучающихся в условиях реализации актуального компетентного подхода в образовательных организациях. Раскрывается алгоритм разработки фондов оценочных средств, использование которых позволяет судить о степени освоения обучающимися образовательной программы и о формировании у них требуемых ФГОС ВПО компетенций на этапах текущей и промежуточной аттестации.

Ключевые слова: фонд оценочных средств, компетентный подход, текущая аттестация, промежуточная аттестация, этапы формирования компетенций.

В соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов (далее — ФГОС) образовательным организациям высшего образования предписывается необходимость создания фондов оценочных средств (далее — ФОС). Соответствующие стандарты подразумевают разработку типовых заданий, контрольных работ, тестов и методик контроля, позволяющих оценить знания, умения и уровень приобретенных компетенций на разных стадиях освоения образовательной программы (далее — ОП).

В самой ОП предусматривается наличие специального раздела, описывающего совокупность ФОС и ме-

тодов их использования. Применительно к учебной дисциплине обязательным условием компетентностно-ориентированной рабочей программы дисциплины является создание ФОС, позволяющих определять результаты освоения содержания дисциплины в виде соответствующих уровней знаний, умений, навыков, способствующих формированию у обучающихся компетенций в области социальной и будущей профессиональной деятельности. При этом основные требования к ФОС, установленные нормативными правовыми актами, это включение в их состав:

- перечня компетенций с указанием этапов их формирования в процессе освоения образовательной программы;
- описания показателей и критериев оценивания компетенций на различных этапах их формирования, описания шкал оценивания;
- типовых контрольных заданий или иных материалов, необходимых для оценки знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности, характеризующих этапы формирования компетенций в процессе освоения образовательной программы;
- методических материалов, определяющих процедуры оценивания знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности¹.

Предполагается, что использование компетентного подхода может способствовать не только усилению практической составляющей профессиональной подготовки в современных вузах, но и преодолению ограничений, связанных с когнитивной ориентацией традиционного высшего образования².

Разработка системы контроля качества подразумевает одновременное построение трех основных взаимосвязанных и взаимозависимых блоков: измерение компетенций, оценка компетенций, описание инструментов измерения и оценки. Под измерением компетенций следует понимать установление и описание предмета контроля, его основных существенных характеристик, планируемых уровней сформированности компетенции, периода и этапов измерения, форм контроля и технологий измерения.

В рассматриваемой статье предложена модель формирования ФОС по отдельной учебной дисциплине для проведения текущей и промежуточной аттестации обучающихся.

ФОС по дисциплине разрабатывается в соответствии с набором компетенций, определенным в ОП по

конкретной специальности (направлению подготовки). Входящий в структуру рабочей программы учебной дисциплины ФОС в учебно-методическом комплексе может быть в виде методической разработки «Оценочные средства и критерии оценки уровня сформированности компетенций», структурные элементы которой:

- требования, предъявляемые к результатам освоения дисциплины;
- перечень компетенций с указанием результатов освоения и этапов их формирования;
- описание показателей, критериев и шкал оценивания компетенций;
- контрольные задания для оценки уровня сформированности знаний, умений, навыков и (или) опыта деятельности по дисциплине.

При проведении промежуточной аттестации по учебной дисциплине формой представления ФОС является билет, включающий не менее трех оценочных средств.

Опыт построения компетентностно-ориентированной модели обучения в высшей школе показывает, что актуальна проблема отсутствия однозначного ответа на вопрос о методологии оценивания компетенций обучающихся в соответствии с требованиями ФГОС. Нет и единого подхода относительно разработки педагогических измерительных материалов для оценивания компетенций в рамках требований ФГОС.

Поэтому наиболее приемлемо комплексное использование традиционных методов проверки знаний, умений и методов в сочетании с инновационными подходами, позволяющими производить оценку целостности формирующихся компетенций³.

В качестве инновационного подхода следует выделить рейтинговую методику оценки учебных достижений, согласно которой учет и оценка знаний, умений, навыков и уровня приобретенных компетенций у обучающихся осуществляется в два этапа: текущий контроль и промежуточная аттестация.

Содержание данных этапов по итогам освоения учебной дисциплины, позволяющее оценить знания, умения, навыки и уровень приобретенных компетенций, представлено ниже (табл. 1).

На этапе текущего контроля успеваемости планируется:

- 1) осуществление текущего рейтинга, подразумевающего оценку текущей учебной деятельности обучающегося на протяжении семестра (оценивается активность на занятиях, посещаемость, подготовка докладов, сообщений);

Таблица 1. Этапы оценки знаний, умений, навыков и уровня приобретенных компетенций

Наименование этапа контроля	Коды оцениваемых компетенций (в соответствии с ФГОС ВО)
1-й этап «Текущий контроль успеваемости»	
Текущий рейтинг	ОК...ПК...ПСК...
Контрольный рубеж в виде решения тестовых оценочных заданий (тестов)	ОК...ПК...ПСК...
Выполнение домашней письменной работы (кейс-задание в виде комплексной расчетно-аналитической задачи, практикума и т. д.)	ОК...ПК...ПСК...
2-й этап «Промежуточная аттестация по итогам освоения учебной дисциплины»	
Самостоятельная подготовка к экзамену (зачету)	ОК...ПК...ПСК...
Проведение экзамена (зачета)	ОК...ПК...ПСК...

2) рубежный контроль в виде выполнения тестового оценочного задания. Данный контроль может осуществляться по итогам изучения наиболее важных и ключевых тем или модулей.

Задания в комплексе тестовых оценочных заданий можно разделить на три типа:

1. *Задания типа А*, с выбором правильного ответа, представлены в трех вариантах:

— имеют один правильный и остальные неправильные ответы (задания с выбором одного правильного ответа);

— для проверки сопоставительных знаний (с выбором одного, наиболее полного и правильного ответа, из числа правильных в разной степени);

— с выбором нескольких правильных ответов.

2. *Задания типа В*, без готового ответа, представлены в трех вариантах:

— в открытой форме, когда испытуемому во время тестирования ответ необходимо вписать в отведенное для этого место;

— элементы одного множества требуется поставить в соответствие с элементами другого множества (задания на установление соответствия);

— на установление правильной последовательности вычислений, действий, операций, терминов в определениях понятий (задания на установление правильной последовательности).

3. *Задания типа С* — практическая задача, решение которой может быть представлено в виде нескольких вариантов ответов либо в открытой форме (без предоставления выбора из нескольких вариантов ответов).

Цель выполнения тестового оценочного задания — проверка теоретических знаний, прикладных навыков и уровня приобретенных компетенций по итогам освоения каждого раздела (модуля) или ключевой темы дисциплины. Такие контрольные задания, выступая измерителями компетенций, должны иметь высокую надежность и прогностическую валидность, сочетать не только количественные, но и качественные оценочные средства.

На этапе текущего контроля успеваемости одним из важнейших элементов комплексного подхода к оценке знаний, умений и уровня сформированности общекультурных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций у обучающихся является выполнение домашней письменной работы в виде решения кейс-задания либо практикума. Данное задание обобщает весь пройденный учебный материал по дисциплине, обеспечивает оценку уровня самостоятельной проработки содержания учебного курса и компетенций, сформированных при его освоении.

А. Ф. Кузнецов формулирует вывод о том, что путь обучающихся к достижению целей лежит только через активную поисковую деятельность в условиях разрешения проблемной ситуации, что очень важно для понимания ключевых стратегий обеспечения эффективной профессиональной подготовки. В таких ситуациях могут отражаться разные типы взаимодействия человека с окружающей действительностью. В одних выража-

ются объектно-субъектные отношения, т. е. отношения человека к предметному миру, в других — субъектно-субъектные, или отношения между людьми. Первые ситуации принято называть предметными, вторые — социальными⁴.

Кейс-задача отражает какую-либо практическую проблему, которая не имеет однозначных решений, провоцируя учебную аудиторию на дискуссию, побуждая обучаемых к обсуждению и анализу ситуации, а в конечном итоге — к принятию решения. Основной акцент переносится с овладения готовым знанием на его выработку, поскольку актуализация у обучаемых определенного комплекса знаний, который необходимо усвоить при разрешении заявленной проблемы, происходит непосредственно в процессе обсуждения. В настоящее время существует множество разнообразных вариантов классификации ситуаций. По степени новизны различают три вида ситуаций:

1) известная, со стандартным методом решения и наличием конкретных образцов для этого;

2) частично известная, решение которой происходит посредством ее сравнения с другими подобными ситуациями. В результате по аналогии с типовыми ситуациями можно подобрать оптимальное решение;

3) неизвестная, предполагающая поиск нового метода решения⁵.

Помимо выполнения таких ситуационных заданий, в рамках текущего контроля уровень сформированности компетенций может быть оценен в рамках проведения деловых (ролевых) игр, выполнения творческих заданий, подготовки докладов и сообщений, защиты курсовой работы.

Оценочные средства для текущего контроля могут быть представлены в форме тестов; перечня тем групповых и/или индивидуальных творческих заданий; ситуационных кейс-задач; перечня тем письменных работ, а также докладов и сообщений; перечня контрольных заданий.

На следующем этапе контроля, предусматривающего оценку знаний, умений и уровня приобретенных компетенций по учебной дисциплине, проводится промежуточная аттестация в виде экзамена или зачета. Этот этап включает и самостоятельную подготовку к экзамену (зачету).

Важнейшее значение в данном вопросе имеют содержание и процедура проведения такого экзамена (зачета). В рамках компетентностно-ориентированной модели обучения целесообразно оценить уровень проработки обучающимися материалов всего учебного курса.

Оптимальный, на наш взгляд, формат проведения экзамена или зачета в виде предъявления оценочных заданий по учебной дисциплине и набора элементов, соответствующих заданиям всех трех типов: А, В, и С.

Задание промежуточной аттестации может иметь следующую структуру:

— общая часть — пять оценочных заданий типа А (закрытые тесты) на владение базовыми понятиями и категориями дисциплины;

Таблица 2. Соответствие видов контроля при аттестации обучающихся по учебной дисциплине и уровня их усвоения

Виды контроля	Количество баллов
Текущий рейтинг	Мах — 20 (в том числе проходной — 10)
Контрольный рубеж	
Модуль 1	Мах — 10 (в том числе проходной — 5)
Модуль 2	Мах — 10 (в том числе проходной — 5)
Письменная домашняя работа	Мах — 10 (в том числе проходной — 5)
Экзамен (зачет)	Мах — 50 (в том числе проходной — 20)
Максимальное количество баллов, которое может набрать обучающийся	100 (в том числе проходной — 45)

— проблемная часть — три оценочных задания типа В (открытые тесты);

— решение одной практической задачи (или кейсового задания) типа С.

Общая и проблемная части могут быть представлены и двумя теоретическими вопросами: один по общетеоретической части дисциплины (по базовым понятиям и явлениям), второй — по особенной части (проблемным или отраслевым вопросам, уточняющим, раскрывающим суть общетеоретической части). Оценочные средства для промежуточного контроля могут быть в виде перечня заданий и вопросов, выносимых на экзамен или зачет.

Для оценки компетенций предлагаем использовать так называемый квалиметрический подход. Квалиметрия — область практической и научной деятельности, связанная с разработкой теоретических основ и методов измерения и количественного оценивания качества. Основная идея подхода состоит в том, что качество измерить сложно, это интегральный показатель. Его можно лишь разложить на более простые элементы и построить своеобразное дерево свойств. Последние можно заключить в определенные числовые рамки, после серии вычислений на выходе получить конкретное число. Применяя указанный алгоритм, с помощью квалиметрии можно оценить компетентность обучающегося.

Например, оценка выполнения задания может учитывать следующие критерии:

— общая оценка: максимально 50 баллов, минимально — 20;

— общая часть: максимально 15 баллов, минимально — 5;

— проблемная часть: максимально 25 баллов, минимально — 15;

— решение практической задачи: максимально 20 баллов, минимально — 10.

Аттестация обучающегося по итогам освоения дисциплины производится путем суммирования баллов, полученных на всех этапах контроля. Максимальная сумма баллов (соответствующая наивысшему уровню сформированности компетенций), которую может набрать обучающийся, успешно выполнив все задания текущего контроля и промежуточной аттестации (экзамена), составляет 100 баллов.

В таблице 2 приведены виды контроля обучающихся по дисциплине и сумма баллов, которые они могут набрать по отдельным его компонентам.

Совокупность оценочных средств билета для проведения экзамена (зачета) и оценочных средств текущего контроля должна позволять оценивать сформированность компетенций обучающихся, приобретенных ими в процессе освоения дисциплины.

Данная система оценивания может быть применена и к уровневой системе формирования компетенций. Например, такая форма оценивания действует в Уральском юридическом институте МВД России, где степень освоения образовательной программой (или отдельных ее этапов) характеризуется пороговым, базовым, или продвинутым уровнем сформированности компетенций.

В ведомость и зачетную книжку выставляется оценка по традиционной шкале оценивания результатов обучения, которая соответствует указанным значениям (табл. 3).

Оценивание результатов образовательной деятельности является одной из наиболее обсуждаемых, спорных и нерешенных проблем в связи с непрерывно изменяющимися требованиями общества к результатам образования.

Предложенный подход позволяет обеспечить реализацию компетентно-ориентированной модели обучения, контролировать и оценивать приобретаемые обучающимися знания, умения и навыки, а также уровень сформированности компетенций по учебной дисциплине на всех этапах ее изучения.

Таблица 3. Соответствие результатов текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации по учебной дисциплине традиционной 4-балльной шкале и уровневой системе

Нормативный рейтинг	Оценки (уровни сформированности компетенций)			
	«Отлично» (продвинутый уровень)	«Хорошо» (базовый уровень)	«Удовлетворительно» (пороговый уровень)	«Неудовлетворительно» (компетенция не сформировалась)
	Интервал баллов фактического рейтинга			
100 баллов	90–100	60–89	45–59	Менее 45

¹ Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам

специалитета, программам магистратуры : приказ Минобрнауки России от 19 декабря 2013 г. № 1367. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70503294> (дата обращения: 20.01.2015).

² Евтихов О. В., Караваев А. Ф. Формирование основ профессионализма и профессиональной компетентности курсантов в вузе правоохранительных органов как педагогическая проблема // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 128.

³ Бродунов А. Н., Руденко Ю. С. О комплексном подходе к разработке фондов оценочных средств по учебной дисциплине в условиях реализации компетентностно-ориентированной модели обучения // Образовательные ре-

сурсы и технологии. 2013. № 2. С. 4–11. URL: <http://www.muiiv.ru/vestnik/pp/chitateliam/poisk-po-statyam/6947/28984> (дата обращения: 20.01.2015).

⁴ Кузнецов А. Ф. Интегративная основа учебных дисциплин боевой подготовки // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3(42). С. 66.

⁵ Соловьева А. В. Методы активного обучения в преподавании дисциплины «Основы профайлинга» // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2(57). С. 78.

УДК 378.014:15

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ БАКАЛАВРОВ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

В. В. Терещенко

Описаны возможности применения инновационных методов при обучении бакалавров юриспруденции. Приводится аргументация в пользу применения кейс-технологии. Расширены и конкретизированы представления о судебно-психологической экспертизе психического состояния лица, покончившего жизнь самоубийством. Для иллюстрации предлагаются кейс- и методические материалы для его решения.

Ключевые слова: кейс-технология, юридическая психология, судебно-психологическая экспертиза, алгоритм профессиональных действий юриста.

При расследовании дел в уголовном процессе одной из важнейших форм использования специальных психологических познаний является судебно-психологическая экспертиза¹. В рамках компетентностного подхода при профессиональной подготовке юриста используется инновационная технология — кейс-метод. Остановившись на разделе курса юридической психологии «судебно-психологическая экспертиза», мы акцентируем внимание на недостаточно проработанном предметном виде — «судебно-психологическая экспертиза психического состояния лица, покончившего жизнь самоубийством», стремимся подойти к практическому усвоению новых знаний через использование именно кейс-технологий. Под методом кейсов понимается изучение предмета обучающимися путем рассмотрения большого количества ситуаций или задач в определенных комбинациях. Метод кейсов способствует развитию умения анализировать ситуации, оценивать альтернативы, выбирать оптимальный вариант и составлять план его осуществления. Задача преподавателя состоит в подборе соответствующего реального материала, обучающиеся должны разрешить поставленную проблему и получить реакцию окружающих на свои действия. При этом нужно помнить, что возможны различные решения проблемы. Обучающиеся должны понимать с самого начала, что риск принятия решений лежит на них. Говоря о любом предметном виде судебно-

психологической экспертизы, мы, как правило, начинаем разговор с констатации его юридического значения, в чем нам помогают работы видных специалистов в данной области². Как показывает практика, одной из ситуаций, в которой назначается такая экспертиза, является предположительный вывод следователя или суда о самоубийстве. Когда у судебно-следственных органов нет четкой уверенности в том, что имел место факт самоубийства (а не убийства или несчастного случая), то здесь экспертное заключение играет важную роль для выяснения тех или иных обстоятельств, характеризующих личность суицидента. Но в таких случаях недопустимо использовать экспертные выводы в качестве доказательства при определении рода смерти. Например, человек может находиться в депрессии, высказывать суицидальные мысли и намерения, именно в этот промежуток времени он может стать жертвой убийства (отравления, повешения и т.д.). В данном случае использование экспертного заключения о наличии, например, депрессивного состояния у подэкспертного, сопровождавшегося суицидальными намерениями, в качестве доказательства того, что он действительно совершил самоубийство, будет несомненной судебной ошибкой. Предпочтительнее назначать судебно-психологическую экспертизу при наличии *доказанности факта самоубийства*. При этом суд и следствие обычно сталкиваются с проблемой квалификации статей Уголовного кодекса. Во-первых, это квалификация ст. 110 УК РФ: «Доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего».

Во-вторых, п. «б» ст. 63 УК РФ обстоятельством, отягчающим ответственность, признается «наступление тяжких последствий в результате совершения преступления». Как показывает практика, чаще всего объектом экспертного исследования становятся потерпевшие по делам об изнасиловании, совершающие суицид, а самоубийство потерпевшей является одним из тяжких последствий преступления. Основной целью суда при квалификации этих статей является доказательство наличия или отсутствия причинно-следственной связи между действиями обвиняемого (изнасилование или такие действия, которые подпадают под определение «угроз, жестокого обращения или систематического униже-

ния человеческого достоинства») и фактом самоубийства потерпевшего лица. Из этого следует и другой важный вывод — при назначении судебно-психологической экспертизы требуется и доказанность уголовно наказуемых действий обвиняемого. Предметом судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства является психическое состояние подэкспертного лица, предшествовавшее самоубийству. Это обстоятельство в совокупности с основной целью суда — установить наличие или отсутствие причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и фактом самоубийства — и определяет круг вопросов, ответы на которые в экспертном заключении дадут возможность использовать их как доказательство по делу в целях содействия установлению истины. Опыт преподавания раздела «Судебно-психологическая экспертиза» дисциплины «Юридическая психология» показывает глубокий и неподдельный интерес обучающихся вуза к обсуждению вопросов методологии, новых современных предметных видов судебно-психологической экспертизы, имеющих принципиальное значение в практике уголовного судопроизводства. При разработке рабочей программы содержание учебной дисциплины, по мнению Т. Е. Денисович³, целесообразно разделить на два раздела: теоретические положения юридической психологии и практики, в том числе и по судебно-психологической экспертизе. Причем практикум по времени должен составлять большую часть от общего количества часов, отведенных на изучение дисциплины. Кейсы составляет преподаватель, размещает их на сайте кафедры, чтобы обучающиеся смогли с ними ознакомиться заранее и выработать свою собственную позицию для участия в дискуссии. Подбор этих кейсов зависит от опыта преподавателя. Наиболее удачными, по нашему мнению, являются те кейсы, в которых преподаватель сам эмоционально «проживал» конкретную ситуацию, это так называемые кейсы *field research*⁴. С живыми кейсами, сюжет которых не закончен или разбит на несколько частей, преподаватель знакомит студентов на занятиях. Автором разработана коллекция кейсов, предназначенных для организации учебной и самостоятельной работы обучающихся при изучении юридической психологии по направлению подготовки бакалавров юриспруденции⁵. В кейсе, иллюстрация которого приводится ниже, представлен опыт автора. С помощью разбора реальной судебно-следственной ситуации обучающиеся глубоко и профессионально ее интерпретируют, сверяют полученные данные со своим опытом и пытаются выполнить задания, представленные в кейсе.

Структура кейса

Фабула дела — описание юридической ситуации, разрешение которой, в соответствии с действующим законодательством, требует привлечения судьей, прокурором, адвокатом экспертов, обладающих специальными психологическими знаниями.

Заключение психолога-эксперта — процессуальный документ, содержащий психологический анализ материалов уголовного или гражданского дела, научно обоснованная оценка поведения участников ситуации

(обвиняемого, свидетеля, пострадавшего), их психического состояния, позволяющая юристу профессионально и законодательно правильно продолжать ведение дела или выносить свой вердикт.

Вопросы, предлагаемые на разрешение эксперту-психологу — предмет экспертизы, проблемное поле профессиональных размышлений юриста при обращении к эксперту-психологу по тому или иному делу. Умение формулировать эти вопросы в соответствии с правовыми нормами по конкретному делу и возможностями современной психологии, а также давать оценку проведенному исследованию и его процессуальному оформлению в форме заключения является обязательной составной частью профессиональной компетентности юриста.

Задания — своеобразный сценарий для выполнения профессиональной роли юриста: выполнение задания — это совершение будущим юристом обязательного алгоритма профессиональных действий.

Методические рекомендации — перечень теоретических, правовых и информационных источников, в соответствии с которыми должны быть выполнены высококвалифицированные профессиональные действия юриста в процессе работы над уголовным или гражданским делом.

Кейс «Самоубийство офицера».

Фабула уголовного дела.

2 сентября 2013 г. около 6 часов утра нарядом полиции ОВД «Заднепровский» города Смоленска около подъезда №5 дома №7 по улице Академика Королева был обнаружен труп Сергеева В. В.

Прибывшими на место происшествия работниками полиции было установлено, что Сергеев В. В. выбросился из окна, расположенного на лестничной клетке дома №7. Работниками скорой помощи и полиции после осмотра лежащего на земле тела Сергеева В. В. была констатирована его смерть, и труп доставлен в судебно-медицинский морг Смоленской области.

Заключение психолога-эксперта.

Посмертная судебно-психологическая экспертиза лейтенанта войсковой части № 22212 Сергеева Василия Валерьевича, 1991 г. рождения, призванного в Вооруженные Силы РФ в августе 2007 г., умершего 2 сентября 2013 г.

Посмертная судебно-психологическая экспертиза проведена 30 октября 2013 г. на основании постановления следователя Военной прокуратуры Смоленского гарнизона старшего лейтенанта юстиции Грецова К. Ю. от 27 октября 2013 г.

Права и обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, экспертам разъяснены. Об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ эксперты предупреждены.

На разрешение экспертизы были поставлены следующие вопросы:

1) имелись ли у Сергеева В. В. индивидуально-психологические особенности, которые могли бы оказать существенное влияние на совершение самоубийства?

2) не находился ли Сергеев В. В. в период, предшествовавший самоубийству, в эмоциональном состоянии, которое могло бы оказать существенное влияние на совершение самоубийства?

При проведении психологической экспертизы психологом был использован психологический анализ материалов уголовного дела (ретроспективный анализ материалов, характеризующих личность подэкспертного). Родился без патологии первым ребенком из двух детей (допрос матери подэкспертного, его отца от 20.09.2013). Рос в семье военнослужащего «здоровым, нормальным ребенком, тяжелыми заболеваниями не болел», был дружен со сверстниками, которых родители считали «интересными и порядочными» людьми (допрос матери подэкспертного от 21.09.2013). По характеру всегда был «добрым, восприимчивым, но необидчивым, общительным, к окружающим относился с теплотой и уважением» (допрос отца подэкспертного от 21.09.2013). В школу пошел вовремя, получал хорошие оценки (допросы матери подэкспертного, его отца от 21.09.2013). В период школьной учебы «окончил 2-годичные МИДовские курсы английского языка», на районных олимпиадах занимал призовые места (допрос матери подэкспертного от 21.09.2013). С членами семьи был дружен, к домашним относился «сердечно, хорошо», поддерживал отношения со многими девушками, «но привязанности к ним не было, жениться он не собирался» (допросы матери подэкспертного и его отца от 21.09.2013). Увлекался фотографией. Закончил Академию фотохудожника, купил себе фотоаппарат, «в последнее время чрезмерно занимался компьютером, играл в компьютерные игры» (допросы матери подэкспертного, его отца от 21.09.2013). С 1 августа 2007 г. учился в академии ФСБ РФ, окончил ее 31.07.2012 (выписка из послужного списка). В академии «учился легко, без особых перегрузок, хотя спорту не уделял должного внимания», был в этот период дружен со сверстниками, поддерживал с ними ровные отношения (допросы матери подэкспертного, его отца от 21.09.2013, допрос последнего от 20.09.2013). К уголовной и административной ответственности никогда не привлекался. Приводов в милицию не имел (справки из ОВД г. Смоленска и Смоленской области, отдела полиции «Заднепровский» г. Смоленска от 16.09.2013, допрос отца подэкспертного от 20.09.2013). На учете у психиатра и нарколога не состоял (справки из психоневрологического диспансера и наркологического диспансера от 22.09.2013). Сведений об употреблении Сергеевым В. В. алкоголя и наркотиков в материалах дела не содержится. Был принят на службу по контракту сроком на 5 лет с 11 августа 2007 г. на должность младшего офицера войсковой части (выписка из приказа командира войсковой части за № 586-лс от 11.08.2007).

В части ему был поручен самостоятельный участок работы, «соответствующий профилю и объему знаний, которые были получены при обучении в академии», офицеру «были также четко определены перспективы профессионального и служебного роста», а «для приобретения необходимых навыков он прикреплен к опытному сотруднику», «к порученному делу стремился подходить с должной мерой ответственности, добросовестно относился к поручениям руководства», «с товарищами по работе был корректен, доброжелателен, внешне опрятен, подтянут»; однако командованием от-

мечены «существенные пробелы в общеобразовательной и профессиональной подготовке, которые создавали для него определенные трудности в освоении нового вида деятельности», «проявлялись недостаточная способность концентрироваться на их преодолении, неверие в собственные силы, что негативно влияло на его морально-психологическое состояние», «обнаружились серьезные трудности в освоении нового направления служебной деятельности, что, по его собственному признанию, было связано с недостаточным уровнем как базовой, общеобразовательной, так и языковой подготовки», «через неделю после выхода на работу... начал сначала в беседах с товарищами по службе, а затем и с руководством высказывать сомнения в своих профессиональных способностях и намерение уволиться со службы и продолжить трудовую деятельность в коммерческих структурах», при этом «какие-либо конкретные названия таких структур» не указывались. Лишь «после неоднократных бесед с сотрудниками, разъяснившими нецелесообразность принятия недостаточно обдуманных решений, касающихся дальнейшей жизнедеятельности, Сергеев В. В. 31.08.2009 г. заявил о готовности к дальнейшей службе в прежнем качестве» (служебная характеристика от 23.09.2013, допрос Шевелева А. В. от 17.09.2013). Служивцы считали его «отзывчивым», «добрым», «открытым», «доброжелательным»; Сергеев В. В. с сослуживцами поддерживал ровные отношения, им он «не рассказывал много о своей личной жизни», коллегами отмечались скромность и некоторая застенчивость, стремление «стать полноценным членом коллектива» (допросы Королева П. Н., Алексеева А. Н. от 17.09.2013). Как отмечали сослуживцы, «выполняя служебные поручения, иногда был неуверен в себе, своих способностях, недооценивал себя, иногда высказывал мысль, что «в будущем не сможет качественно выполнять свою работу», но и «на службе не делал никаких странных высказываний, в том числе о самоубийстве», странностей в поведении не обнаруживал, об угрозах от кого-нибудь не сообщал (допросы Королева П. Н., Алексеева А. Н. от 17.09.2013). По мнению родителей подэкспертного, у их сына «было какое-то депрессивное состояние», «он сильно переживал свои отношения с коллегами по работе», «постоянно говорил, что не видит никакого смысла в том, чтобы жить», не видел для этого «стимула», в семье уже была договоренность о посещении в ближайшие дни сыном психолога (объяснение Сергеевой Т. А. от 02.09.2013, допрос отца подэкспертного от 20.10.2013). По мнению отца погибшего, «служба давалась сыну тяжело, он говорил, что не справляется со своими служебными обязанностями, служба ему не нравилась, он тяготился службой»; «написал рапорт об увольнении, но его уговорили остаться» (допрос Сергеева В. А. от 20.09.2013). Родные об угрозах в адрес Сергеева В. В. ничего не знали, «в азартные игры он не играл», «деньги ни у кого не занимал», недостатка в средствах не испытывал (допросы матери подэкспертного, его отца от 21.09.2013). Последнее время бегал по утрам (объяснение Сергеевой Т. А. от 02.09.2013). Отец подэкспертного 01.09.2013 г. заступил на суточное дежурство и в пе-

риод этого дежурства дома отсутствовал, о случившемся узнал от супруги (допрос Сергеева В.А. от 21.09.2013). Сергеев В. В. после возвращения со службы 01.09.2013 «поел и пошел гулять в парк Реадовку», где в последнее время часто прогуливался с матерью; странностей при этом не обнаруживал (допрос матери подэкспертного от 21.09.2013). С прогулки вернулся около 22.30 того же дня и «с порога сказал, что он не хочет спать и не раздеваясь вошел в свою комнату» (допрос матери подэкспертного от 21.09.2013). В начале шестого утра 02.09.2013 случайный прохожий у входа в подъезд дома № 7 по улице Академика Королева «услышал стук», после чего примерно через 30–40 минут от работников полиции узнал, что около этого подъезда разбился человек (допрос Угринович В. В. от 29.09.2013). Мать Сергеева В. В. проснулась около 6 часов 30–40 минут утра 02.09.2013 и увидела, что «входная дверь в квартиру была приоткрыта», затем через некоторое время — около 7.00 — начала искать сына и увидела труп на улице (объяснение Сергеевой Т. А. от 02.09.2013, ее допрос от 21.09.2013).

2 сентября 2001 г. около 6 часов утра нарядом полиции около подъезда № 5 дома № 7 по улице Академика Королева был обнаружен труп Сергеева В. В. Прибывшими на место происшествия работниками полиции было установлено, что Сергеев В. В. выбросился из окна, расположенного на лестничной площадке девятого этажа (постановление о возбуждении уголовного дела, протокол осмотра трупа от 02.09.2013). Через некоторое время после случившегося мать подэкспертного «обнаружила, что будильник в его комнате на подъем установлен на 02.15 и постель у него не была подготовлена ко сну, а просто была накрыта одеялом без пододеяльника» (допрос матери подэкспертного от 21.09.2013). Психологический анализ материалов уголовного дела показывает, что у подэкспертного в период непосредственно перед гибелью выявлены признаки пониженного фона настроения, депрессивный тип реагирования. Об этом свидетельствуют стойко подавленное, угнетенное настроение, утрата интереса к жизни, заниженная самооценка, утрата уверенности в своих силах и в будущем, пессимистическое отношение к настоящим и будущим событиям, появление мыслей о никчемности жизни, исчезновении ее смысла (это состояние развилось у личности, которая ранее была достаточно гармоничной). Он успешно справлялся с учебной программой в школе и вузе, в том числе и с дополнительными курсами обучения. В материалах дела не содержится признаков психологических нагрузок, непривычных для погибшего, которые могли бы привести его к психологическому кризису — как к причине выявленной депрессивной направленности личности.

Психологический анализ материалов уголовного дела позволил выделить у Сергеева В. В. следующие индивидуально-психологические особенности: высокий уровень интеллектуального развития, ответственность, добросовестность, высокий уровень активности с мотивацией на достижение поставленной цели, целеустремленность, уверенность в себе, общительность при некоторой поверхностности межличностных контактов, доброжелательность, заинтересованность в социальной оцен-

ке своей личности. Эти особенности характера, учитывая их выраженность и место в его структуре, являются одним из проявлений индивидуальных особенностей здоровой личности. В связи с развившимся депрессивным состоянием у подэкспертного возникло ощущение дезадаптации, поэтому ему сложно было установить приемлемые отношения с коллегами, он не в полной мере справлялся с обязанностями, не смог использовать полученные им ранее специальные знания. Указанные особенности характера на фоне болезни облегчили принятие решения на уход из жизни. Однако суицидальный поступок был обусловлен механизмами не психологического, а более глубокого, психопатологического уровня регуляции психической деятельности. Его попытки разрешить ситуацию привычным способом — занятиями спортом, ухода из трудной ситуации путем увольнения со службы — не дали ожидаемых результатов. Поэтому ситуация, с учетом грубого нарушения ее восприятия и оценки вследствие болезни, субъективно воспринималась им как безвыходная.

Ответы на вопросы следствия.

Выявленные у Сергеева В. В. индивидуально-психологические особенности (пониженный фон настроения, депрессивный тип реагирования, утрата интереса к жизни, заниженная самооценка, пессимистическое отношение к настоящим и будущим событиям, появление мыслей о никчемности жизни, исчезновении ее смысла) оказали существенное влияние на совершение самоубийства. В связи с развившимся депрессивным состоянием у Сергеева В. В. в период, предшествовавший самоубийству, возникло состояние дезадаптации, и с учетом грубого нарушения восприятия ситуации и оценки ее вследствие болезни субъективно последняя воспринималась как безвыходная, и было принято решение покончить с собой. Дезадаптивное поведение подэкспертного характеризовалось механизмами не психологического, а психопатологического уровня регуляции психической деятельности в связи с предполагаемым расстройством психической сферы.

Вопросы по кейсу:

1. В чем заключается юридическая значимость представленной судебно-психологической экспертизы?
2. Какие виды психических состояний имеют важное юридическое значение?
3. Какие статьи Уголовного кодекса РФ применимы при решении данной профессиональной задачи?

Задания по кейсу:

1. Представьте себя в роли следователя, ведущего данное уголовное дело, выполните следующие задания:
  - а) составьте постановление о назначении экспертизы по данному уголовному делу;
  - б) разработайте типичные вопросы в соответствии с УК РФ и УПК РФ по данной первичной психологической экспертизе в соответствии с фабулой дела;
  - в) дайте анализ экспертного заключения психолога в соответствии с ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ;
  - г) в соответствии с выводами психолога-эксперта разработайте и представьте тактику дальнейших про-

фессиональных действий следователя по существу данного уголовного дела;

д) сформулируйте возможные типичные ошибки, возникающие при постановке вопросов в этой и аналогичной ситуации профессиональной деятельности юриста.

Методические рекомендации по решению кейса:

1. Ознакомьтесь с разделом «Судебно-психологическая экспертиза» в учебной литературе по курсу «Юридическая психология».

2. Проанализируйте перечень нормативных актов, обязательных для решения кейса (УК РФ, УПК РФ, ФЗ № 73 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» 2001 г.).

3. Ознакомьтесь с перечнем рекомендованных сайтов и информационных ресурсов.

Предложенные материалы следует использовать в процессе решения кейса. Обучающиеся вправе не ограничиваться данными методическими рекомендациями, они могут использовать тексты, выбранные из учебников, монографий, статей, а также из сети Интер-

нет. В процессе поиска необходимых сведений у обучающихся развивается способность работать с информацией, что значительно повышает качество их образованности.

---

¹ Аминов И. И. Юридическая психология. М., 2010. 415 с.; Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 2010. 608 с.; Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. М., 2012. 470 с.; Южанинова А. Л. К вопросу о структуре судебно-психологической экспертизы // Российский психологический журнал. 2008. № 2. С. 39–46.

² Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза. Калуга–Обнинск, 1997. 198 с.; Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. М., 2015. С. 290–292.

³ Денисович Т. Е. Кейсы в преподавании профессиональной этики и инструментарий их решений // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 4. С. 463–471.

⁴ Там же.

⁵ Терещенко В. В. Юридическая психология : учебно-методическое пособие. Смоленск, 2014. С. 24–46.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

УДК159

|| ОСНОВНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РАЗВИТИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ю. А. Шаранов

В статье проблематизируется понятие «ведомственное образование», раскрываются преимущества и недостатки этой формы организации подготовки кадров, ставится проблема соотношения локального и глобального в управлении ведомственным образовательным пространством, определяются основные противоречия в реализации компетентностного подхода.

Ключевые слова: ценности и преимущества ведомственного образования, соотношение локальной и глобальной образовательной среды, целевое управление, ценностно-смысловое управление, военизированная среда, компетентности, профессионализм, посредственность.

Основная проблема ведомственного образования в эпоху глобализации выражается в опасениях специалистов, что оно может войти в противоречие с изначальными целями и ценностями, ради которых и создавался этот институт. Прежде всего ведомственные образовательные организации обеспечивают реализацию государственного заказа, при этом сохраняют отечественные научно-педагогические школы и традиции в области профессиональной подготовки, развития и самореализации кадров. Концепция ведомственного образования в наукоемких, высокотехнологических отраслях экономики и управления остается во многом альтернативой известному болонскому процессу, не давая размывать профессиональную среду неквалифицированными специалистами. В эпоху конвергентных, синергических процессов, когда в профессиях интегрируются достижения многих сфер научного и технологического знания, сохраняется опасность впасть в другую крайность — неконструктивный традиционализм, который скрывается под вывеской «формального модернизма». Особенно такая угроза актуальна в социально-экономических профессиях, к которым относятся социальные работники, педагоги, психологи, социологи, философы, юристы и многие другие. Это хорошо видно и на примере подготовки кадров для органов внутренних дел.

За последние десять лет институты, академии и университеты МВД России пережили несколько ре-

формаций, связанных, во-первых, с тенденцией максимального удовлетворения потребностей практики органов внутренних дел в новых специальностях. Прежде всего были открыты специальности в области информационных технологий борьбы с преступностью и защиты информации, борьбы с экономическими преступлениями и коррупцией, в сфере транспортной безопасности (профайлинг), профилактики проявлений терроризма и экстремизма, защиты свидетелей и некоторые другие. Во-вторых, необходимость приведения архитектуры высшего образования в соответствие с европейскими стандартами, а также в связи с конкуренцией на рынке образовательных услуг некоторые ведомственные организации открыли специальности, по которым уже работали государственные и коммерческие вузы. В-третьих, наблюдается тенденция к переконцептуализации подготовки некоторых традиционных для органов внутренних дел специалистов, в частности, для кадровых подразделений и подразделений по работе с личным составом.

Значительное расширение номенклатуры юридических и других специальностей влечет появление относительно самостоятельных образовательных ниш или сред в пространстве одного образовательного учреждения, так как усложняется решение задачи построения у обучающихся целостной картины юридической реальности. У представителя исполнительно-распорядительного правоприменения, судьи и законодателя, а также у следователя и оперативного сотрудника предмет и условия, средства и методы деятельности различаются, т. е. отличается и предмет познания. В результате чего констатируется наличие у данных субъектов юридической деятельности различающихся между собою типов мышления, образов-сущностей права, преследование ими неодинаковых целей и использование различных приемов правоосуществления, а также различия в познавательных позициях¹. Вполне обоснованно и своевременно ДГСК МВД России было принято решение о приоритетном профиле подготовки кадров с учетом накопленного опыта в образовательных организациях системы органов внутренних дел².

Возрастание материально-технической оснащенности и научного потенциала, переход в подготовке кадров на федеральные государственные образовательные

стандарты последнего поколения привели к заметному изменению облика ведомственного образования. Оно постепенно приобретает атрибуты открытых сетевых образовательных пространств, характерных для подавляющего большинства отечественных и зарубежных университетов. Элементы сетевого общества продуцируют уже другие ценности и принципы отношений, расширяют возможности для утверждения индивидуализма и самовыражения личности.

Опасения специалистов, связанные с возможным отставанием относительно закрытого ведомственного образования от магистрального развития науки и технологии подготовки кадров в других государственных и коммерческих организациях, в целом не оправдались.

Появились признаки регрессии в самом главном, системообразующем во вневедомственном образовательном институте — изменения специфической профессиональной среды, обеспечивающей гарантированное формирование «психологии полицейского» и нравственное развитие личности будущего сотрудника полиции. Результаты психологических исследований свидетельствуют о низком уровне заинтересованности курсантов в получаемой профессии, о слабой активности в принятии и присвоении профессиональных ролей и в отсутствии навыков моделирования профессиональных планов³.

Каждый второй выпускник факультета психологии университета занимает должность, не соответствующую диплому⁴. Этим впоследствии обусловлена высокая текучесть кадров в органах внутренних дел. Не случайно около трети молодых специалистов — выпускников образовательных учреждений МВД России — увольняются из органов внутренних дел в течение первых трех лет службы⁵.

Получение специальности в высшем учебном заведении является важным этапом процесса профессионального самоопределения личности, которое подразумевает приобретение не только соответствующих компетенций, но и профессионального опыта, эмоционально-личностную и ролевую вовлеченность, «вживание» в профессию. Образовательная среда (среды) специализированного учебного заведения органов внутренних дел, как правило, содержит множество объектов, прежде всего идеальной природы, которые сами себя воспроизводят и одновременно побуждают другие объекты к самокопированию или самопрограммированию. Так, некоторые профессиональные знания не отражены в книгах, а передаются в процессе общения обучающихся с ветеранами и героями органов внутренних дел. В трактовке очевидцев события истории не просто оживают, актуализируются в виде экзистенциальных образов и переживаний прошлого, они приобретают прежнюю силу и прежнюю власть, утверждая реальность прошлого в настоящем. Значение традиций органов внутренних дел не столько в том, чтобы спасти достояние прошлого, сколько нести сквозь время и сохранять в настоящем неизвестное и неизученное прошлое. Благодаря этому духовно-нравственная атмосфера ведомственных образовательных организаций обла-

дает особой коллективной памятью, привычками, образами и переживаниями, которые позволяют постоянно ощущать и воспринимать присутствие прошлого, вдохновлять курсантов героическими примерами истории.

Самореферентность (самообучаемость, самопознание) также является одним из основных механизмов функционирования институтов ведомственного образования. При этом существующая в них регулятивная система опирается на собственную аксиоматическую ценностную целостность в рамках определенной ментальной типа культуры образовательной организации — как частного проявления закономерностей правовой системы или «юридической антропологии» российского общества⁶. Любое некорректное заимствование принципов и ценностей, стандартов и стереотипов других типов профессиональной культуры угрожает потерей собственной специфики, мировоззренческого или нравственного суверенитета. Гарантированное усвоение базовой системы служебных и профессиональных ролей и отношений, профессионально-ролевая и ценностно-смысловая культура учебных заведений МВД России всегда выступала незыблемым атрибутом и привилегией именно ведомственного образования. В настоящее время традиционно-ценностная, профессионально-смысловая направленность управления образовательным и воспитательным процессом постепенно сменяется целевым управлением, в котором доминирует функциональная, а не ценностно-смысловая, семантическая реальность. Другими словами, ценности и смыслы, которые включены в человекообразные контексты, явления принципиально спонтанные и качественные по своей природе⁷, тогда как их пытаются выразить посредством пространственно-количественных оценок. В результате чего происходит такое некорректное слияние количества и качества, что утрачивается качественная определенность ценностно-смысловых, семантических и иных свойств, масштабов человекообразности. Надежда на то, что мы придем к созданию единого и целостного образовательного пространства, специфической профессиональной образовательной среды ведомственного вуза, где процессы профессионализации и социализации личности составляют органичное единство, пока не сбылась. И одним из основных источников, продуцирующих обучение и воспитание курсантов и слушателей по целевым критериям, является переход на федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС ВО).

Специальных научных исследований, посвященных тому, как отражается в сознании субъектов образования предметный образ целей достижения различных компетенций, в чем состоит специфика такого образа (в отличие от ценностного образа), пока недостаточно. Хотя понятно, что противопоставление целевого и ценностного образа у субъектов управления может носить не абсолютный, а временный, переходный характер. Во всяком случае — до тех пор, пока компетентности специалиста не станут повсеместно аналогом четко артикулированной социальной нормы эффективной деятельности, а качество образования не будет раскрываться через фор-

мальное единство системно-структурных и ценностно-прагматических компонентов. «Очевидно, что процесс профессионализации, формирование соответствующих компетенций специалиста и личностный рост существуют на стыке, с одной стороны, технологической, а с другой — экзистенциально-смысловой, аксиологической»⁸. Образовательная система в современной России противоречива, в том числе в связи с противоречиями между внутренними и внешними, между статическими и динамическими моментами качества образования, между качеством образования как результатом и как процессом. Тенденция, связанная со стремлением «оцифровать» содержание образования, является закономерным следствием формирования общества цифровых технологий.

Обращение к механизмам целевого управления, как правило, радикально меняет всю существующую систему отношений в профессиональной среде. Усложняется на порядок мониторинг параметров образовательной среды:⁹ «дерево целей» деятельности запрашивает универсальные и эффективные измерительные процедуры, экспертные оценки и методы непрерывного контроля, систему стандартов и лучшие образцы, схемы и модели для сравнения и целеполагания, качественное планирование и управление процессами движения учебной информации на основе адекватной математической модели. Требуется специально подготовленный персонал, способный осуществлять не столько проектирование, сколько именно программирование различных образовательных сред. Попытки переложить некоторые функции целевого управления на профессорско-преподавательский состав встречают с их стороны сопротивление, так как существующие технологии реализации ФГОС не всегда доступны и понятны широкому кругу специалистов с разным уровнем профессиональной подготовки. Более того, целевое управление по причине его сложности далеко не всегда под силу даже крупным фирмам с хорошо развитой технологией производства машин и оборудования. Если целевое управление все же последовательно применяется в образовании, значит образование становится (или уже стало) одной из отраслей экономики, его эффективность измеряется максимумом влияния на социальный прогресс при минимуме издержек и всевозможных побочных негативных последствий.

Подчеркнем, что управляемость образовательного процесса в условиях целевого управления возрастает. Оно становится более технологичным, позволяющим осуществлять прогнозирование не только качества образования, формирование соответствующих компетенций у курсантов как новообразований субъекта деятельности, но и гарантировать успешное решение выпускниками оперативно-служебных задач. Служба в правоохранительных органах — это не столько компетентное выполнение функций профессиональной деятельности, сколько служение, целостный образ жизни сотрудников вместе с их родными и близкими. Иными словами, на известные профессиональные стрессоры (ненормированный рабочий день, чрезмерная психическая перегрузка, дефицит времени, повышенные требо-

вания, риски для жизни и здоровья, повышенная ответственность и многие другие) накладываются стрессы, относящиеся, например, к проблемам семьи и родственников сотрудника. Имеются в виду конфликты между супругами, жизненные кризисы (возрастные, экзистенциальные и др.), финансовые проблемы, трудности с жильем и медицинским обслуживанием, транспортом, юридическим статусом, проблемы со здоровьем¹⁰ и т. д. Широкий жизненный контекст (в отличие от локальной среды ведомственного вуза) порождает множество различных видов неопределенностей и случайностей, создает напряженность в отношениях человека с миром и одновременно с этим предлагает преодолевающие ее идеалы. Нормативно организованное пространство жизни курсантов, напротив, не допускает или снижает негативное воздействие различного рода случайностей (неконтролируемого самодвижения), необъяснимой спонтанности личности. Личное пространство курсантов имеет тенденцию к расширению, к открытости миру как проявление имманентного человеку трансличного свойства. В этом смысле профессиональная модель компетентностей курсантов и слушателей является амбивалентной по внутренним интенциям развития и локальной по отношению к общей модели социализации личности, к тем вызовам, которые ожидают выпускника в широком социальном контексте его жизнедеятельности. Следует исходить из концептуального положения о необходимости формирования принципиально «новой» генерации специалистов, способных служить в органах внутренних дел в сложных, переходных условиях, с учетом кардинальных изменений структуры собственности, власти, сознания, культуры в российском обществе и государстве¹¹.

Поэтому требует прояснения один из самых актуальных вопросов вузовской педагогики: как связана модель компетентности выпускника, которая формируется вузом, с той моделью компетентности, которая запрашивается и поддерживается реальной юридической практикой?

Компетенции, представленные в федеральном государственном образовательном стандарте РФ, чаще всего выражаются словами «способность», «владение» и «умение».

Если взять те компетентности, которые называются общекультурными, то они носят, скорее всего, гуманистически обобщенный характер, раскрывают личность через ее способности «изучать», «искать», «думать», «сотрудничать», «приниматься за дело» и «адаптироваться к полноценной социальной и профессиональной деятельности».

Опыт взаимодействия со слушателями заочного факультета и курсов повышения квалификации Санкт-Петербургского университета МВД России, проведение с ними фокусированного интервью позволило составить предварительное мнение о списке требований к выпускникам, которые запрашиваются руководителями органов внутренних дел. Если эти требования проранжировать, то на первом месте окажется «опыт работы» и «высокая мотивация на достиже-

ние результата». Запрашиваются коммуникативные навыки, позитивные мышление и отношения, умение планировать работу, знание законодательства, активная жизненная позиция, высокая работоспособность. Не обошли респонденты вниманием и необходимость лидерских качеств, умение работать с документацией, знание и владение ПК на уровне пользователя (особенно у следователей и оперативных работников), высокий уровень ответственности и организаторских способностей, умение четко и самостоятельно выполнять задачи, принимать решения и т. д.

Анализ методики оценки профессиональных компетенций обучающихся в процессе сдачи экзаменов и зачетов представляет значительный материал для размышлений. В настоящее время повсеместно принята методика, позволяющая оценить не только объем знаний, но и профессиональные компетенции. Для этого в экзаменационные билеты включены (наряду со стандартными вопросами) ситуационные задачи, адаптированные к профессиональной специализации курсантов. Соотношение результатов ответов показывает, что выход за пределы теоретических вопросов и необходимость проявления профессиональных компетенций при решении практических ситуаций выявляет низкий уровень сформированности последних. Это объясняется отсутствием у обучающихся методологических умений трансформировать опыт теоретического познания в метод решения реальных практических задач.

В одном из проведенных исследований было выявлено, что при высоком стремлении курсантов к служебному росту (94%), только 67% из них соответствуют занимаемой должности. Обращает на себя внимание относительно низкий уровень сформированности у курсантов теоретических знаний. Из числа протестированных более 50% курсантов обладают средними, а 11% — низкими знаниями по специальности. В некотором смысле это отражает основное противоречие всей современной системы образования — противоречие между быстрым темпом приращения знаний и ограниченными возможностями их усвоения обучающимися.

Вполне ожидаемые цифры были получены по итогам оценки личностных качеств и по результатам профессиональной деятельности респондентов: 67% курсантов имеют средний уровень организаторских способностей, 61% их демонстрируют средний уровень активности и самостоятельности, 61% — высокий уровень целеустремленности. Только у 28% курсантов обнаружены высокие результаты по службе*.

Даже такой неполный анализ позволяет сделать вывод, что на уровне «знать-уметь-владеть» система ведомственного образования вполне справляется с запросом практики. Как мы и предполагали, «выпадают» компетентности, которые захватывают глубинные личностные образования курсантов, их мотивы, ценности и смыслы, лидерские установки, способности и опыт работы в конфликтной атмосфере и неблагоприятных

морально-нравственных обстоятельствах продолжительное время и за невысокое вознаграждение.

Очевидно, что каждая служба и подразделение органов внутренних дел ожидают своего выпускника. Универсальные компетенции и компетентности личности служат только базой для успешной профессиональной деятельности. Понятно, что профессионал не формируется вне профессиональной среды и витального опыта оперативно-служебной деятельности. Наличие последнего означает, что умения и навыки, которые формируются в процессе обучения, составляют системное единство с жизнедеятельностью курсанта. Не абстрактное профессиональное будущее, не подготовка к профессиональной жизни, а погруженность в ее контексты уже сегодня и каждый день. Фрагментарность профессиональных контекстов, встречи с реальной практикой время от времени свидетельствуют о «неподлинности» образовательной среды с точки зрения приобретения курсантом опыта экзистенциальных переживаний. Но как такую «подлинную» среду создать в образовательной организации? Или хотя бы обеспечить систематическое попадание жизни ведомственного института в резонанс с реальной жизнью общества? Возникает проблема перевода с языка педагогики, языка обучения и воспитания профессиональных кадров на другой — язык социализации личности как свободного гражданина и субъекта собственной судьбы. Это важно подчеркнуть, поскольку образование утрачивает функцию ведущего «суперсубъекта», единственного источника и механизма социализации личности.

Профессорско-преподавательский состав ведомственного вуза в процессе реализации компетентностного подхода сталкивается с такими же трудностями, как и их коллеги из гражданских образовательных учреждений.

Это «профессиональная растерянность»¹² и «выученная беспомощность»¹³ обучающихся, это мучительные поиски технологии, которая позволила бы в рамках нескольких учебных предметов формировать одну компетенцию, а также связать различные компетенции и компетентности с задачами развития личностных качеств курсантов. Без развития личности, особенно ее творческих способностей, невозможно полностью осуществить перенос образовательных компетентностей в профессиональную сферу. Тем более сложно это сделать в условиях противоречивого единства и конкуренции ведомственного образования с запросами и требованиями различных сред, государственными и общественными институтами: семьей, правом, политикой, религией и т. д. В этом смысле любая специфическая форма организации образования неизбежно бросает вызов универсальному характеру его содержания.

Безусловно, образовательные стандарты третьего поколения (плюс) требуют новых учебных программ, новых методов преподавания, смещения принципов организации познавательного процесса с заучивания инфор-

* Исследование проводилось начальником кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, кандидатом психологических наук, доцентом, майором полиции Тагановой А. А.

мации на ее активный поиск и самостоятельное усвоение, развитие творческих начал и личной ответственности курсантов за конечный результат образовательной деятельности. Однако содержание знания и технологии его передачи коренным образом пока не изменились. Это оказалось самым сложным в методологии организации ведомственного образования. Не утратила свое значение и предметная направленность знания. Попытки организовать знание по ключевым проблемам, объединив его в проблемные модули, наталкиваются на существующее предметное разделение гуманитарных и социальных наук, на интересы кафедр и отдельных педагогов, привыкших работать с учетом содержания и структуры собственных учебных предметов. В проекте концепции кадровой политики МВД РФ в ОВД (до 2020 года) содержатся конструктивные идеи, которые могли бы (в случае их реализации) обеспечить решение текущих и перспективных задач в сфере кадрового обеспечения на основе комплексного учета потребностей обучающихся, профессорско-преподавательского состава учебного заведения и работодателя. В то же время разработчикам следует обратить более пристальное внимание на тот потенциал, который содержится в проектно-целевом подходе. Основная идея данного подхода состоит в использовании ресурсов становления единого образовательного и научного пространства в конкретном регионе на основе долгосрочных отношений с ведущими учреждениями профессионального сообщества. В проектно-целевом подходе привлекает ориентация на принцип сетевой трансдисциплинарной организации профессионального образования и возможности создания многопрофильных образовательных кластеров в регионе.

Одной из специфических характеристик ведомственного образования системы МВД выступает военизированный характер повседневной жизни обучающихся. Укажем на тот противоречивый мультиэффект, который она создает. С одной стороны, такая организация играет положительную роль, поскольку быстро формирует у курсантов способность к самоорганизации и коллективному поведению, единомыслию и беспрекословному подчинению. С другой стороны, привычка во всем полагаться на руководителя и на коллективные формы взаимодействия создает риск утраты (или инфляции) субъектности. Содержание деятельности учебных подразделений курсантов включает для этого множество соответствующих условий. В процессе решения учебно-познавательных задач часто можно наблюдать ситуацию, когда на предложение преподавателя задать вопросы на понимание, курсанты все дружно отвечают, что вопросов ни у кого нет. Если раньше профессорско-преподавательский состав, руководство вузов были озабочены ростом количества посредственных оценок у курсантов и слушателей, то в настоящее время педагоги и воспитатели все больше размышляют об угрозе посредственности как о социальном явлении. Имеется в виду тенденция последних лет, которая выражается в стремлении упростить процесс познания и сформировать точно такую же простую модель, не обремененную рефлексией и нравственными переживаниями личности исполнителя, готовую к подчинению власти.

Вовлеченность курсантов в коллективные формы саморегуляции, действительно, формирует у них готовность подчинять свою волю единой организации, единому центру легитимной власти. При этом чем выше уровень непосредственной внутренней готовности курсантов следовать единым нормам поведения и действий, тем меньше объем непосредственного принуждения и выше объем обобщенного, символического опосредования сложных форм их межличностных отношений. Привычка следовать требованиям законной власти формирует специфический когнитивный образ, объединяющий семантическое пространство или запас следов переживаний, рефлексии, опыта различных деятельности и поведения, всякий раз разворачивающихся в юридически релевантных ситуациях принятия решения. При этом субъект самостоятельно структурирует пространство актуального состояния, придает ему персонализированную форму и качество, произвольно изменяет его в сторону непрерывного усложнения и большей вариативности. Тем самым говорить о бездумном, слепом подчинении сотрудника приказам начальников и нормативным требованиям среды нельзя, так как выбор всегда остается за субъектом. В противном случае следует признать абсолютное господство формального социального порядка — закона, права — и упустить из виду содержательную сторону механизма регуляции отношений между субъектами ведомственной образовательной организации.

Формирование законопослушного поведения выступает следствием сквозной процедуры воспитания курсантов и слушателей, начиная с первого курса, каждый день на занятиях по общепрофессиональным и специальным дисциплинам, в процессе несения службы по охране общественного порядка, личным примером каждого педагога и служащего без исключения. И это, пожалуй, один из немногих механизмов профессионализации курсантов, который эффективно функционирует до сих пор.

Уважение всякой законной власти в структуре компетентности выпускника переносится в профессиональную сферу и является его несомненным конкурентным преимуществом.

Понятие «посредственность» подразумевает не один смысл¹⁴. В ходе занятий все чаще курсанты обращаются с просьбой не говорить сложным и заумным языком, не «утнетать» обучающихся своей эрудицией и не требовать слишком многого, уважать «простого» человека. «Простой человек», надо понимать, — это курсант, который не удосужился прочесть и осмыслить самостоятельно ни одной страницы базового учебника. Эта типичная картина, по всей видимости, характерна не только для ведомственного, но и в целом для всего отечественного образования. Попытки педагога оставить за собой право и роскошь говорить с аудиторией на языке современной психологической или философской науки приводит к снижению рейтинга преподавателя по результатам оценки курсантов и слушателей. Естественно, в обществе, в котором господствует популизм, ориентация на «клиповое мышление» и сниженный куль-

турный уровень «простого человека», сформирован запрос на компиляцию, на неконструктивную эклектику и редукционизм в познавательном процессе. На все то, благодаря чему содержание гуманитарных и социальных дисциплин вполне укладывается в прокрустово ложе тестовых методик и формальные процедуры контроля компетенций у обучаемых.

К чему это ведет, понятно. Бедность познавательных ресурсов, как правило, не только упрощает когнитивные модели личности, но и снижает ее мотивационный потенциал, который во многом поддерживает ее уникальность. Заниженные возможности людей уменьшают количество психотипов и делают их менее психоразнообразными, чем они могли бы быть. Тогда как профессиональная жизнедеятельность, наоборот, характеризуется все возрастающим разнообразием, а отличить, где добро, а где зло, в либеральном обществе не так-то просто и для мыслящего, чувствующего человека. В сложных жизненных ситуациях выбор и принятие решения для «простых» людей эвристически является сравнительно более трудной задачей. Такие типы людей склонны следовать за авторитетами, поддаваться внушению, легко соблазняться возможностью безответственности и свободы от личной вины, свободы от «комплекса неполноценности» перед всем, что превышает скромные интеллектуальные возможности и опыт «простого» человека. Как правило, такой тип граждан является удобным населением в хорошо контролируемых обществах¹⁵, а также основным источником пополнения рядов маргиналов, «недовольных жизнью», экстремистов и террористов. Однако опасность заключается не только в этом. Получив власть, посредственность может превратиться в тираническую силу, имеющую право требовать от всех и каждого, чтобы угождали ее невежеству и лени.

Таким образом, перед ведомственным образованием стоит непростая задача: пройти между Сциллой и Харибдой образования и социализации, профессии и специальности, между компетентностным подходом и экзистенциальными интенциями личности как субъекта правоохранительной деятельности.

Вопросы, связанные с соотношением глобального и локального в подготовке кадров, могут представлять интерес в связи с ограничением доступа к некоторым ресурсам развития и неоднозначностью результатов проводимых реформ, появлением новых рисков и угроз в области безопасности, поиском новых возможностей в подготовке кадров современной генерации. Ведомственное образование формирует способность профессионала к целесообразному социальному действию, основанному на ценностях той социальной окружающей среды, в которой он готовится работать. В этом смысле ведомственное образование всегда привязано к локальному контексту и претерпевает неизбежные модификации под воздействием ближайшей социокультурной среды. Если некоторые компетентности выпускника все же имеют шансы получить универсальное выражение, то большинство из них сталкиваются с ограничениями локальной среды, которые не позволяют им в полной мере выйти на глобальный уровень.

Безусловно, подход к образованию как к формированию готовности выпускника не столько к решению профессиональных задач, сколько к служению, к образу жизни усложняет проблему подготовки высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел за счет обращения к ресурсам различных социальных контекстов. Процесс сокращения трудовых ресурсов будет неизбежно сопровождаться тенденцией к удлинению жизненного цикла работника. Это ставит под сомнение существующий подход к закреплению кадров в профессии. Уже явно недостаточно рассчитывать на то, что молодой сотрудник будет служить, скажем, от пяти до десяти лет¹⁶. Для этого надо предлагать ему сквозные стимулы, планировать его карьеру и на поздних этапах профессиональной деятельности. Тогда профессионала можно будет связать со службой в органах внутренних дел на всю жизнь. Для этого уже недостаточно осуществлять прогнозирование развития профессии и самой личности профессионала, следует задумываться о динамике качества его жизни в целом.

Не лишним будет провести ревизию существующих критериев оценки уровня развития компетентностей обучающихся. В настоящее время уже никого не могут удовлетворить посредственные оценки и пассивность в личностном и профессиональном саморазвитии. Надо внедрять в образование цифровые технологии, технологии опережающего обучения, принципы акмеологичности, исключающие «средние показатели» и определяющие только самый высокий качественный уровень самореализации личности, ее готовность планировать карьеру и непрерывно обучаться.

Отсюда объективная необходимость обращения к социально ориентированной модели, в отличие от локальной, соединяющей образование и социализацию обучающихся посредством формирования у них витального опыта сквозного и непрерывного экзистенциального самоопределения, самоорганизации, самовоспитания и саморазвития на всех этапах профессиональной самореализации сотрудника правоохранительных органов. При этом жизнестойкость и патристическое служение выпускника обществу является гарантией сохранения социальных ценностей и идеалов, системных атрибутов и преимуществ образовательной среды ведомственной учебной организации.

¹ Зыков Д. В. Виды юридического мышления: методологическое и теоретико-правовое обоснование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 88.

² О внесении изменений в приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России» : приказ МВД РФ от 02 августа 2013 г. № 591.

³ Вербицкая Н. О. Компетенции: педагогические проблемы восприятия // Профессиональное образование. Столица. 2012. № 5. С. 19–22.

⁴ Гусева Н. В. Профессионально-ролевое самоопределение курсантов вузов МВД России : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. 257 с.

⁵ Папченко Е. Б. Оценки и прогноз социально-психологической адаптации выпускников вузов МВД России : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. С. 3.

⁶ Рулан Н. Юридическая антропология : учебник для вузов / отв. ред. и автор предисл. В. С. Нерсисянц; пер. с фр. А. И. Ковлер. М., 1999. С. 12.

⁷ *Налимов В. В.* Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989. С. 135.

⁸ *Шаранов Ю. А.* Идеал профессиогенеза в контексте ценностно-смыслового регулирования правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63). С. 222.

⁹ *Гривенная Е. Н.* Методологические основы оценки деятельности высших учебных заведений с использованием рейтинговых технологий. Краснодар, 2012. С. 36.

¹⁰ *О внесении изменений в приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных учреждений МВД России»* : приказ МВД РФ от 02.08.2013 № 591.

¹¹ *Пашин В. М., Кобозев А. А.* Проблемы кадровой доктрины в системе МВД России // Административное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 11.

¹² *Корчемный П. А.* Компетенции: психологические проблемы восприятия, принятия и реализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2013. № 2. С. 44–57.

¹³ *Вербицкий А. А.* Личностный и компетентностный подход в образовании: проблемы интеграции. М., 2014. С. 10.

¹⁴ *Седакова О. А.* Посредственность как социальная опасность. Стенограмма лекции, прочитанной 2 декабря 2004 года в клубе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции Полит.ру». URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-304002.html> (дата обращения 07.08.2015).

¹⁵ *Тиллих П.* Мужество быть / перевод Т. И. Вевюрко // Тиллих П. Избранное. М., 1995. С. 7–131.

¹⁶ *Сандрюкова Е. А.* Организационно-экономические условия формирования госзаказа на организацию образовательных услуг для подготовки специалистов ОВД РФ : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2012. С. 8.

АМЕЛЬЧАКОВ Игорь Филиппович, кандидат юридических наук, доцент, начальник Белгородского института МВД России им. И. Д. Путилина. E-mail: belui-general@yandex.ru.

АНТОНОВА Эльвира Александровна, старший преподаватель кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. E-mail: Belk-64@mail.ru.

БАБУШКИН Геннадий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии Сибирского государственного университета физической культуры и спорта. E-mail: gena41@mail.ru.

БАРАНОВА Ольга Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета. E-mail: olga_ps@mail.ru.

БОЙКО Ольга Альбертовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России. E-mail: mario011@mail.ru.

БУЛЫСОВА Татьяна Валентиновна, начальник кабинета специализированных кафедр криминологии и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. E-mail: tbulysova@mail.ru.

ГРАНКИНА Ирина Валерьевна, заведующий детским психиатрическим отделением БУЗОО «Клиническая психиатрическая больница им. Н. Н. Солодников», аспирант кафедры психиатрии, медицинской психологии Омской государственной медицинской академии. E-mail: iragranksina@yandex.ru.

ДОЛИН Вячеслав Александрович, кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского института МВД России им. И. Д. Путилина. E-mail: v.a.dolin@mail.ru.

ЕРЕМЕНКО Татьяна Евгеньевна, заместитель начальника отдела морально-психологического обеспечения Ростовского института МВД России. E-mail: t-eremenko.79@mail.ru.

ЖАЙВОРОНОК Артем Викторович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России. E-mail: mushanastya@yandex.ru.

ЖЕЛОНКИНА Екатерина Алексеевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Уральского юридического института МВД России. E-mail: gelonkinaea@yandex.ru.

ЗАБЕГАЛИНА Светлана Викторовна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры психологии Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. E-mail: svetlanviktorovna@mail.ru.

ИВАНОВА Татьяна Ильинична, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры психиатрии и медицинской психологии Омской государственной медицинской академии. E-mail: Ivanova.Tatiana55@yandex.ru.

КЛЕВЦОВ Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминологии и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. E-mail: kgb-orel@rambler.ru.

КУЛЕШОВ Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела координации научной деятельности ДГСК МВД России. E-mail: rv111@mail.ru.

ЛИТВИН Дмитрий Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры специальной тактики Краснодарского университета МВД России. E-mail: Lvq58@mail.ru.

ЛУПЫРЬ Валерий Григорьевич, кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры огневой подготовки Омской академии МВД России. e-mail: Lvq58@mail.ru.

ПАНОВ Сергей Леонидович, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: spanov1960@mail.ru.

СИДОРОВА Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, заместитель начальника научно-исследовательского отдела Омской академии МВД России. E-mail: sidorova.81@mail.ru.

СКЛЯРЕНКО Инна Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. E-mail: ic-k@mail.ru.

СОЗОННИК Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, начальник адъюнктуры Саратовского военного института внутренних войск МВД России. E-mail: sznник@mail.ru.

СТАРОСТИН Александр Александрович, преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Омской академии МВД России. E-mail: starostin_1968@mail.ru.

ТЕРЕЩЕНКО Владимир Валерьевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии психолого-педагогического факультета Смоленского государственного университета. E-mail: terechenko2007@yandex.ru.

ТИМКО Светлана Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, психологии и педагогики Омской академии МВД России. E-mail: satimko@list.ru.

ФЕДОТОВ Сергей Николаевич, доктор психологических наук, профессор, начальник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. E-mail: fedotovsn@rambler.ru.

ЧЕСОВСКАЯ Марина Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского института МВД России им. И. Д. Путилина. E-mail: mthesowsk@mail.ru.

ЧИГАРЬКОВА Анна Владимировна, психолог войсковой части 45097-2. E-mail: AnyutkaC@rambler.ru.

ЧОВДЫРОВА Гульшат Сулеймановна, доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор кафедры юридической психологии Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. E-mail: Gulchat1944@yandex.ru.

ШАРАНОВ Юрий Александрович, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России. E-mail: niospba@mail.ru.

ШИЛОВА Ирина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогической психологии Омского государственного педагогического университета. E-mail: alpaka1@yandex.ru.

ШПАГИНА Елена Михайловна, кандидат психологических наук, начальник кафедры информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя. E-mail: shpaginaelena@yandex.ru.

ЯКОВЛЕВ Борис Петрович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Сургутского государственного университета. E-mail: boris_yakovlev@mail.ru.

MORALLY PSYCHOLOGICAL AND PROFESSIONAL TRAINING AND RELIABILITY

P. 3. Fedotov S. N., Eremenko T. E. On the psychological factors' influence on cadets of educational institutions of the Russian MIA successful service.

The article deals with the problem of investigating psychological factors of successful service performed by cadets of educational institutions of the Russian MIA. The authors provide the results of factor analysis of data obtained during the psychodiagnostic examination of successful cadets. There is a description of a psychological profile of a successful cadet. The research results can be used in estimating cadets' personal and business qualities, in conducting the scheduled (unannounced) assessment, promoting the personnel resources, forming psychological profile of cadets listed in a high risk psychological pedagogical group etc.

Keywords: service, personality reliability, psychological factors of successful service, psychodiagnostic examination, regression equation.

P. 8. Shpagina E. M. Issues of information security in the work of psychologists of the Interior agencies.

The article expands on legal and organizational basis for information security in the psychologist's work. The author gives examples of elementary means of protecting information.

Keywords: information received due to psychological work in the Interior agencies, confidential information (for internal use), information security measures in the work of psychologists of the Interior agencies.

P. 12. Sozonnik A. V. Formation of professional identity of a cadet's personality at different stages of professional socialization.

The article sets forth descriptors of professional identity of a cadet's personality. The provided factor analysis of types of cadet's identities at different stages of military professional socialization indicates identification shifts from initial military role position to learning and military professional and military special identity.

Keywords: personality, identity, socialization, professional socialization, self-image.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PERSONALITY FORMATION AND DEVELOPMENT

P. 18. Sklyarenko I. S. Experimental research on developing the Interior institutions cadets' value attitudes of professional communication.

The article dwells on the results of experimental research on developing the Interior institutions cadets' value attitudes of professional communication. The author estimates the level of the cadets' value attitudes of professional communication on the following criteria: cognitive, sensitive, motivational and practical. The focus is made on the positive dynamics of the identified criteria, and the effectiveness of the used pedagogical system is proved.

Keywords: cadets, value attitudes of professional communication, experimental research.

P. 23. Litvin D. V., Lupyr V. G. Peculiarities of police officers' professional competence in using coercive force (exemplified by Krasnodar krai).

The article analyses empirical data of using coercive force, reveals characteristic features and disadvantages of the police officers' professional training in using coercive force, special means and firearms. The authors formulate recommendations on improving related professional competences.

Keywords: professional training; professional competences; coercive force, special means and firearms used by police; practice of using coercive force.

P. 29. Zabegalina S. V., Chigarkova A. V. Adaptation and expectation abilities within the structure of behavioural and cognitive peculiarities of a person.

The article provides the results of the empirical research of adaptation and expectation abilities within the structure of behavioral and cognitive peculiarities of a military man.

Keywords: adaptation, adaptation and expectation abilities, behavioural tendencies, self-regulation styles, personality, expectation, field dependence — field independence.

P. 33. Shilova I. M. Psychological maintenance of a student in the process of professional training and education.

The article deals with the concept of psychological maintenance, its essential characteristics, the content of psychological maintenance at the stages of professional training and education. The author considers approaches to the development of students' psychological maintenance programs based on the project technique.

Keywords: psychological maintenance, student's age, adaptation stage, intensification stage, identification stage, project.

P. 35. Baranova O. V. On the development of psychologist's professional thinking.

The article discusses the problem of the psychologist's professional thinking development, defines the features of humanitarian technologies, reasons the option to develop the aptitudes of socially oriented thinking within psychologists' professional training via pedagogical workshops.

Keywords: professional thinking, aptitudes of socially oriented psychologists' thinking, humanitarian technology, pedagogical workshops.

PSYCHOLOGY OF DELINQUENT BEHAVIOUR

P. 38. Kuleshov R. V. Psychological criminalistics peculiarities of subjects in extremist and terrorist crimes as the object of scientific study.

The analysis of psychological criminalistics peculiarities of subjects in extremist and terrorist crimes as the object of scientific study (both in scientific literature and those revealed by the author) resulted in the systematized psychological criminalistics portrait of the subjects of the mentioned crimes, the influence of peculiar characteristics on the formation and realization of criminal intent being proved.

Keywords: extremism, terrorism, crimes, criminality, extremist activity, terrorist activity, criminalistics, criminalistics characteristics of crimes, subject of a crime, aggression, peculiarities important from criminalistics aspect, extremist.

P. 41. Boiko O. A., Panov S. L. Socially psychological aspects of using "spices".

The article dwells on the issues of using spice-like smoking mixes containing narcotics and psychotropic substances or their synthetic analogues; studies determinants of their usage amongst juveniles and youth. The authors suggest measures that can help to prevent using smoking mixes dangerous for health.

Keywords: drug addiction, smoking mixes containing narcotics, socially psychological causes of using spices, prevention of juveniles' and youth's use of smoking mixes containing narcotics.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF EDUCATIONAL, LEGAL AND PREVENTIVE WORK

P. 44. Amelchakov I. F., Chesovskaya M. G., Dolin V. A. Tolerance as personality quality of a law enforcement officer (theory and methodology grounds).

The authors focus on conceptual grounds for the activity-based approach, reason the perception of a law enforcement officer as the subject of cultivating tolerance involved in the collective work. In establishing tolerance (as the quality of a law enforcement officer) three potential restrictions are examined and three levels of tolerance are reasoned. The conclusions made are up-to-date for self-education and for organizing educational activity in the Interior agencies.

Keywords: education, the Interior agencies, tolerance, intolerance, violence, activity-based approach, authoritarian personality.

P. 47. Timko S. A., Zhaivoronok A. V. Detective and preventive operations as the means of preventing juvenile group crimes.

The article estimates the Interior agencies' work carried out within detective and preventive operations which aim at counteracting juvenile group crime.

Keywords: detective and preventive operation, prevention, the Interior agencies, juvenile group crimes, group, informal youth groups.

P. 50. Starostin A. A. Considering characteristics of suspects and convicts in the work of guard and convoy units of the Interior Ministry.

The author explores the issues of preventing accidents during the guard and convoy of persons suspected and convicted of crimes, their peculiar personal features and illegal inclinations taken into account. Normative law acts regulating the mentioned activity are also considered.

The article comprises the suggestions aimed to prevent escapes, attacks, self-mutilation and other unlawful actions which can be done by the inmates (due to characteristics of their personality).

Keywords: suspects and convicts, suspect's personality, guard and convoy activity, prevention of accidents.

PSYCHOLOGY-PEDAGOGICAL CORRECTION AND REGULATION OF STATES

P. 53. Chovdyrova G.S., Antonova E.A. The Interior officers' unfavourable psychic states and levels of development of professionally important psychological qualities.

The article considers the structure of professionally important qualities and its relation to unfavourable psychic states. The authors reveal the knowledge, skills and abilities' influence on the prevention of criminal incidents connected with changes in psychic states of the Interior officers. The dynamics of unfavourable states and necessity to carry out preventive measures is shown, service conditions taken into account.

Keywords: stress, pressure, anxiety, professionally important qualities, extreme situations, unfavourable psychic states and their signs.

P. 57. Grankina I. V., Ivanova T. I. Psychological pedagogical correction of children with deviant behaviour and mental disorders.

The article presents the results of studying pathogenic factors of forming deviant behaviour of children with mental disorders. That included analysis of influence of child's physique, biological and early organic disorders and socialization which determine the direction of psychological pedagogical correction.

Keywords: children, deviant behaviour, factors of formation.

P. 61. Yakovlev B. P., Babushkin G. D. Mobbing as psychological terror for the students.

The article deals with the characteristics and manifestation of mobbing in a social environment, the causes of its origin, and consequences. Organizational and personality factors for arising and development of mobbing are considered. The authors give possible ways of overcoming and preventing it.

Keywords: psychological mobbing, education, school, pressing, gifted children.

FOR INSTRUCTORS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: THEORY AND PRACTICE

P. 65. Klevtsov V. V., Bulysova T. V. Peculiarities of the learners' development of practical skills and abilities in using criminalistics techniques at practical lessons of criminalistics.

The article focuses on peculiarities of developing skills in criminalistics at the practical lessons of Criminalistics at the MIA higher educational institution. These skills are necessary for establishing professional competencies of future specialists.

Keywords: practical lesson, criminalistics, establishing professional competencies, using criminalistics techniques.

P. 67. Sidorova I. V., Zhelonkina E. A. Development of assessment means determining the level of the students' competencies during current and interim merit rating.

The article considers methodical aspects of assessment of the learners' preparedness within the current competence-based approach used at educational institutions. The authors reveal the algorithm of developing assessment means whereby one can estimate the level of the learners' acquiring of educational programme and the development of competencies required by the Federal State Educational Standards of higher professional education during the current and preliminary assessment.

Keywords: assessment means storage, competence-based approach, current assessment, preliminary assessment, stages of competencies development.

P. 71. Tereschenko V. V. Innovation technologies options in teaching juridical psychology to jurisprudence bachelor degree students.

The article describes the innovation methods options in teaching jurisprudence bachelor degree students. The arguments in favour of case technology are given. The author extends and specifies the ideas of forensic psychology expertise testing the psychic state of a suicide and exemplifies it by the case and methodic facilities to solve it.

Keywords: case technology, juridical psychology, forensic psychology expertise, algorithm of professional activities of a lawyer.

JOIN OUR DISCUSSION

P. 76. Sharanov Yu. A. The main contradictions of departmental education development.

The article problematizes the concept of «departmental education», reveals advantages and disadvantages of this form of organizing personnel training, sets the problem of correlation between local and global features in managing departmental educational environment, defines the main contradictions in implementing competency-based approach.

Keywords: values and advantages of departmental education, correlation of local and global features of educational environment, aimed management, value management, military-related environment, competencies of a professional, mediocrity.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ПОДПИСЧИКОВ

Уважаемые коллеги!

Журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах» выходит с периодичностью 4 номера в год. В нем освещаются вопросы морально-психологической, профессиональной подготовки и надежности, психодиагностики и познания личности, психологии правонарушающего поведения, коррекции и психорегуляции состояний, аспекты психолого-педагогического обеспечения учебно-воспитательного процесса, проблемы практической психологии. Даются рекомендации практическим психологам, преподавателям вузов, руководителям подразделений и др.

Полнотекстовая версия журнала находится в сети Интернет на сайте Электронной библиотеки: www.elibrary.ru; www.iteos.ru

Журнал представлен на веб-сайте академии, размещенном по адресу: <http://omamvd.ru>.

Журнал входит в российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Научно-практический журнал «Психопедагогика в правоохранительных органах»

Подписные индексы: 41979; 41980 (по объединенному каталогу «Пресса России»); 11310 (по каталогу «Почта России»). Возможна также подписка через агентство «Издательский дом „Экономическая газета“», тел.: (499) 152-88-50. E-mail: olivar@ekonomika.ru. Адрес электронной подписки: www.vipishi.ru.

Адрес: 644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации». Тел.: +7-913-971-80-28; E-mail: karavaevmvd@mail.ru; веб-сайт академии: <https://oma.mvd.ru>.

Для публикации статьи в журнале авторы представляют в редакцию:

- две рецензии — внешнюю и внутреннюю (для аспирантов и адъюнктов — заключение кафедры);
- УДК, аннотацию, подборку ключевых слов (на русском языке);
- сведения об авторах (Ф. И. О. (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация, почтовый и электронный адреса, контактные телефоны. Эти данные следует размещать перед названием статьи).

Требования к представляемым материалам

1. Набирать текст через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman, кегль 14.
2. Использовать сквозную нумерацию сносок, располагая их в конце статьи (концевые сноски) (ГОСТ Р.7.05.2008 «Библиографическая ссылка»).
3. Объем рукописей не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков), включая рисунки, графики и таблицы. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.

Вниманию подписчиков!

Для приобретения журнала через редакцию необходимо:

1. Выслать заявку с указанием Ф. И. О. (полностью), точного почтового адреса (с индексом), количества экземпляров.

2. Оплатить в банке. Банковские реквизиты: **ИНН** 5507028845. **КПП** 550701001. **ОКТМО** 52701000. **Получатель:** УФК по Омской области (ОМА МВД России л/счет № 04521309190). **БИК** 045209001. **Расчетный счет** № 40101810100000010000 ГРКЦ ГУ Банка России по Омской обл. г. Омск.

Код платежа: 18811301991010500130. Юридический адрес: 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7. Возможна оплата почтовым переводом с пометкой «Психопедагогика...».

3. Выслать заявку и копию платежного поручения, квитанции по адресу: **644092, г. Омск, пр. Комарова, 7. ОМА МВД России. Редакция журнала «Психопедагогика в правоохранительных органах», Карваеву Александру Федоровичу. Тел. 3812-75-13-04; 75-04-96.**

4. Имеются в продаже выпуски журнала за предыдущие годы. Цена одного экземпляра — 200 руб.

Редакция приглашает к сотрудничеству